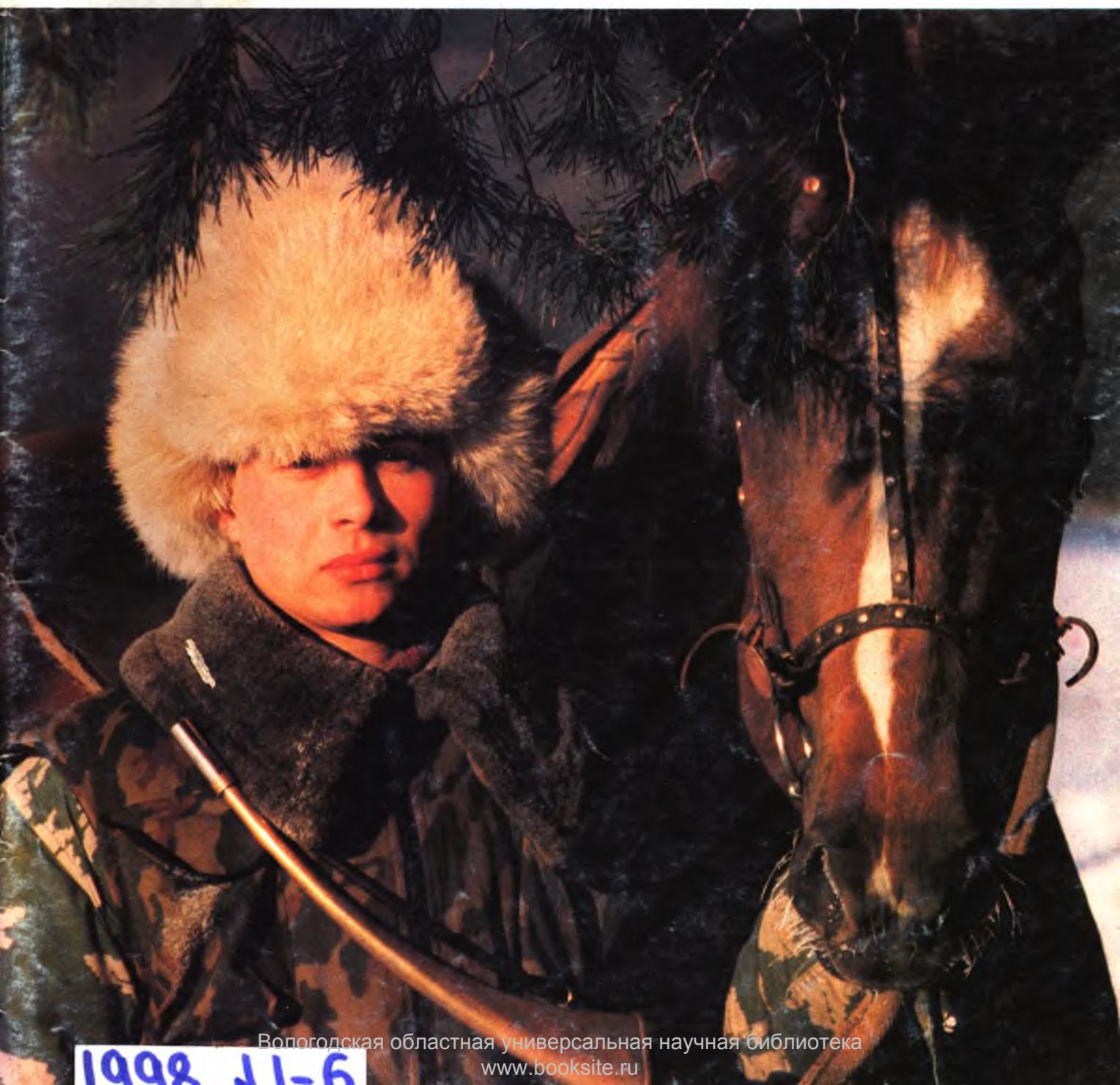

охота

и охотничье хозяйство

1

1998

1998 11-6

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

Рыжеголовый
(средиземноморский)
сокол. Украинская белка.
Колымский горностай.

Рисунки В. Ватагина
к очерку В. Шишкина
«Добрые звери
мудрого мастера»

Что год грядущий..?

Вот и пролетел-промчался еще один год нашей жизни, и мы вступили в год Новый — 1998-й. До конца столетия осталось совсем немного. И хотя века и тысячелетия — всего лишь придуманное человеческим условное разграничение бесконечного потока времени, с их каноном и начальном связывают ожидание чего-то нового, небывалого, чаще всего — тревожного.

Что год грядущий нам готовит? Что ждет нас в Новом Году и чего ждем мы от Нового Года? Оправдывается ли недавняя наивная вера в счастливые и скорые перемены или затянувшееся изнуряющее упование на лучшее будущее вновь обернется несбыточными мечтаниями?

Несколько лет назад нежданно-негаданная гибель величайшей на земле страны принесла нашему народу потрясение такой нравственной силы, что многие до сих пор не могут выйти из психологической депрессии.

И. А. Бунин как-то сказал: «Что до нас, то мы должны унести с собой в могилу разочарование величайшее в мире». После распада СССР значительной части нашего общества, в годы перестройки пребывавшей в состоянии эйфории, это разочарование суждено было испытать еще раз.

Что делать? Что делать, чтобы горькое чувство неоправдавшихся надежд не унести в могилу, а преодолеть его, принять реалии нового бытия и примириться с ними?

Нет ничего банальнее, чем уговаривать друг друга снова терпеть, ждать и надеяться, как пишут в газетах, на «позитивные перемены в экономике и социальной сфере». Для многих гораздо важнее другое — скорейшее возвращение и восхождение к «духовной сокредоточенности и высоте» (А. Солженицын), что в последние годы было почти полностью вытеснено и замещено политикой и поисками путей выживания.

Сердце вряд ли готово смириться с ужиманием Великой России до Российской Федерации и со всем тем, чем на сегодня нас «одарил» звериный оскал дикого капитализма, но разум подсказывает, что возвращение в прошлое невозможно. Стратегия человечества, как часть общего эволюционного процесса биосфера, определяется фундаментальными законами природы, над которыми, как известно, человек не властен. И эта стратегия прогрессивна: поступательное движение общества — отварварства к цивилизации, от деспотизма к демократии, от невсвободы к свободе.

1998 год — 43-й год жизни нашего журнала. Волонтеристско-дилетантский пересек к новой общественно-экономической формации привел к тотальному разрушению промышленности и угасанию многих других сфер человеческой деятельности.

В тяжелейшем положении оказались и средства массовой информации — тиражи газет и журналов сократились более чем в 20 раз. Оставшиеся на плаву доперестроочные издания продолжают падать, так как поборившие это причины не перестают действовать. Развал страны на 15 государств, в 14 из которых русскоязычные СМИ фактически «обнулились» (словечко московского мэра); появление близких по тематике изданий-конкурентов, спонсируемых «денежными мешками»; глубочайший спад общественной активности после духовного подъема периода перестройки; обвальное обнищание широких народных масс (мизерные зарплаты, пенсии и пособия и их

многомесчные невыплаты) — все это погубило многие периодические издания и привело в плачевное состояние те из них, которым удалось выжить.

Крепко досталось и нашей редакции. Раньше у нас не было проблем с деньгами, но не было и свободы, затем пришла независимость, но не стало денег. Появилась другая цензура — цензура рынка.

Постоянные читатели, наверное, помнят, что в 1991—1992 годах сдвоенные номера журнала зачастую выходили «в своей обложке», попросту — без обложки. «Что это вы разгуливаете в неглиже?» — заметил по этому поводу В. М. Песков, получив очередной номер такого сэквестрированного журнала.

Наш читатель — человек, как правило, небогатый, что, видимо, всегда было уделом охотника-любителя — страстного мечтателя, романтика, бессребренника. Теперь среди читателей и поклонителей журнала гораздо больше тех, кто не в состоянии заплатить за подписку, хотя «Охота и охотничье хозяйство» остается одним из самых недорогих периодических изданий.

Но несмотря на то что еще недавно, как бы оправдывая слова охотоведа Д. К. Соловьевы о тяжкой доле отечественной охотничьей периодики, журнал наш «почти с трудом включил свое существование», внимательный читатель не мог не заметить положительных перемен в его художественном оформлении и полиграфическом исполнении.

Журнал стал выходить на улучшенной бумаге, поэтапно вводилась вторая краска, со второго полугодия 1995 года вся обложка стала цветной, в 1996 году один бумажный лист из трех (16 страниц) был переведен на цветную печать, а с прошлого года уже весь журнал печатается в цвете. Мы сочли также возможным не увеличивать стоимость годовой подписки и подписки на первое полугодие 1998 года.

Мы обращаемся к руководству Моспочтамта (экспедирование тиража), Министерства путей сообщения (магистральные перевозки), Чеховского полиграфкомбината (типографские услуги), Министерства связи (доставка журнала на дом) и других служб, причастных к производству и распространению журнала. Ведь все мы заинтересованы в сохранении и увеличении тиражей периодических изданий. Так давайте же остановим дальнейшее повышение цен на газеты и журналы, это в наших силах. «Охота и охотничье хозяйство» не распространяется в розницу, в нем почти нет рекламы. Средства, полученные за подписку, — единственный источник существования и выживания журнала.

Дорогие друзья, наши подписчики, читатели, корреспонденты — все, кто помогает редакции создавать журнал!

Мы поздравляем вас с Новым Годом и желаем всего самого светлого и доброго.

Пожелаем и нашему журналу — старейшему среди сеbe подобных — всегда оставаться флагманом охотничьей периодики России, серьезным охотоведческим и природоохранным изданием.

Мы призываляем всех, кому дороги интересы природы, охоты и охотничьего хозяйства, активнее включиться в работу журнала, сообщать нам о неправомочных, противозаконных действиях местных властей, о нерешенных проблемах, обо всем, что тревожит и волнует. Только объединив и умножив усилия, мы сумеем найти пути спасения любимой Охоты и укрепления охотничьего хозяйства в непривычных, неведомых нам условиях свободной рыночной экономики.

Пока жива Охота,
Покуда есть друзья,
Ведь надо делать что-то —
Иначе жить нельзя.

Этим слегка перерифицированным мной четверостишием поэта Б. А. Чичибабина позвольте закончить краткую передовицу и еще раз сердечно поздравить вас с наступившим Новым Годом!

Главный редактор О. ГУСЕВ

охота

и охотничье хозяйство

1998

Ежемесячный иллюстрированный журнал.

Учредители: трудовой коллектив редакции журнала,
Союз обществ охотников и рыболовов РФ.

• Основан в октябре 1955 г.

Золотой фазан

Серебряный фазан

УВЛЕЧЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Александр Сергеевич Блистанов со своими Ингой, Агатой и Лотой

В этом щенке кровь пятнадцати чемпионов

Одни знают Александра Сергеевича БЛИСТАНОВА как директора биосферного заповедника, другие — как одного из самых заслуженных собаководов, трети — как знатока и коллекционера различных пород кур и других птиц, четвертые — как организатора и

руководителя охотничих хозяйств. Его увлеченность помогает ему и на семьдесят пятом году жизни быть полным сил и всего себя отдавать любимым занятиям.

А. С. БЛИСТАНОВ любезно согласился ответить на вопросы А. СЕВАСТЬЯНОВА

— Александр Сергеевич, как получилось, что первая ваша специальность ни к охране природы, ни к охоте отношения не имела?

— Это получилось случайно. В сорок первом году закончил десятилетку и хотел поступать в Пушно-меховой институт. Еще не приступили к сдаче экзаменов — началась война. Всем классом, добровольно, пришли в военкомат на защиту Отечества. Копали под Брянском окопы. Приехал офицер из военкомата. Нас построили, сказали, что возьмут в летное училище связи. Медицинская комиссия сколько-то ребят отобрала, а нас: «На первый-второй — рассчитайся!» Первые идут в медицинскую академию, вторые — в академию тыла. Я попал в медицинскую.

Пришел майор и сказал: «У врачей есть кто играет на пианино, и один даже на скрипке. У фармацевтов никого нет. А ты хоть на баяне немножко играешь. Ты фармацевтом будешь».

Вот так из меня сделали фармацевта. Учились до сорока второго года, а потом прямо под Сталинград.

Закончил войну в звании капитана. Ордена получил. Потом закончил Морскую медицинскую академию, стал провизором, и провизором меня направили на Северный флот.

— А почему еще со школы вы мечтали о профессии, связанной с охотой?

— Мой дед по матери, Казаков Федор Яковлевич, жил в Калужской области и держал стаю гончих, а из легавых держал гордонов. Гончие были с великолепным голосом. Я еще в школу не ходил, а помню, как вечерами на открытом крыльце дома в валенках и полуушубках раздувают самовар, сидят, чай пьют и слушают гончих. И я с ними. Уже тогда понял прелест охоты с гончими. Как-то она сама на душу легла. И музыкальность, и доносчивость, и все.

А зайца знаете сколько было! Дед с братом пойдут и из леса несут зайцев на жерди. Бабка страшно ругалась, что дед ходил на охоту. Он меня попросит: «Шур, вот как бабушка пойдет на кухню, вынеси мне ружье». Я ему еле выволоку ружье.

А вот по птицам — это дед по отцу был. Любил птиц. Так что с обеих сторон прилипло все, и от одного, и от другого. Очевидно, умело лепили.

— Как же вы все-таки пришли в охотничье хозяйство?

— С охотой, с собаками почти никогда не расставался, даже когда плавал. На сорок третьем году жизни стал поступать на заочное отделение охотоведческого факультета. А мне откали. Вы, мол, подполковник, уже в возрасте, все равно у нас работать не будете. Но потом, как участник войны, все же поступил, окончил и получил диплом биолога-охотоведа.

На пятом курсе надо было работать по специальности. А у меня все выходило с выслугой лет: война, север, и уже календарных — двадцать пять.

Собрался увольняться, но вышло так, что вместо увольнения оказался у министра, у Гречко. Он говорит: «Вы знаете, у нас офицера-охотоведа нет, а мы делаем охотничье хозяйство, где должность полковничья. Я посмотрел ваше личное дело, вы нам подходите. Если будет ваше согласие, возьмем вас на эту должность».

Вечером я согласился, а утром уже был приказ.

Стал создавать в Калужской области охотничье хозяйство «Барсуки». Проработал там шесть лет.

Предложили сделать второе охотничье хозяйство с учетом положительного и отрицательного опыта «Барсуков». Мы с охотоведом выбрали участок в двести десять тысяч гектаров и стали делать Калужское хозяйство. Три года почти в полевых условиях, в палатке. Я уже имел опыт и по выпуску животных, видел, как работают в охотничьих хозяйствах в Венгрии, в Германии. Старался их биотехнико перенять, чтобы численность животных повышать. А вот стиль охоты, чтобы наш был, русский. Хозяйство заработало, сделали помещения, стали принимать охотников, все было хорошо. Но серьезно заболела мать, и пришлось оставить работу в охотохозяйстве.

— После этого вы работали директором Приокско-Террасного заповедника?

— Да. В Калужском охотохозяйстве площадь была двести десять тысяч гектаров, а тут всего пять тысяч заповедной территории. Но оказалось столько работы! Жилой фонд развален, дорог нет, все разбито. Люди живут на кордонах на территории заповедника. А раз в рамках заповедника — ни пчелу держать, ничего же нельзя. А как только приехал, через неделю начал выносить кордоны.

Нина Васильевна Заблоцкая — заместитель по науке. Она всю жизнь отдала заповеднику. Начали работать. Я больше «на внешней орбите», она — в самом заповеднике. Ее муж, Николай Александрович Заблоцкий, зубрород. Я считаю, что именно он восстановил зубров не только в СССР, а в мире.

По две книги трудов издавал заповедник в год. И очень быстро, за несколько лет, мы выполнили программу ЮНЕСКО, первыми в стране стали биосферным заповедником.

— Александр Сергеевич, многие слышали о вашем увлечении курами и другими птицами.

— Это, как и охота, собаки, — тоже с детства... Занимался брамами, кокинхинами, минорками, плимутроками и другими. Есть папка, в которой записано, с чем я пересекал границу. Никогда не купил там себе никакой тряпки. В моем доме ничего заграничного нет. На все, что было — мои командировочные или какие-то другие деньги, — покупал и вез сюда птиц. Семьдесят пять пород привез в страну: кур, голубей, уток, гусей. Приоб-

ретал не только хорошие иностранные породы, находил там и почти утерянные у нас русские породы.

Наши сорта яблок, породы свиней, овец, лошадей, коров, птиц оценивались очень высоко теми, кто может оценить. Нельзя дать погибнуть творениям рук русского человека. Каждый, кому дорог труд наших предков, должен найти в себе силы и по возможности решение, как сохранить все это в наше смутное время.

Я внедряю, раздаю нашу русскую птицу, которую держу. Вот сад. Осенний выдаю отсюда сотни побегов наших сортов для прививки. Кто может, чем-то другим пускай займется, но нельзя дать погибнуть нашему наследию.

А фазаны, которых видите, черный дрозд, синяя птица, жаворонки, щеглы, славка-черноголовка — это так, увлечение.

— Но, по-моему, основное ваше увлечение — собаки.

— Да, это верно. Собак держал все время. Когда служил в Архангельске, в выходные выезжали с гончими. Было у нас хорошее mestechko возле большого дуба. Мы в выходные развернем там свой лагерь и не идем стрелять, чтобы подольше послушать гончих. И вот достоимся, день короткий, да еще северный, в момент потухнет. Давай плащ-палатки ложить собак, снимать со следа. Вязкие были, в ночь оставались. А голоса... Если бы Буруна сейчас поставил, девятка за голос под любым бы судьей отдали.

— Однако любимая ваша порода — пойнтеры.

— Да, случилось — купил себе пойнтера. Щенок оказался очень хорошим. За деньги натаскивали в охотничье хозяйство. Он тогда получил диплом первой степени. Это редко кто в ту пору получал. Лада такая была, от Гринго. И вот эта собака меня воспитала, показала, каким должен быть пойнтер.

Потом всю жизнь искал пойнтеров, все делал лучше, лучше. А сейчас посмотрю на родословные своих пойнтеров — они уже давно вышли из границ обычных родословных. За пятьдесят лет собрал туда, я думаю, бриллиантики. Ведь сейчас в родословной вот этих щенят пятнадцать чемпионов.

Ни с чем не считались, очень подвижные ребята мы были. И на Украину летали вязать, и в Грузию с риском для службы.

Я однажды в середине дня приехал из командировки, а назавтра наутро надо было заступать дежурить. А когда было! Офицер опоздал на дежурство — трибунал разбирался, такая была дисциплина. Позвонил в Тбилиси Цицишвили, чтобы он меня встретил и купил билет на обратный путь. И я в Грузию с этой сукой, на самолете. Мы никуда не выходили с аэродрома, погрузили под самолетом, и на этой же машине прилетел обратно.

Цицишвилли был владельцем знаменитого пойнтера Мерцхала. Я всех пойнтеристов знаю, и меня знают. До шести пойнтеров держал. В 1965 году пойнтер Ашот получил в Германии Зингер-приз, приз мира был, приз победителя. Сука Эгрета стала чемпионом. Эти собаки заставили высоко ценить и уважать разводимых в России пойнтеров.

Суку Сусси-Росмусен я в первый раз увидел на выставке в Брно. Говорю пожилому человеку, который стоял рядом, что на третье место поставили неправильно, надо было на второе. Она в кобелиных ладах была, но очарована красиво. Он отвечает, что не понимает по-русски. Я нашел переводчицу. Она говорит, это ваш Вольдемар Мар, пусть он дурака не валяет. Я много слышал о Маре и уважал очень, но в лицо не знал. Переводчица представила меня. Тогда он снял шляпу и сказал: «Я думал, что вы старше». Разговорились. «Если Сусси привезти в Россию, то Россию долго не догонят». — Это его слова.

Не могу сказать, какие только я трюки ни выкидывал, чтобы ее привезти. И привез из Копенгагена, через Чехословакию.

А вот акварель — это Радж. Он жил у меня лет десять, двенадцать назад. Такого пойнтера не было в России ни до революции, ни после.

Когда я работал в заповеднике, у нас был Питер Скотт — директор большого орнитологического института в Англии. Мы очень тесно сотрудничали с ним, и получилось так, что в заповеднике ему исполнилось семьдесят лет. Конечно, отмечали эту дату. Владимир Евгеньевич Флинт спрашивает: «Питер, тебе семьдесят лет. Ты со-

Радж

здал большой институт, ты член очень многих Академий мира, ты член королевской семьи. Вот что ты не доделал и что тебе еще надо доделать в отпущенное Богом время?» Он ответил: «Моя мечта несбыточная. Нет у меня такого Раджа».

Потом, когда мы были в Англии, нам показали кинологический музей. И в этом музее я нашел большой портрет

своего Раджа в красивой рамке. А внизу была моя небольшая фотография и подпись о том, что пойнтеры в России нашли себе вторую родину и развивались хорошо при царе, но еще лучше при коммунистах. И вот этот экземпляр перед вами. Я сфотографировал все крупным планом и привез сюда.

Сейчас мы вышли с пойнтерами на такой рубеж, что англичанам много лет надо, чтобы они нас догнали. А это их порода.

— Сколько собак у вас сейчас?

— Четыре пойнтера, такса жесткошерстная, ягдтерьер, чау-чау, кавказская. И пять штук еще приблудилось, тут в одном месте хожу кормлю вечером.

Вот Муха — жесткошерстная такса. Это очень древняя порода. Давно живет с человеком. Мало того, отличная охотничья собака, она так вросла в человеческую жизнь, что кажется, живет не собака, а маленький гномик. Внутренние отношения с человеком потрясающие. И сторож великолепный, и уж ни мыши, ни крысы не будет в доме — всех поймает. Делает только добро.

А вот ягдтерьер... Нет, о собаках можно говорить бесконечно, но, наверное, пора заканчивать. А то места в журнале не хватит для нашего разговора.

— Александр Сергеевич, спасибо за все, что вы рассказали. Коллектив редакции сердечно поздравляет вас с семидесятипятилетием, желает вам здоровья и успехов во всех ваших делах.

ВЕДОМСТВЕННАЯ НЕКОМПЕТЕНТНОСТЬ ИЛИ КОРЫСТНЫЙ УМЫСЕЛ?

В. ДЁЖКИН, биолог-охотовед,
доктор биологических наук

В дореформенную пору экономика была частой гостьей на страницах нашего журнала. Мы упорно доказывали необходимость повышения закупочных цен и наценок на пушнину, и иногда бывали услышанными. Повышение закупочных цен, проведенное в 1983 г. и вызвавшее заметное оживление пушного хозяйства Советского Союза, не в последнюю очередь результат усилий журнала. Правда, с наценками дело обстояло хуже. Их размер с трудом удерживал пушную отрасль на грани рентабельности, а в северных хозяйствах она часто была убыточной. Немалую прибыль от переработки и реализации пушнины и товаров из нее получало государство, которое никак не желало делиться прибылями с первичными производителями этой уникальной продукции. Тупая и инертная экономическая политика «планового государства» привела к тому, что мы потеряли славу «мировой пушной державы», уступив ее США и Канаде...

Большое место в публикациях занимали экономические заботы охотников, промысловиков и любителей. Журнал интересовался ценами на путевки и лицензии, членскими взносами, затратами охотников, получаемыми ими доходами и многим другим. Этот интерес заражал и ведомства, причастные к охоте. Я хорошо помню, как в 60-х годах группа пушников из Центросоюза во главе с опытным и суровым Всеволодом Ивановичем Медведевым «пробила» через Госплан и Правительство первое постановление об освобождении промысловых охотников от подоходного налога. Сколько было радости у, казалось бы, лишенных сантиментов чиновников, многие из которых хлебнули каторжной работы в сталинские времена! Они знали истинные заботы охотников и их не угнетала мысль о бесперспективности тяжбы с государством за экономические блага для производителей пушнины.

Времена круто переменились, во многом изменились экономические критерии в охотниччьем хозяйстве. Иные настроения и у ведущих его чиновников. За примерами далеко ходить не надо.

Вот Постановление Правительства Российской Федерации от 29 сентября

1997 г. № 1251 «О плате за пользование объектами животного мира и ее предельных размерах». Оно, в частности, предусматривает возможность введения платы за добычу пушных зверей — бобра, выдры и соболя — в размере до 0,4—0,9 минимальной месячной оплаты труда. Как известно, до сих пор лицензии на добычу пушных зверей были бесплатными. Что стоит за ответственнейшим шагом — установлением платы за лицензии? Рост закупочных (ныне договорных) цен на шкурки диких пушных зверей? Резкое повышение рентабельности пушного промысла? Изменение в лучшую сторону конъюнктуры пушного рынка?

Ничего подобного. Экономическое положение охотников-промысловиков ухудшается в связи с ростом затрат на продовольствие, охотниче снаряжение, горючее, скачком транспортных тарифов. Вертолет для заезда на промысел теперь доступен разве лишь во сне. По-видимому, Департамент охоты, инициировавший эту экономическую инициативу, руководствовался какими-то иными мотивами...

Еще один пример, пожалуй, более выразительный. Наша ведущая охотничья организация выступила с предложением значительно увеличить перечень лицензионных видов охотничьих животных, внеся в него и белок, и зайцев, и даже... волков и волчих крыс! И, конечно же, вести их учет и брать плату за разрешения на добычу. Говоря откровенно, глядя на проект соответствующего документа, разосланного по ведомствам для получения отзывов, не верилось, что это не дурная мистификация, уместная лишь в первоапрельские дни. Не могли профессионалы-охотоведы, будучи в здравом уме, задумать такую новацию...

Мы незнакомы с официальными экономическими концепциями, которыми руководствуется Департамент охоты в своей работе, по нашему мнению, они отсутствуют. Некоторые секреты ведомственной кухни приоткрывает статья ведущего охотоведа этой организации А. Тихонова «Что ждет охотничье хозяйство России?» (1997).

А. Тихонов, руководствуясь Федеральным законом «О животном мире», справедливо полагает, что государст-

во должно заботиться о состоянии животного мира, в том числе и об охотничьих животных. «Это потребует дополнительных поступлений в федеральный и территориальный бюджеты». Откуда же взять эти «поступления»? Ведомственная мысль не видит иного пути, кроме «платности объектов животного мира», «отчислений с охотопользователей», «платежей за пользование животным миром». Отсюда и «личная заинтересованность» охотничьего ведомства, которое, справедливо ради надо сказать, финансируется государством отвратительно и кровно заинтересовано в поиске новых источников доходов.

Слов нет, охотниче хозяйство должно иметь свой экономический механизм (сейчас он разрушен и пути его восстановления наукой не предложены) и компенсировать определенную часть затрат на охрану охотничьих ресурсов. Но для правильного определения пропорций этих затрат необходимо четко представлять себе многофункциональную роль диких животных. Это явный нонсенс — смотреть на них прежде всего как на источники продукции и объекты охоты. Дикие животные имеют огромное биосферное, социальное, эстетическое значение. Без них невозможен биологический круговорот вещества и энергии в биосфере. То есть они необходимы всему обществу, а не только охотникам. Поэтому за осуществление предусмотренных законом федеральных и крупных региональных программ платить должно прежде всего государство, не взваливая бремя этих затрат на немощное охотниче хозяйство, не придумывая для этого дополнительных источников налогообложения.

В известной мере это положение и относится к так называемым «охотопользователям». Их статус до сих пор имеет многое неопределенного, но ясно одно: государство готово взвалить на них в полном объеме непосильную работу по учету и охране охотничьих животных, не считаясь ни с их профессиональными, ни с экономическими возможностями. Думается, что тот, кто готов требовать с «охотопользователей» систематические и полные данные о состоянии ресурсов в закрепленных за ними угодьях, особенно о численности массовых видов, не име-

ет представления о существе работы или сознательно закрывает глаза на ее сложность. Такая работа может проводиться только совместно с органами охотничьего хозяйства, за совместный счет...

Не случайна тенденция, о которой пишет А. Тихонов: концентрация охотугодий, вытеснение обычных охотников новыми, мощными экономически. При ее продолжении и развитии охотничими угодьями в России будут владеть только «новые русские». Иным сохранившимся охотникам предстоит тесниться в угодьях «общего пользования», которые должны содержаться «за счет платы за добыву охотничих животных» и за счет отчислений с тех же охотников.

В подтверждение своих взглядов автор ссылается, и на наш взгляд не очень удачно, на опыт США, где, как он пишет, главным источником благосостояния охотничьего хозяйства является плата за лицензии на право охоты. Службу рыбы и дичи этой страны в ее охотничьей части финансирует около 100 источников, из которых на долю платных лицензий приходится 25–35 процентов. Плата за лицензии обычно невелика (за белохвостого оленя, например, 25 долларов в большинстве штатов). Приведенный пример Аляски неудачен и относится к приезжим, а не местным охотникам. Вот что пишет В. Песков в замечательной книге «Аляска больше, чем вы думаете» (Москва, 1994):

«Аляска жителям штата в охоте дает привилегии. Аборигены — индейцы и эскимосы — охотятся почти без ограничений, им разрешается бить даже линных гусей и белых медведей. Человек, проживший тут более года, считается аляскинцем (! — В. Д.). Купив лицензию (23 доллара за охоту, трапперство и рыбалку в течение года), местный житель может убить лося, четырех оленей, снежного барана, в четыре года один раз бурого и сколько угодно черных медведей. Он может добить любое количество пушнин» (с. 93). Разительное отличие от цифр во многие сотни долларов, приводимых А. Тихоновым и относящихся только к охотникам-туристам!..

Все мы понимаем неизбежность организационных перемен в охотничьем хозяйстве в связи с новыми социально-экономическими условиями. Необходимо всеобщее межхозяйственное охотовстроство, методические основы которого должна разработать обездвиженная безнадежем охотоведческая наука. Не исключено увеличение (как в США или Канаде) роли государства в контроле и регулировании охотпользования. Ни в одном мнении мы не можем быть едины: государство должно взять на себя значительную часть расходов по охране, воспроизводству и изучению животного мира (в том числе и охотничих животных) как важнейшей биосферной компоненты, обладающей комплексными функциями, необходимыми для

всей страны. Довольно ломать головы только над тем, как выдавать лишнюю копейку у загнанного в угол охотника, у стреноженного налогами охотпользователя, и этими поборами обеспечить относительное финансовое благополучие ведомств. Руководители Департамента охоты должны набраться смелости и, не опасаясь за собственную карьеру, смело поставить вопрос об экономике охотничьего хозяйства перед первыми руководителями государства (не чужими, кстати говоря, охотничьей страсти и способными понять наши беды)...

Еще одна экономическая проблема, без которой наше «возвращение в экономику» было бы неполным. Речь пойдет о плате за охотничью ресурсами. В «Государственном докладе о состоянии окружающей природной среды в 1996 году» сказано:

«Завершен проводимый совместно с Минсельхозпродом России двухлетний эксперимент по выработке механизма определения порядка и установления платы за пользование охотничими ресурсами... Готовится проект правительственного решения о порядке и предельных размерах платы за пользование охотничими ресурсами» (с. 353). А. Тихонов в упомянутой статье, ссылаясь на «Закон о животном мире», действительно предусматривавший такой шаг, упирает на положительные экономические последствия от введения платы.

Нам не известны результаты двухлетнего эксперимента, упоминаемого в «Докладе...», они не были предметом широкого общественного рассмотрения и обсуждения. Но сдается нам, что мы близки к совершению серьезнейшей ошибки, которая на долгие годы закроет путь для нормального развития охоты в России.

Вспомним, что в пору, когда начались разговоры о плате за использование природных ресурсов, ресурсы животного мира в перечне этих ресурсов в первых официальных документах, посвященных этой проблеме, отсутствовали. Речь шла о минеральных ресурсах, земле, воде... «Вызывали огонь на себя» ... некоторые экономисты-охотоведы. Стремясь «пристроить» свои методические разработки, они организовали бурный натиск на планирующие органы тех времен и в конце концов были услышаны. У нас сразу же вызвала глубокие сомнения предлагаемая методическая основа определения размеров платы, ибо для формирования налоговой базы необходимо было точно знать численность охотничих животных и ее колебания. Задача для большинства наших слабых охотничих хозяйств явно непосильная. Для расчетов были предложены различные нормативы воспроизводства, коэффициенты и т. д., имевшие мало общего с реальностью. Уже технологическая сторона проблемы настораживала и ставила под сомнение возможность корректного решения задачи. Введение платы за

охотничий ресурсы на такой основе открывало (и открывает) путь для бесконечного сутяжничества, т. к. любой расчетный показатель недостоверен и уязвим.

Но главное в ином. Установление платы за исчерпаемые минеральные ресурсы обосновывается их постепенным расходованием в процессе эксплуатации. А в случае с биологическими ресурсами? Они относятся к числу неисчерпаемых, и в случае рациональной эксплуатации возможно их неистощительное и вечное пользование. Ресурсы не убывают, за что же платить государству-собственнику этих ресурсов? Более того. Разумно используемые популяции охотничих животных имеют более высокую биологическую продуктивность, чем неиспользуемые, охраняемые, например, в заповедниках. Экологу это вполне понятно, т. к. он понимает влияние систематического искусственного разреживания плотности населения на основные популяционные параметры. Итак, вводя плату, мы наказываем пользователей не только за сохранность, неизменность ресурсов, но и за повышение их качества. Современный синтез экологии и экономики помогает понять ситуацию и оценить введение налога как эколого-экономическое невежество. Недаром очень грамотный и просвещенный экономист К. Г. Гофман предупреждал о необходимости очень осторожно обращаться с системой платежей за природные ресурсы и, в частности, предлагал не облагать платежами самовосстанавливавшиеся ресурсы (животный мир).

Мнимые потери на плате за охотничий ресурсы многократно компенсируются увеличением производства охотничьей продукции и охотничих услуг, которые являются хорошей базой для эффективного налогообложения. Заинтересованное в большом росте ресурсов охотничих животных, не облагаемое налогом, охотничье хозяйство будет с энтузиазмом работать над увеличением их численности и тем самым создаст условия для высокой экономической эффективности на стадиях переработки и реализации натуральной продукции охоты, на про- даже большого объема охотничих услуг.

Привлекая внимание к затронутым вопросам, мы не умаляем значения многих традиционных экономических проблем, лежащих «внутри» охотничьего хозяйства. Как и всегда, необходимо снижать затраты, увеличивать доходность, прибыль и т. д. Отрасль должна стремиться к максимальному экономическому самообеспечению, благо новые условия открывают для этого новые возможности. Экономисты, экономисты должны вернуться в охотниче хозяйство и работать над его возрождением и обновлением.

САФАРИ и ЭКСПЕДИЦИИ

Охотничья компания №1 в России

Мы предлагаем Вам:

- охотничьи и рыболовные туры в более чем 80 районах России, стран СНГ и по всему миру
- восемилетний опыт работы в охотничьем и рыболовном туризме
- индивидуальный подход к каждому клиенту и тщательную разработку каждого тура
- высокую результативность охот, качество обслуживания, разумные цены

Леопард, ЮАР

Водяной буффало, Австралия

Антилопа Куду, ЮАР

Голубой баран, Непал

Антилопа Иланд, ЮАР

Черный гну, ЮАР

В 1998 году компания «Сафари и экспедиции» предлагает
НОВЫЕ ОХОТЫ В ЭКЗОТИЧЕСКИХ СТРАНАХ:

ЮАР – леопард, антилопы, носорог: 7-14 дней, апрель-ноябрь.

АВСТРАЛИЯ – водяной буффало, олени: 8-12 дней, май-сентябрь.

НЕПАЛ – голубой баран, олени: 8-15 дней, сентябрь-февраль.

129515, Россия, Москва, 1-я Останкинская улица, 41/9.

Тел. (095) 215-77 92 286-26-45; факс (095) 283-38-51

СПАСТИ ОХОТУ

Статья В. Дежкина «Кризис охотничьего хозяйства», письмо губернатору Ленинградской области 15 видных петербургских ученых и обращение редакции ко всем, кому небезразлична судьба охоты, с просьбой ответить на вопросы анкеты вызвали многочисленные отклики читателей. Едва успел 8-й номер журнала

(1997 г.) выйти из печати, как в редакцию хлынул поток писем, свидетельствующих о крайне неблагополучном состоянии охотничьего хозяйства во многих областях и районах страны. Первые два из полученных откликов публикуем в этом номере журнала.

Кто выступает в роли разрушителя?

Уважаемая редакция! К вам обращаются члены общества охотников и рыболовов Покровского района Орловской области. Взяться за перо нас заставил беспредел, который устроило нам областное управление охотничьего хозяйства, возглавляемое Цырибко Виктором Григорьевичем.

Имея покровителей из областной администрации и комитета по охране окружающей среды, он добился того, что принято постановление главы администрации за подписью первого заместителя Кочуева В. А. «О закреплении охотугодий на территории области». Это постановление явно незаконное. Несмотря на то что Законом РФ «О животном мире» не предусмотрено государственным контролирующими органам заниматься ведением охотничьего хозяйства, в принятом постановлении им по-прежнему принадлежит большая часть охотугодий в виде и так называемых охотугодий свободного пользования.

В нашем районе, имеющем 140 тыс. гектаров охотугодий, охотобществу выделено всего 30 тыс. гектаров. Это на 50 членов общества! Остальная площадь осталась у облхозуправления, 20 тыс. из них выделено под государственный заказник. Себе они взяли всю площадь (72 тыс. га) бывшего нашего приписного охотхозяйства, где силами охотников проводились все биотехнические и охранные мероприятия. Мы ежегодно заготовливали более 25 тонн растительных кормов для подкормки диких животных, построили подкормочный комплекс с двумя навесами для хранения кормов и кормушки для подкормки кабанов и косуль, кроме того, оборудовали еще две подкормочные площадки кормушками. Постоянно выкладывали солонцы.

Охрану производили своими силами. Для этого были созданы четыре рейдовые бригады, в которых состояли штатные и общественные егеря, сотрудники милиции-охотники и другие активисты. Были закреплены егерские обходы за первичными организациями.

За период пользования охотугодьями закрепленного хозяйства были выпущены для акклиматизации сурки-байбаки, колонии которых за короткий срок распространились на десят-

ки километров. Появились хатки бобров.

И вот все это у нас отобрали! Выделили участок, расположенный в бывшем резервном фонде. А заказник создали на месте воспроизводственного участка, где находятся все биотехнические сооружения и копытные животные.

Считаем, что это полный произвол! Нас, охотников, уже перестали считать за людей. Управление охотничьего хозяйства создало такие условия, что на каждом шагу нас буквально преследуют. За малейшие нарушения, к примеру собака не вписана в охотничий билет или неправильная транспортировка ружья, инспектора изымают ружья, и приходится по несколько раз ездить в управление, чтобы вернуть их. Сами же члены управления стали безраздельными хозяевами не только в угодьях, но и в заказнике. Нередко там слышны выстрелы, не раз после выстрелов видели выезжающий «узик» со знаками охотуправления. В то же время буквально каждую машину останавливают вооруженные до зубов сотрудники из охотуправления, выгоняют людей и устраивают проверку. Некоторые из них угрожают изъятием оружия на квартире. Ничего себе права человека!

Все это исходит от начальника охотуправления, 19 октября 1996 года у нас в районе проходил традиционный слет охотников, на него прибыли: начальник Цырибко В. Г. и зам. председателя областного комитета по охране природы Березин А. К. Мы всегда рады гостям, если они ведут себя по-человечески. Однако Цырибко начал с того, что, не дожидаясь избрания президиума, бесцеремонно сел за стол президиума и сразу же заявил, что ему не нужен председатель охотобщества, а нужны охотники, и начал объявлять повестку дня. Только после протеста председателя охотобщества Н. И. Чехова, который заявил, что слет он собрал для того, чтобы отчитаться перед охотниками за 9 месяцев и поставить задачи на следующий сезон охоты, ему удалось добиться своего места (на краю стола) в президиуме.

Цырибко В. Г. всю свою речь свел к тому, что районному обществу надо выйти из состава областного общества и перейти на самофинансирование и открытие отдельного счета в банке.

Кто поручил ему это – неизвестно,

но он убеждал, что у охотников будет больше прав. Присутствовавшие на собрании выступили против такой затеи и проголосовали за то, чтобы остаться в составе областного общества с закрепленными за районным обществом охотугодьями в границах района. Однако такое решение осталось без внимания и нам выделили для насмешки 30 тыс. гектаров. При этом постановление главы администрации области было подписано 24 октября, а 26 октября был день открытия осенне-зимнего сезона охоты. Путевки на охоту мы получили по-старому (как было до 24 октября) – платные, а кто в резервный фонд – тому бесплатные. К нам в район это постановление пришло 28 октября, когда охота уже открылась.

Мы крайне возмущены действиями начальника охотуправления Цырибко В. Г., а также поддержкой этих незаконных действий членами областной администрации.

Члены ООиР Покровского р-на
Орловской области
(10 подписей)

Гrimасы сепаратизма

В 1993 году в Усть-Илимском районе образовалось общество охотников при АОЗТ «Усть-Илимский зверопромхоз» (далее ЗПХ). Устав его был зарегистрирован в Иркутске, то есть на уровне субъекта Российской Федерации. Новоиспеченное общество не имело ни арендемых охотресурсов, ни организационной структуры, ни штатных работников, ни счета в банке – то есть не являлось общественной охотничьей организацией.

Согласно Постановлениям Правительства РФ от 23.06.93 г. за № 594 и от 20.07.97 г. за № 728 и приказу Департамента по охране и рациональному использованию охотничих ресурсов от 10.09.93 г. за № 52 выдача удостоверений на право охоты (охотничих билетов и членских охотничьих рыболовных билетов) было государством делегировано на федеральном уровне общественным охотничьим организациям (ассоциация «Росохотрыболовсоюз», Военохоз и ДСО «Динамо»), а также Департаменту по охране и рациональному использованию охотресурсов (далее Департамент).

Игнорируя законные требования Правительства РФ, руководство ЗПХ

СПАСТИ ОХОТУ

при содействии ст. инспектора Департамента Плясун организовало кампанию по переманиванию членов Усть-Илимского районного общества охотников и рыболовов (далее РООР) в общество при ЗПХ. При этом от охотников скрывалось, что ни общество при ЗПХ, ни сам ЗПХ не имеют полномочий на выдачу удостоверений на право охоты, а следовательно, и на продление охотбилетов.

Руководство ЗПХ, ст. инженер Департамента Плясун и часть членов РООР снялись с учета и перешли в общество при ЗПХ. В обществе охотников при ЗПХ стали продлевать просроченные членские охотничьи-рыболовные билеты Росохотрыболовсоюза, при этом взымали взносы.

Мы считаем, что такая деятельность уголовно наказуема по ст. 377 ч. 2 УК РФ как неоднократная подделка официальных документов, дающих специальное право — право охоты. Согласно ст. 33 УК РФ ответственности подлежит руководство ЗПХ как организатор и исполнитель, а также ст. инспектор Департамента Плясун.

Руководство ЗПХ заключало договора с охотниками, имеющими липовые охотбилеты, продавало путевки. Охота, организованная ЗПХ, на этом основании была незаконной, так как действия работников подпадают под квалификацию ст. 258 ч. 2 УК РФ. Продлевая просроченные членские охотничьи билеты Росохотрыболовсоюза (РОРСа), руководство ЗПХ организовывало незаконную охоту и получало от охотников пушнину, мясо диких животных и иную продукцию. Охотники же получали незаконное разрешение на охоту и при этом избегали хотя и законных, но более высоких членских взносов.

Дополняя эту картину, сообщаем, что ЗПХ незаконно приобретало бланки членских охотничьи-рыболовных билетов РОРСа и принимало в ряды своего общества новых членов. Данное преступление квалифицируется по ст. 324 УК РФ.

Все это время ст. инспектор Департамента Плясун, который обязан был остановить творящееся беззаконие, принимал самое активное участие в нем, сам охотился с липовым охотбилетом на копытных, пушных и другие виды охотничьих животных по договорам с ЗПХ и для личного потребления. В его действиях просматриваются признаки преступлений, квалифицируемых по ст. 239 ч. 1 (халатность), ст. 330 ч. 1 (самоуправство) и ст. 258 ч. 2 УК РФ (незаконная охота с использованием служебного положения).

Действия Плясун Н. П. и руководства ЗПХ были направлены на уменьшение членства в Усть-Илимском РООР и его развал. Обществу был на-

несен большой материальный ущерб, так как один из основных источников существования в системе Росохотрыболовсоюза — поступление членских взносов.

С 1997 года ст. инспектор Департамента Плясун, сознавая неправомерность выдачи удостоверений на право охоты, пытался скрыть эти факты и, продолжая свою линию на подрыв и развал РООР, организовал кампанию по обмену липовых удостоверений на право охоты на охотбилеты своего Департамента. Кроме устной агитации, он использовал средства массовой информации города и района (газеты); скрывая или исказяя полную информацию, а заодно и поливая грязью РООР, Плясун Н. П. добился, что к нему пришли охотники из общества при ЗПХ и часть из РООР, убежденные, что членские билеты менять надо на департаментские. Когда бланки департаментских охотбилетов у Плясунова кончились, он стал продлевать своей печатью и подписью членские билеты РОРСа, что квалифицируется по ст. 327 ч. 2 УК РФ как неоднократная подделка официальных документов, дающих специальные права. Таким образом, РООР был нанесен материальный ущерб, а охотники оказались обманутыми.

Фото А. Горохова

Для уточнения ущерба, нанесенного РООР в результате недополучения членских и вступительных взносов, оплаты охотминимума, нужно затребовать списки членов общества охотников при ЗПХ с момента его образования до настоящего времени, а также списки охотников, продливших свои билеты или обменявших их на департаментские у Н. П. Плясунова.

По предварительным расчетам, ущерб составил порядка 360 млн рублей. Вышеуказанные списки необходимы для того, чтобы при полном расчете нанесенного ущерба принять во внимание только тех охотников, которые не бросили заниматься охотой. Эти денежные средства должны быть изъяты государством.

Кроме того, общество охотников при ЗПХ, в нарушение правил, выдавало охотникам справки для оформления лицензий на приобретение оружия по льготным ценам, чем вводило в заблуждение работников разрешительной системы.

Прошу правоохранительные органы разобраться и восстановить справедливость, а виновных привлечь к ответственности.

Правление Усть-Илимского районного общества охотников и рыболовов
(8 подписей)

Фотоконкурс «Охота и природа»

Медведи очень любят зерна овса, поэтому их часто можно увидеть на краю овсяного поля
Фото А. Дигилевича

рийский, медведь, проживающий в юго-восточных и восточных районах Уссурийского края, в Приморье и на о. Сахалин.

К настоящему времени бурый медведь во многих странах Европы либо исчез, либо представлен небольшими разрозненными группировками. Сравнительно устойчивые популяции бурого медведя обитают в Швеции, Норвегии, на северо-западе Финляндии, в Болгарии, Чехии, Словакии и Румынии. Основной причиной снижения численности и исчезновения этого вида является прямое преследование человеком. Существенное значение имеет также изменение среды обитания бурого медведя: использование земель под различное строительство, сведение лесов, прокладка дорог, разработка недр и др.; но, как показывают новейшие исследования, вид этот оказался чрезвычайно пластичным и способным обитать в очень различных по своим экологическим условиям угодьях.

Бурый медведь — знакомый нам с детства зверь — и поныне остается загадкой для исследователей. Его внешний вид не очень изящен: массивная голова с маленькими глазами, толстая шея, плотное тело с высокой холкой и склоненным задом. Мощные лапы вооружены крепкими серповидными когтями, особенно длинными на передних ногах. При ходьбе медведь переваливается с ноги на ногу, неловко вихляет задней частью тела, горбатится. Округлые, малоподвижные уши, торчащие по сторонам крупной голо-

БУРЫЙ МЕДВЕДЬ — ЗВЕРЬ ОХОТНИЧИЙ

В. ПАЖЕТНОВ, С. ПАЖЕТНОВ,
С. ПАЖЕТНОВА
Торопецкая биологическая станция
«Чистый лес» Центрально-лесного
биосферного заповедника

Семейство медвежьих состоит из семи видов: бурый медведь, белый медведь, белогрудый, или гималайский, медведь, черный американский медведь, или барibal, малайский, или солнечный, медведь, медведь-губач и южноамериканский очковый медведь. Объединены медведи в три-четыре рода, однако мнения о родовом, видовом и, особенно, подвидовом многообразии медведей разноречивы и до настоящего времени не определились. Медведи обитают на всех континентах, за исключением Австралии и Антарктиды. Наибо-

лее многочисленным и широко распространенным является бурый медведь, который населяет лесные зоны Европы, Азии, Америки, а также леса многих горных стран.

Бурых медведей, обитающих в евразийской зоне России, можно разделить на семь подвидов, не рискуя при этом давать какие-либо строгие оценки этому подразделению в систематическом плане: среднерусский медведь, населяющий европейскую часть России и Западную Сибирь, кавказский медведь, сирийский медведь (встречается на Кавказе), тянь-шаньский белогоготный медведь, обитающий в горах Средней Азии и Тянь-Шаня, восточносибирский медведь, который живет на огромной территории Сибири и на восток от Енисея, камчатский медведь, населяющий Камчатку, и маньчжурский, или уссу-

ры, придают ему несколько забавный, как бы озадаченный вид. Но этот грузный и неторопливый зверь вызывает удивление даже у хорошо знающих его специалистов своей гигантской силой, мягкой пластикой движений, способностью преодолевать различные препятствия в горах и в лесу, ловкостью и быстрой реакцией при нападении на жертву, при обоюдных драках или при возникновении какой-либо опасности.

Вес тела у взрослых бурых медведей колеблется от 60—80 до 350—800 кг, зависит от питательности, половой принадлежности и подвержен географической изменчивости: небольшие медведи встречаются в Карпатах и на Кавказе, наиболее крупные — на Камчатке, в Приморье и на о. Сахалин. В центральноевропейской части России, а также в большинстве районов Западной и Восточной Сибири вес тела осо-

бо крупных самцов может достигать 330—380 кг; вес взрослых самок в этих регионах регистрируется в пределах 80—175 кг и редко превышает 200 кг.

Повсеместно очень изменчива окраска у бурых медведей: от светло-серых, даже соломенных тонов до иссиня-черных, с различными переходными вариантами. Нередко в одном помете у медведицы детеныши могут сильно различаться по окрасу, присутствию белого пятна на груди и белого или желтоватого ошейника разных размеров — явления весьма обычного у среднерусского медведя.

Шерстный покров бурого медведя состоит из волос разной длины, тонины и извитости: толстые и прямые волосы — это остьевые и направляющие, а тонкие и извитые — пуховые. Наиболее длинные волосы растут на холке и задней части тела, короткие — на голове и лапах. Направление роста волос построено так, что от холки они лежат по кругу и в дождь вода стекает по ним в разные стороны, не причиняя медведю особых хлопот. Наиболее густо волосы растут на верхней части тела и бывают редкими на брюхе и, особенно, в паховых впадинах. Мягкий и густой шерстный покров бывает у медведиц и молодых медведей, а грубый и более редкий — у старых самцов. Густота шерстного покрова зависит также и от климатических условий конкретного региона — в холодных зонах шерстный покров медведей гуще. Линяет медведь один раз в году. Обычно линька начинается в мае, а полностью волос отрастает в ноябре — декабре, когда медведь уже лежит в берлоге.

Годовой цикл бурого медведя состоит из двух основных периодов: активного (период бодрствования) и пассивного (период зимнего сна). Активный период для медведей Центральноевропейской России наиболее целесообразно разделить на пять сезонных периодов, которые определяются наличием и доступностью растительных кормов, фазами вегетации отдельных кормовых растений и биотической избирательностью, обусловливаемой, помимо кормовой ценности угодий, защитностью и отсутствием внутривидового социального давления. Это весенний, весенне-летний, летний, летне-осенний и осенний периоды. Каждому периоду сопутствует подвижка (перемещение) медведей в пределах осваиваемой особью территории.

Зимний (пассивный) период для медведя экстремален, так как исчезают корма, зверь не приспособлен к передвижению по снегу и плохо защищен от холода, особенно у него мерзнут лапы. Поэтому зиму медведи проводят в убежище — берлоге, в которую ложатся либо до выпадения снега, либо по первому снегу и выходят из нее весной.

Представляют интерес некоторые анатомо-морфологические и физиологические особенности бурого медведя. Общий вес мышц на передних

конечностях у бурого медведя больше, чем на задних, в связи с тем что в жизни этого зверя передние конечности выполняют большую работу при добывании пищи, участвуют в гнездостроительном, комфортом поведении и служат главным оружием при нападении и защите. Крупная голова, мощная шея и тяжелые передние ноги вызывают смещение центра тяжести у бурого медведя в переднюю часть тела, поэтому при беге нагрузка на передние конечности у него значительно больше, и кажется, что бежит медведь, неуклюже перебирая лапами и вихляясь из стороны в сторону; но при этом он может развивать скорость до 40 км в час, и убежать от него не так-то просто. На передних и задних лапах у бурого медведя находятся мозолистые подушки: пальмарная — на передней и плантарная — на задней. Покрыты они плотной ороговевшей кожей и имеют толстую жировую подкладку, выполняющую роль амортизатора и теплового изолятора. На подушках лап бурого медведя крупные жировые клетки заключены в продолговатые капсулы, состоящие из плотной соединительной ткани, которые располагаются вертикально по отношению к опорной поверхности (к земле). При ходьбе они сминаются, увеличиваясь в ширину. От этого давление внутри жировой подушки возрастает и компенсирует внешнее давление. В связи с таким строением лапы медведя способен наносить ею удары большой силы, не испытывая при этом каких-либо отрицательных последствий. Однако, несмотря на хорошую тепловую защищенность, лапы у бурого медведя не могут переносить сильного охлаждения. Например, у медведей-шатунов лапы обмерзают

так, что отваливаются когти и пальцы. Принято считать, что у медведей в берлоге верхний ороговевший слой кожи с мозолей лап слущивается и медведи ее скусывают и проглатывают. Действительно, это бывает очень часто. Однако, как правило, кожа с мозолей лап слущивается у тех медведей, которые ходили по снегу перед залеганием в берлогу. У тех же медведей, которые залегли в берлогу до морозов, кожа на лапах остается целой. Возможно, на процесс слущивания кожи с мозолистых образований лап у бурого медведя влияют другие причины, например рост и изменение морфометрических размеров зверя либо изменения в обмене веществ в организме. В настоящее время мы не располагаем какими-либо данными, освещющими этот вопрос.

Бурый медведь занимает особое место в отряде хищных млекопитающих, которое ставит его в положение как бы среднее между хищными и травоядными зверями. Так, его зубная система имеет слабо выраженный хищнический зуб и слаженные бугорки на коренных зубах — своеобразная адаптация для перетирания растительной пищи. Достаточно большой однокамерный желудок, с хорошо выраженной фундальной частью и мощной мускулатурой в пилорической части, способен вместить большое количество пищи, которая интенсивно перемешивается. Кишечный тракт не имеет выраженного толстого отдела и этим схож с кишечным трактом хищных животных, но он очень длинный, такой же, как у многих травоядных млекопитающих (отношение длины тела к длине кишечника у бурого медведя составляет соответственно 1:9 — 1:11).

Один из авторов статьи — В. Пажетнов уже много лет собирает и доращивает осиротевших медвежат

Фото О. Гусева

На утреннюю прогулку. В. Пажетнов, заменяя медвежатам мать, ведет их в лес, где они сами находят себе пропитание — зелень трав, корешки, яйца, личинки и куколки муравьев и т. д.

Фото О. Гусева

Повсеместно в пределах обитания бурого медведя основу его питания составляет растительность. Только на Камчатке и Аляске главным кормом в период накопления жировых запасов (нажирочный период) может быть проходной лосось, которого медведи умело добывают и поедают в больших количествах. Во всех регионах отдельные особи могут специализироваться на добыче диких копытных, не упуская удобного случая и для нападения на домашний скот. В этой связи сельские жители всегда рассматривали бурого медведя как вредного зверя. Мнение это было настолько определенным, что медведь был разрешен к добыче круглый год, а кое-где за добывшего медведя выдавали денежную премию. Однако издавна люди знали, что на скот нападают отдельные звери. Как правило, это взрослые медведи, имеющие силу и, главное, опыт добычи крупной жертвы. Молодые медведи довольствуются мелкой живностью: беспозвоночными, отдавая предпочтение муравьям, и мелкими позвоночными. Медведей, которые охотились за копытными, называли «скотинниками» или «стервятниками». Со временем название это утвердилось за всеми медведями крупных размеров, а мелких называли «муравьятниками». Существовало также мнение, что «стервятники» и «муравьятники» — это разные подвиды бурого медведя. Это мнение даже проникло в научную литературу. На самом деле, взрослые медведи в одной и той же популяции могут значительно различаться по своим размерам и весу, окрасу шерсти и пищевой избирательности, в том числе и в стремлении к хищничеству.

Список растений, потребляемых бурым медведем в пищу в европейской подзоне южной тайги, включает в себя более 75 видов. Однако число растений, наиболее часто поедаемых медведем, невелико — около 25, а основных видов 12—15, в зависимости от урожайности в разные годы.

При первом знакомстве с бурым медведем создается впечатление, что он живет отшельником. Но более внимательное изучение этого зверя показывает, что у него достаточно ярко выражены внутривидовые взаимоотношения и социальное поведение оказывает существенное влияние на различные параметры состояния популяции. Медведи ведут одинокий и одиночно-семейный образ жизни. Семья медведей состоит из медведицы-матери и детенышей. Очень редко в составе семьи медведей можно наблюдать присутствие медвежонка из предыдущего помета, называемого пестуном. Обмен информацией между особями в популяции, особенно интенсивный в период гона, происходит в основном через опосредованные сигналы, главный из которых — запах.

Наиболее трудно изучение поведения бурого медведя. Только многолетние наблюдения позволяют накопить данные, раскрывающие отдельные фрагменты сложных биологических форм оборонительного, пищевого, социального и материнско-детского поведений. Важнейший этап — наблюдения за медведями в неволе, но при этом отдельные формы могут приобретать искаженный характер, что редко наблюдается в естественных условиях. В этой связи такой патоло-

гический поведенческий элемент или комплекс не может рассматриваться как норма реакции вида.

Сама возможность существования бурого медведя в различных условиях среды зависит от специфики поведения, и любая попытка разграничения собственно экологии и собственно поведения, так же как и выявления приоритета одной из этих наук, совершенно бессмысленна. Поэтому в данном очерке мы описываем жизнь бурого медведя центральноевропейской территории России, исходя из тех представлений, которые сложились у нас в продолжение 25-летнего исследования этого замечательного зверя в Тверской области России.

Ландшафты в районе исследования типичны для водораздельного плато Валдайской возвышенности, покрыты хвойно-широколиственными лесами, характерными для европейской подзоны южной тайги. Интенсивные рубки леса в 60—90-х годах способствовали формированию разнородных и разновозрастных лесных насаждений естественного и культурного лесовосстановления. В лесах в отдельные годы обильно плодоносит рябина, лещина, малина, брусника, имеются значительные запасы зонтичных и злаковых растений, используемых медведем в пищу. Ельники различных типов произрастают на увлажненных и избыточно увлажненных почвах и подвержены ветровалам. В результате образуются участки вывалов разных лет, в которых медведи нередко устраивают берлоги. Водоводные русла в верховьях выработаны слабо, обильно застают травянистой растительностью и являются хорошими пастищами для

медведей в весенний и летний периоды. Ремизность угодий для медведя повсеместно удовлетворительная, угодья в целом благоприятны для обитания бурого медведя. С 1985 года ежегодно возрастает интенсивность охоты на медведя, имеет место браконьерство.

В Европейской России медвежата появляются на свет в средних числах января. В некоторых случаях они рождаются в декабре или в феврале. Вес новорожденных составляет около 500 г. Нам доставляли 2–5-дневных медвежат-сирот весом от 475 до 560 г, длиной тела от 21 до 25 см. Детеныши покрыты короткой, редкой шерсткой, через которую просвечивает розовая кожа. Глаза и уши у них закрыты, они медленно перемещаются, но имеют сильные передние лапы с достаточно длинными и острыми коготками, которыми способны цепко удерживаться на теле матери. Сосательный рефлекс выражен сильно. Жирность молока у медведицы составляет 17 %. Все осмотренные нами медвежата в возрасте до месяца, полученные из берлог, имели хорошую упитанность и обладали высокой степенью выживания. В возрасте 15–18 дней у детенышей открываются уши, но до возраста 20–25 дней ориентация на звуковые сигналы у них не была зарегистрирована. Глаза открываются в возрасте 30–32 дней. В нашей практике известен случай прозревания медвежонка в возрасте 20–22 дней. Тем не менее в многократных опытах по выявлению реакции медвежат на предъявляемый им предмет было показано, что до возраста полутора месяцев визуальная ориентировочная реакция у них не выражена, в возрасте до двух месяцев выражена слабо и быстро формируется в возрасте от двух до двух с половиной месяцев. При этом в возрасте старше полутора месяцев медвежата способны различать границу света и тени, а в возрасте около двух месяцев достоверно избегают светового «обрява». В берлоге медвежата поддерживают связь с медведицей-матерью и друг с другом через тепловые, тактильные и запаховые сигналы едва ли не с первого дня от рождения. Двух-пятидневные медвежата направленно ориентируются на запаховый (пищевой) сигнал и на раздражение передней (ростральной) части головы различными предметами. В клетке они размещаются в наиболее теплом месте, но избегают участков с температурой выше 30 °С.

Возраст от двух до трех месяцев характеризуется быстрым общим развитием медвежат. Усложняется игровое поведение, способность к быстрым перемещениям и ориентации, проявляется агрессивное поведение и возрастает активность в борьбе за обладание соском. В возрасте около трех месяцев медвежата при появлении незнакомого объекта или крупного движущегося предмета возбуждают-

ся, становятся на задние лапы, фыркают, делают в сторону раздражителя пугающие выпады, но остаются полностью беззащитными, так как еще не могут серьезно укусить или оцарапать. В этом возрасте важнейшее значение в ориентации начинает принадлежать зрению. Возрастает уровень пищевой конкуренции медвежат. В многодетных семьях либо при низкой молочности медведицы физически или агрессивно слабые детеныши оттесняются сильными на второстепенные роли и хуже развиваются. Наблюдения за развитием медвежат-сирот показали, что в агрессивных столкновениях медвежат решающее значение в выявлении приоритета на завладение пищей имеют вес и физическое развитие медвежонка. Однако даже слаборазвитые и мелкие медвежата у обнаруженной ими животной пищи отчаянно бросаются на другого медвежонка, если тот вознамерится посягнуть на чужую добычу. Нередко такая решимость приносит успех, но если медвежата голодны, то драка может принять жестокий характер, и тогда побеждает более сильный. В этой связи в семье медвежат часто можно наблюдать детенышей, значительно различающихся по размерам. В нашей практике работы с медвежатами-сиротами были два случая поступления на биостанцию по четырем медвежонкам от одной семьи. В каждой из этих групп было по одному очень слабому медвежонку, размерами и весом вдвое меньше остальных. Несмотря на то что этим медвежатам уделяли больше внимания при выкармливании, они развивались медленно, проявляли излишнюю нервозность. По нашим предположениям, уже в берлоге такие медвежата были изгоями, им меньше доставалось молока и они были, по существу, обречены на гибель после выхода семьи из берлоги. Эти предположения подтверждаются тем, что в период начала формирования пищевого поведения у медвежат-сирот в условиях естественной среды медвежата-заморыш проявляли значительно меньшую активность в добывании и потреблении естественных кормов. У человека такое поведение предопределается отсутствием аппетита, у медвежат-сирот — низким уровнем пищевой мотивации. Со временем такое поведение у медвежат-заморышей становится обычным и сохраняется даже в нацировочный период, когда поведение медведей определяется потребностью интенсивного питания, что необходимо для накопления жировых запасов к зиме. Осенью такие медвежата имеют меньшие по сравнению с однопометниками размеры, вес и запасы жира на единицу массы тела. Во время зимовки, особенно в холодные зимы, у таких медвежат жировые запасы могут иссякнуть, и тогда они погибают от переохлаждения. Подкожный жир для медведя — это не только хранилище питательных веществ. Он также выполняет роль теплового изолятора,

так как жировая ткань плохо проводит тепло.

Медведица-мать относится к медвежатам очень заботливо. Но издавна охотники знали, что «в зимнюю пору медведица равнодушна к детям и после подъема старается уйти, оставляя малышей на произвол судьбы» (А. Эмке, 1915). Поэтому не следует оставлять медвежат в берлоге в тех случаях, когда из нее вышла медведица. Надежда на то, что медведица вернется обратно, более чем призрачна, и малыши в таком случае обречены на гибель.

Наблюдения в зоопарках показали, что медведица устраивает новорожденных медвежат на своем теле так, чтобы они не касались пола. В естественных условиях в медвежьей берлоге зимой холодно. Медвежата рождаются как бы недоразвитыми, и без тепла матери им не выжить. Соотношение веса новорожденного медвежонка к весу медведицы-матери (среднему весу продуцирующей самки в популяции) составляет 1:200. Через три месяца после рождения вес детенышной достигает двух-трех килограммов, то есть увеличивается вчетверо — шесть раз. Общий вес детенышей при выходе из берлоги едва достигает 10 кг. При этом отношение общего веса детеныш к весу нормально упитанной медведицы-матери выражается средней величиной 1:10. При таком соотношении у медведицы остается потенциальный запас энергии для успешного выживания в берлоге до начала питания. Медвежата начинают подкармливаться естественными кормами едва ли не с первых дней после выхода семьи из берлоги. Общий вес новорожденных по отношению к матери у копытных млекопитающих в среднем регистрируется в пределах 1:8. При этом вес детенышей стремительно возрастает и лактирующей самке необходимо постоянное пополнение энергетических запасов для обеспечения своей жизнеспособности и выкармливания детенышей.

К началу разрастания трав медвежата-сеголетки уже потребляют большое количество травянистой растительности, а к середине июня они уже имеют сформировавшуюся основу пищевого поведения. К середине июля, когда медведица-мать обычно прекращает кормить детенышей, медвежата умеют успешно добывать естественные корма, необходимые для их нормального развития, и способны избегать многие опасности, убегая в лес либо взираясь на деревья. Экспериментальные работы с медвежатами-сиротами показали, что в возрасте 6–7 месяцев они имеют достаточно высокий уровень выживания в естественной среде без матери. Этот возраст у медвежат-сеголеток можно определить как «возраст самостоятельности».

Продолжение следует

ОХОТА НА КАБАНА В СТАВРОПОЛЬЕ

В. СЛЕПЫХ, лесовод, кандидат сельскохозяйственных наук

Дикий кабан, или вепрь, как и домашняя свинья, не снискал к себе сколько-нибудь теплого отношения со стороны человека. Образ кабана в представлении людей окутан дымкой мистицизма. Общественное мнение о нем основывается главным образом на отношении двух великих религий — христианства и мусульманства.

Изображая сатану, последователи Христовы как минимум половину туловища, от копыт и до пояса, позаимствовали у дикого кабана. Еще более категорична нелюбовь к кабану приверженцев пророка Магомета. Причем табу на употребление свинины среди последних обеспечило процветание кабаньей популяции на Кавказе. В связи с усилением религиозных тенденций в исламских регионах она обречена на это и в дальнейшем. В облике дикого кабана не в гигиеническом, а в эмоциональном плане действительно есть что-то «нечистое». В юности, впервые увидев кабана на склоне горы Бештау, я был поражен, насколько, будучи одним из самых древних лесных обитателей этих мест, кабан не вписывался в окружающий курортный ландшафт, с кирпичиками многоэтажек, отчетливо доносящимся шумом электричек и незастраивающими туристскими тропами в изреженном рубками лесу. Он казался пришельцем из тех уголков памяти, которые хранят образы Змея Горыныча, Бабы Яги, Гусей-Лебедей, рисунки скал в виде замков, пещер и их сказочных обитателей. Следы кабанов, встречаемые довольно часто по дорогам, и их покопы, с которыми близко знакомы огородники и грибники, не ассоциируются с реальным зверем, увидеть которого доводилось далеко не каждому. Так и живет в параллельном человеку миру, попирая ту же, что и он, землю, большой, сильный и осторожный зверь, вышедший из леса моего детства.

Летопись проживания кабанов в Предгорьях Кавказа — одна из иллюстраций к его истории. Все знают упоминания о кабанах в кавказских про-

изведениях Л. Н. Толстого, из которых следует, что в XIX веке здесь охотились на вепря. В первой половине XX века о кабане на Ставрополье мало было слышно. Особенно упала численность кабана в тридцатые годы, а неуклонное изреживание популяции происходило до этого в течение нескольких столетий.

Стремительное увеличение численности кабана в районе Кавминвод началось с начала семидесятых годов. Лес был вспахан зверем. Жаловались не уберегшие картошку огородники, пользовавшиеся участками земли в лесу. Стали рассказывать с широко раскрытыми глазами о своих встречах в дневное время со зверем грибники. Пик численности популяции пришелся на конец семидесятых, когда почти в каждой не высыхающей летом луже были «купалки» кабанов.

Кабан — всеяден. Его растительный рацион состоит из различных дикоплодов: яблок, груш, буковых орешков, ягод боярышника, алычи. Желудями ему лакомиться приходится не часто, поскольку дуб на Кавказе ощутимо плодоносит раз-два в десятилетие. Поедает траву, корневища камыша и тростника, побеги деревьев, грибы, мхи.

Животные корма составляют в основном почвенную фауну, в отношении которой кабан, исключая крота, не имеет конкурентов. Количество биомассы почвенной фауны в дубово-грабовом лесу в 120 раз превышает наземную, составляя 600 кг/га. За одну кормежку кабан поедает 2–3 кг корма, поэтому в условиях Ставрополья кабан в теплый период года не имеет проблем с питанием. В состав основных животных кормов входят дождевые черви, личинки майского жука, проволочника, саранчи и сами насекомые, моллюски, мышевидные грызуны, лягушки, ящерицы, змеи, птенцы и яйца птиц.

С наступлением морозного периода и выпадением снега на Ставрополье потребление почвенных кормов кабаном сокращается, но из-за сравни-

тельно теплых зим и постоянных оттепелей никогда не прекращается совсем. Об этом говорят свежие покопы земли, возникающие из-под снега в течение всей зимы.

В летний период года кабаны активны в темное время суток; выходят на кормежку в сумерки и удаляются на отдых на рассвете. Морозными и вьюжными ночами звери могут не покидать своих лежек, а кормиться днем.

Проживая вблизи сельхозугодий, кабаны летом и зимой охотно посещают поля и огороды. Картофель, свекла, кукуруза, сорго — все идет в ход. При высокой численности зверя ущерб от него может быть заметным.

Кабан — стадное животное, но в условиях интенсивного преследования человеком взрослые особи обоего пола могут вести одиночный образ жизни.

Любимые места обитания кабана — это лесные уроцища с густым подлеском, окруженные сельхозугодьями, а также заросли тростника. Лежка кабана представляет собой вырытое им по размерам своего тела углубление в почве глубиной 30 см и более. Часто зимой кабан возлегает на охапке сорванных им веток деревьев. С увеличением количества зверей в гурте размеры их лежки естественно увеличиваются. Кабаны предпочитают пользоваться ограниченным количеством лежек, а если их не сильно беспокоят, то и одной. Кабаны консерваторы не только в использовании мест отдыха, но и своих маршрутов. В местах кормежки кабаны чаще всего на дневку не остаются, а стараются вернуться на лежку своим прежним маршрутом. Летом и ранней осенью, когда кабана не преследуют, в лесу на него днем можно наткнуться везде, где есть более или менее густой подлесок. Зверя не смущают отчетливо доносящиеся до него крики играющей детворы, звуки пикника или шум автомобиля. В эту пору вы можете вспугнуть кабана в зарослях терна на расстоянии нескольких сотен метров от населенного пункта. Ситуация меняется с началом охоты на него. Зимой кабан в рав-

нинном лесу устраивает лежку на воз-
вышении в густом кустарнике, чаще с
южной стороны холма или водоразде-
ла. В районе Кавминвод по склонам
гор кабаны предпочитают ложиться с
их южной стороны в местах выхода
материнской горной породы под скалами
различной величины, которые имеют
форму грота. Под каменным
навесом зверь находит защиту от ветра
и холода.

Тростниковых крепей, которым ка-
бан предпочел бы лесные заросли для
укрытия в дневное время, на Ставро-
полье сравнительно немного. Однако
в малопосещаемых районах кабан мо-
жет устраиваться на день и в неболь-
ших куртинах тростника. При этом об-
раз жизни у него остается прежним —
с выходом на кормежку по ночам на
поля.

Облава — наиболее распространен-
ный и, пожалуй, самый результатив-
ный способ охоты на кабанов, имею-
щий, однако, существенные недостатки
из-за значительного количества
принимающих участие в охоте людей.
Это обычно 5—15 человек, часто мало
или вовсе не знакомых, имеющих раз-
личные привычки и вкусы, уровень
культуры и самодисциплины, среди
которых могут оказаться врачи и поэ-

ты. Кроме того, сам бригадный спо-
соб охоты предполагает строгое еди-
ноначалие и военную дисциплину, а
кто-то от этой самой казармы дома и
на работе как раз и хотел отдохнуть в
лесу. Словом, хотите вы добыть зве-
ря — везжайте на облавную охоту, хот-
ите поохотиться — выбирайте другой
путь.

Загонный способ охоты на копыт-
ных стар, как сама охота. Загонщики,
или, по-местному, гайщики, двигаясь
цепью, гонят зверя на линию стрел-
ков. Однако этот способ охоты на ка-
банов имеет одну существенную осо-
бенность, которая игнорируется, скажем,
при охоте на лося в России: вы-
бирать направление гая и расставлять
стрелков надо не из соображений
удобства организации охоты, а из рас-
чета, куда зверь сам захочет пойти.
Другими словами, кабан не повинует-
ся гайщикам, его нельзя направить в
нужном направлении, но можно пере-
крыть те маршруты, которыми он сам
предпочет воспользоваться.

Когда есть снежный покров, прибыв
утром в район, где вероятность на-
хождения зверя высока, следует всей
бригадой двигаться по просеке или
лесной дороге, тропе, пока не будет
обнаружен свежий (ночной) след. Для

того чтобы выиграть время, на вход-
ном следе можно разделиться. Одна
часть бригады будет по периметру «обре-
зать» квартал, следуя по просекам вправо от следа. Другая половина пойдет
влево, навстречу первой. Выйдя на выходной след из данного квартала,
эта группа охотников остается у него, ожидая идущих навстречу. Количества повторений по «образанию»
следа зависит от свежести того его участка, на который охотники вышли
(вечерний, утренний). Наконец, когда
выходного следа из квартала не обна-
ружено, руководитель охоты расстав-
ляет стрелков по номерам. Кабан —
зверь чащоб — неохотно посещает
открытые пространства даже ночью во
время кормежки. Гонного же кабана
ожидать на чистом месте — зрячий
труд. Становиться на номера следует
там, где разрыв между обложенным
участком и соседним лесным масси-
вом минимален. Просеки и поляны
обычно стремительно застают све-
толюбивым терном, образуя между
лесными кварталами перемычки густой
растительности, которыми и буду-
т пользоваться гонные кабаны, стре-
мясь прорваться из обложенного
участка леса. На этих перемычках и
следует расставлять стрелков. Если

Поднятый с лежки кабан стремится уходить в русле своего входного следа

Фото А. Севастьянова

просеку пересекает балка, уходя от преследования, кабан также воспользуется ею. Балку следует перекрывать в зависимости от ее ширины, одним или несколькими стрелками. Стрелка следует поставить и на входной след. Знание повадок зверя облегчает задачу перекрытия путей возможного отхода, ограничиваясь минимальным количеством людей. Поскольку гонный кабан, вынужденный пересекать дорогу или просеку, делает это как можно стремительней — одним, двумя энергичными прыжками, — вдоль просеки его стрелять трудно. К тому же существует определенная опасность попасть в человека, стоящего на соседнем номере. Надо отметить, что по правилам облавных охот стрельба вдоль стрелковой линии не допускается. Кроме того, кабан перед пересечением открытого пространства, оценивая обстановку, переходит на шаг, может остановиться, прислушиваясь и приюхиваясь. Поэтому занимая номер, следует рассчитывать на стрельбу в глубь оклада и становиться под пологом леса в нескольких метрах перед просекой. Гайщики, как правило, составляющие меньшую часть бригады, должны двигаться не спеша, обследуя вероятные места лежки зверя — кустарниковые заросли, верхнюю часть холмов. Подавать голос целеобразно разве что в начале охотничьего сезона, когда зверь не пуган, далее в этом необходимость отпадает. Скорость хода гонного кабана прямо пропорциональна интенсивности его преследования гайщиками, а именно скорости их ходьбы и производимому ими шуму. Поэтому для того, чтобы кабан не вылетел на стрелков подобно артиллерийскому снаряду, не остался в окладе и не прорвался через гайщиков, надо загонять не торопясь, основательно прочесывая местность и в меру шума.

Гай по чернотропу проводятся вслепую, без обрезания следа по той же схеме.

Загонная охота по кабану в горах отличается от таковой в равнинном лесу не только учетом крутизны рельефа. В горах нет просек и разветвленной дорожно-тропиночной сети. Этот недостаток компенсируется вертикальностью ландшафта, когда маневренность зверя ограничена и его вероятные отходы перекрываются значительно меньшим количеством стрелков. В идеале в горах при хорошем знании местности в определенных «котлах» можно охотиться вдвоем — один загонщик и один стрелок.

Предгорный рельеф представляет собой сеть водоразделов, испещренных перпендикулярно им вымытыми ливнями балками, имеющими чаще узкую верхнюю часть (горловину) и расширяющимися к низу (устье).

Гонный кабан, поднятый с лежки на склоне балки, предпочитает уходить в гору. В том случае, если зверя гонят сверху вниз, он все равно разворачивается и, прорываясь сквозь гайщи-

ков, стремится уйти вверх по балке. Поэтому гай следует организовывать с учетом наклонностей зверя, то есть снизу вверх. В том случае, если берега балки по отношению к ее руслу достаточно пологи, кабан безусловно может не пойти ни вниз, ни вверх, а перекинуть в соседнюю балку. Тогда приходится перекрывать стрелками бока балки, что растягивает стрелковую линию, не давая сконцентрировать людей в одном направлении, что безусловно скажется на эффективности охоты. А если балка имеет большую протяженность, то ее и вовсе нет смысла перекрывать по берегам.

Кабан в горах скорее будет лежать на южном склоне балки под скалами, валунами, в куртинах густого кустарника (терн, азалия и др.). Перекрывая перевал и бока балки, чтобы не подшуметь зверя, стрелки должны выходить на номера под прикрытием крыльев балки, то есть со стороны соседних балок.

Охота на кабана в тростниковых стациях принципиально не отличается от охоты в лесу.

К поведению зверя: преследуемый кабан, убегая, держит хвост вертикально. Раненый кабан при преследовании уходит далеко, напротив, если его не беспокоят в течение часа, он скоро ложится за каким-нибудь укрытием (куст, валун) рылом в направлении своего следа, делая иногда при этом петлю, чтобы вовремя обнаружить своего преследователя.

Стрелять на облавной охоте кабана следует пулей, причем желательно некруглой, которая в лесу дает меньший рикошет. На номере (узкая перемычка между участками леса), где большая вероятность, что зверь пройдет в десятке метров, в одном стволе надежнее иметь крупную карточку — 8—10 мм, которая при стрельбе на 20 м вся уместится в боку кабана и обеспечит надежное его поражение.

В результате длительного и настойчивого преследования собаками кабан, теряя терпение, становится особенно агрессивным и при приближении человека может его атаковать, не обращая внимания на хватки собак.

Описаны случаи осознанного нападения раненого вепря на подходившего к нему после выстрела охотника. В этой ситуации кабан весьма опасен, и осознание того, что это жест отчаяния со стороны зверя, не умаляет драматичности ситуации. Подходить к упавшему после выстрела кабану следует с заряженным ружьем и сзади, чтобы, если нападение последует, оно было менее неожиданным. Надо иметь в виду, что прижатые к голове уши зверя — признак того, что тот жив.

Существует мнение, что секач, ударив клыками, старается тут же скрыться, когда свинья после однократного нападения может вернуться и пустить в ход челюсти.

Окончание следует

В блестящей плеяде отечественных художников-анималистов Василий Алексеевич Ватагин (1883—1969) занимает особое место. Фактически с его творчеством связано становление анималистического жанра в его многогранных проявлениях: от станковой живописи, графики и скульптуры до декоративно-прикладных и монументальных форм, научной иллюстрации. Конечно, в России и до Ватагина было много художников, в произведениях которых фигурировали животные (Клодт, Серов, Степанов, Лансере, Лебедев, Соколов, Самокиш), но, начиная именно с него, художественные образы зверей, птиц, рыб, беспозвоночных животных стали заметным, самостоятельным явлением в русском искусстве.

«Как художник я преклоняюсь перед животным миром — мозговым проявлением красоты... Как биолог я признаю в животном собрата человека и преклоняюсь перед стихией животного — предшественника человека на Земле. Как человек я не могу забыть огромной жертвенной роли животного в построении человеческой цивилизации» — так формулировал Ватагин свои принципы в знаменитой книге «Записки анималиста».

Василий Алексеевич Ватагин (первоначальная фамилия Шереметьевский) родился в 1883 году в семье московских учителей. Под влиянием матери, преподававшей естествознание, у него проявился интерес к природе. Рисовать будущий анималист начал чуть ли не с трехлетнего возраста, копируя картинки из зоологических изданий, например из «Жизни животных» Брема.

В гимназические годы Ватагин начинает посещать студию художника Н. А. Мартынова, известного своими зоологическими иллюстрациями. По совету мастера Ватагин пробует ри-

ДОБРЫЕ ЗВЕРИ МУДРОГО МАСТЕРА

В. ШИШКИН

совать живых зверей и птиц в Московском зоологическом саду. По окончании гимназии Василию Алексеевичу предстояло сделать выбор между художественным поприщем и стезей биолога. Он выбирает второе и в 1902 году поступает в Московский университет на естественное отделение, где читали лекции профессора М. А. Мензбир, К. А. Тимирязев, А. П. Павлов (геолог). Для Мензбира Ватагин выполняет свою первую заказную работу — рисунок двух кречетов. Одновременно с занятиями в университете Ватагин посещает художественную школу К. Ф. Юона, совершенствуется в композиции, постигает законы соотношений цвета и тона в живописи, начинает писать этюды маслом, рисовать пастелью. Здесь он знакомится с разнообразными течениями современного искусства. Однако беззаветная любовь к природе и ее творениям позволила избежать многих соблазнов. Пригодилась и университетская закваска. До конца жизни Василий Алексеевич считал, что художники, увлекающиеся «самовыражением» при изображении животных, утрирующие какие-то черты строения или поведения, занимаются «уродованием». Вместе с тем подчеркивал, что протокольное, натуралистическое срисовывание — еще не искусство.

Громадную роль в развитии Ватагина как художника сыграли его путешествия (начатые еще в студенческие годы), знакомство с природой и животным миром других стран, анималистическим искусством разных эпох и народов. Кавказ и Крым, Центральная Россия и Средняя Азия, Арктика и Дальний Восток, Греция и Италия, Германия и Франция, Англия и Голландия, Турция и Сомали, Цейлон и Индия — и везде неустанная работа в музеях, зоопарках, на пленере. Сотни папок с набросками, тысячи этюдов.

По окончании университета Ватагин получает ответственный заказ от своего учителя М. А. Мензбира — подготовить 30 картин для «Зоогеографического атласа». Для знакомства с представителями экзотических фаун Мензбир направляет молодого зоолога-художника в командировку, предусматривающую посещение лучших зоопарков Европы. Атлас, изданный в 1912 году, не потерял своего художественного значения до настоящего времени. Оригиналы прекрасных ватагинских композиций попали в Дарвиновский музей.

Сотрудничество с этим уникальным

московским музеем у Ватагина началось практически со времени основания музея. С первым директором и создателем Дарвиновского музея Александром Федоровичем Котсом Василий Алексеевич был знаком еще по мастерской Мартынова, где они оба постигали азы рисования животных. Количество скульптур, картин, графических листов, выполненных Ватагиным для Дарвиновского музея, чрезвычайно велико. Сам Котс без преувеличения называл его сооснователем музея. Серии скульптур обезьян, доисторического человека, портреты великих биологов, картины по темам: инстинкты, приспособления, взаимопомощь, сообщества, брачные игры, гибриды у животных, великолепный изобразительный ряд соколов и кречетов, серия рисунков обезьян (одного из любимейших объектов Василия Алексеевича) — до сих пор украшают экспозицию в новом здании Дарвиновского музея в Москве.

Много работает Ватагин в жанре книжной иллюстрации. Он оформляет научные труды, энциклопедии, детские книги. Особым этапом была работа над произведением Р. Киплинга «Книга джунглей». Именно Ватагин предложил издателям выделить и выпустить отдельной художественно оформленной книгой цикл рассказов о Маугли. Звери Киплинга — Ватагина — это не сказочные звери, говорящие человеческим языком, это реальные, живые звери, язык которых смог понять и

услышать вошедший в их мир человек: «Мы с тобой одной крови, вы и я».

Рисунки Ватагина легко узнаются. Они очень «скульптурны». Достижения Василия Алексеевича в области анималистической скульптуры определялись большой любовью не только к изображаемому объекту, но и к самому материалу будущего произведения (дереву, камню, керамике), глубоким знанием свойств этих двух составляющих процесса творчества. Он всегда сам резал животных в дереве, рубил в камне, лепил в глине, высушивал, раскрашивал и обжигал керамику. Это был его принцип: вкладывать максимум творческой энергии на всех этапах художественного произведения, используя характер и свойства скульптурного материала для максимального выявления творческого замысла. Очень любил Ватагин тонированные рельефы, напоминавшие ему о древнем искусстве Египта, Ассирии, Индии.

Василий Алексеевич создал цикл панно для вестибюля Зоологического музея Московского университета, огромное количество картин, отражающих разнообразие животного мира.

Свой опыт художника и человека Ватагин обобщил в замечательной книге «Записки анималиста» (1957), переизданной позднее с добавлением интересных и самокритичных «Воспоминаний» (1980). Он всегда щедро делился творческим опытом и знаниями с молодежью. Его называли своим учителем многие наши анималисты: Горлов, Трофимов, Смирин.

Ватагин был художник-философ с глубокой верой в знание и добро. Особенно подчеркивал он добroе отношение к природе: «Не стыдитесь быть ласковыми с животными и вставать на их защиту. Это не сентиментальность, это доброта. Назовем ее, если хотите, гуманностью — свойством, обязательным для каждого человека».

РАБОТЫ ХУДОЖНИКА ВАСИЛИЯ ВАТАГИНА

МОЯ БИОГРАФИЯ

Н. ВЕРЕЩАГИН

НЕМНОГО ПРЕДИСЛОВИЯ

Идея написания этой автобиографии принадлежит главному редактору журнала «Охота и охотничье хозяйство». Именно он — Олег Кириллович Гусев с половины 1996 г. начал терпеливо убеждать меня по телефону написать подробно о себе, окружении и о роли охоты и охотоведения в моей жизни. Обещал опубликовать такой очерк «хоть в нескользких номерах нашего журнала». «Дело в том, — говорил он, — что за последние два с половиной десятилетия, особенно в годы «перестройки», как-то быстро и неумолимо ушли от нас почти все ведущие биологи-охотоведы нашего (т. е. моего. — Н. В.) поколения, сделавшие основную черновую и беловую работы по изучению биологии и экологии промысловых птиц и зверей нашей страны. Именно их труды научно обосновали меры по организации и становлению нашего охотничьего хозяйства».

Он — Гусев — был безусловно прав. Я живо вспомнил своих дорогих покойных наставников-профессоров: Н. А. Смирнова и Б. М. Житкова, коллег и друзей: А. Н. Формозова, В. Г. Гептнера, братьев Н. П. и С. П. Намумовых, Б. А. Кузнецова, Е. П. Спангенберга, Ю. А. Исакова, С. В. Лобачева, Н. И. Калабухова, А. Г. Баникова, В. И. Цалкина и многих других. С Гептнером, Спангенбергом и Цалкиным меня связывала теплая дружба, с иными были вполне нормальные отношения. Явных врагов как будто не было вовсе. Волею судеб я оказался в самом конце XX века, по выражению Олега Гусева, «последним из могикан».

Оценивая снисходительные вопросы о здоровье и полусочувственные взгляды на мою походку молодых питерских коллег, предложения воспитанных мальчиков на улице поднести до дому сумку с картофелем, уступание мне мест-кресел пожилыми женщинами (!) в троллейбусах и трамваях, я понял, что с биографическими мемуарами действительно следует поторопиться.

Тут же встал вопрос о характере изложения. Не будучишибко искушенным в писательских дела, я все же понимал, что анкетно-хронологический стиль повествования будет зануден и непотребен. Поэтому инстинктивно решил излагать — отмечать свои жизненные этапы в виде кратких фактических эпизодов в «предметных экологических средах», т. е. в человеческих группировках и природных ландшафтах.

В явный ущерб занимательности в биографии полностью отсутствуют вымысел, выдумка и «охотничьи байки». Мне незачем было к ним прибегать, так как жизнь и без того была довольно насыщена приключениями разного рода. Наоборот, о многих эпизодах пришлось попросту умолчать или рассказать вскользь, мимоходом, без художественных отступлений, прибауток. Не доказаны и многие эпизоды, опубликованные ранее в статьях, журнальных очерках, книгах. Однако сохранены те, которые этого заслуживают. Такие повторы характерны для моих научно-популярных, в сущности тоже автобиографических, книжек: «Записки палеонтолога» (1981) и «Зоологические путешествия» (1986). Они, впрочем, сильно сокращены. Книжки эти сразу же стали библиографической редкостью, что оправдывает краткие повторения. Особенно трудны были для переизложения мои воспоминания о потере близких, друзей и подруг, потере наследственного имущества в результате социальных катаклизмов, а соответственно и переосмысление последних.

В кратких характеристиках людей, с которыми приходилось общаться, я старался быть предельно объективным, отвлекаясь, сколь возможно, от личных симпатий и антипатий.

Итак, начнем все же с хронологических дат.

РАННЕЕ ДЕТСТВО. ОСНОВНЫЕ ДАТЫ

Родился я 21 ноября 1908 г. в деревне Пертовка (перт — по-фински щука). По позднейшим рассказам я слышал, что меня принимала акушерка Амосова из соседнего села Ольхово — мамаша известного ныне хирурга академика Николая Амосова. Пертовка была и жила до 1939 г. на правом берегу реки Шексны, километров 35 ниже города Череповца Новгородской (теперь Вологодской) губернии. Рядом с деревней было и родовое имение Верещагиных. Здесь родились и выросли мои прославленные и рядовые деды — Николай, Василий, Александр, Сергей, Алексей и Михаил Васильевичи.

На невысоком пригорке — «угоре» первой террасы долины Шексны стоял под красной железной крышей большой деревянный дом, западная половина которого была двухэтажной. Большой сад из осин, лип, берез, акаций и сирени прикрывал дом и двор с северо-востока от болотистой луговой поймы. До берега Шексны

было 300—350 м, а ширина реки достигала здесь примерно сотню метров.

Квадратный травяной и сухой двор в сотню метров по стороне, расположенный к западу от дома, был окаймлен по периферии слева направо (от дома!) добротными хозяйственными постройками: баней, мастерской, скотным двором с каретником и сеновалом, школой, двухэтажным сушилом с погребом-ледником и клубнегарнищем. Непосредственно за скотным двором проходила дорога на соседние села: Ольхово — 10 км на юг и Любец — 5 км на север, через деревню Пертовку. За дорогой — к западу начиналось поле и опушка соснового бора.

Собственно деревню Пертовку, домов в 40, отделял от усадьбы с северо-запада пологий овраг, прорезанный ручьем Пертовка. В весеннее половодье река Шексна топила пойму, подступая к огородам и домам. Теперь, с 1939 г., над руинами Пертовки несколько метров застойных и отравленных вод Рыбинского водохранилища...

Мой отец — Кузьма Николаевич — сын известного общественного деятеля, «отца молочного хозяйства России и молочной кооперации» Николая Васильевича Верещагина — был художник по образованию. Мать Мария Александровна Соколова — из мещан Смоленской губернии — была по образованию мастер молочного дела — сыроварения и маслоделия. Мой дядя — младший брат отца Василий Николаевич — был женат на зырянке (коми) и имел двух дочерей — моих старших кузин. Они жили на втором этаже нашего дома. Основной хозяйствкой имениния была, однако, моя бабуля Татьяна Ивановна, получавшая государственную пенсию в честь деятельности своего мужа — моего деда. Отец и дядя были превосходными охотниками и стрелками, членами Московского и Владивостокского охотничьих обществ. Естественно, что они довольно быстро приобщили к Природе и Охоте и меня.

Но сначала несколько слов о себе. Нас, детей, было пятеро — три сестры, я и младший брат Сережа, который помер в 1917 г. от дизентерии в три годика.

Как это ни парадоксально, я до сих пор отчетливо помню свои детские ощущения и переживания с полугодовалого возраста — т. е. за 90 лет без малого. В ту пору существовала еще довольно странная практика пеленания ребят. Широкой полотняной тесь-

мой ребенку тугу приматывали к туловищу ручки и заматывали ножки, так что он не мог двигаться, превращаясь в подобие матрешки или египетской мумии. И в таком «консервированном виде» отправляли спать. Объясняли, что так позвоночник и конечности будут прямыми, а не кривыми. Не избежал этой жалкой участи и я. И вот мне на протяжении 90 лет помнятся: какое-то пытление — пых, пых, пых...

Мой третий осенний глухарь. 1919 г.

неяркие сполохи в кромешной темноте, качание и похлопывание по спине с приговором: «баю, баюшки, бай, бай!» Мои ручонки, туловище, ножки затекли, их надо было раскинуть, поколотить ими, но это безнадежно. Тоскливо, и остается только лихо орать в виде протesta во всю силу еще слабеньких легких. Так как эта печальная процедура повторялась неоднократно, то я вскоре понял ее суть. Это работник Сергей, отставной солдат, ранним зимним утром затопил в большом зале голландку, а меня нянька Любаша вынесла сюда из материнской спальни, чтобы я не мешал утреннему сну других. Вот это печка и пыхтит через дырки чугунной дверки, которая «притоптывает» временами.

Потом идут смутные воспоминания трехлетка, увязшегося незаметно и тайно за взрослыми, что пошли в лес за грибами. Сосновый лес начинался непосредственно за нашим двором. И, прячась за елочками в опушке, я вскоре отстал и завяз в первой же моховой болотине. Выручил меня, кажется, мощный дядин курцаар Колебан, который на радостях от встречи сшиб мальчишку в мокрый мох, а лаем привлек к моей персоне внимание взрослых. Смутно проступают в памяти и другие менее забавные события: приезды докторов, приемы кастрюки, постановка ненавистных клизм, приемы прогорклого рыбьего жира, перед которыми я обычно начинал завывать по-

волчьи или жалобно-протестующе подскуливать.

Запомнилось, как однажды, в тричетыре годика, я обнаружил в траве двора соблазнительно блестевшие цветами радуги какие-то длинные и короткие осколки и сразу же набил ими полный рот. Они приятно похрустывали на зубах и позывали между собой. Кто-то из взрослых стал почему-то настойчиво расспрашивать, что это у меня во рту, и я через силу отвечал, что там «свекла». «Свекла» оказалась осколками разбитого кем-то толстого зеркала с косыми гранями, наверняка довольно острыми. Кажется, отец, а может быть одна из старших кузин, несмотря на мои протесты, осторожно вытаскивал части моей закуски пальцами и пинцетом. Было очень жаль с ними расставаться.

ДЕТСКИЕ СТРАХИ И СНОВИДЕНИЯ

Время, когда я стал более полно сознавать и помнить, кто я есть и как себя чувствую, относится, вероятно, к 12—15 годам века, т. е. годам процветания страны и началу I мировой войны, а моему возрасту 4—6 лет. Пожалуй, наиболее памятным было засыпание по вечерам под противокомариным пологом, когда под подушкой обнаруживались то яблоко, то бублик, то конфета, заложенные любимой бабушкой.

Засыпая в сгущавшихся сумерках, мне мерещились почему-то на потол-

темную комнату, камеру, где меня поджидало какое-то богомерзкое чудовище, готовое схватить и задушить. Возможно, это было связано с плохой работой сердца или желудка, когда нас кормили на ночь свежим молоком или простоквашей, а также со сном наспине, а не на боку или животе. Эти кошмары повторялись так регулярно, что в конце концов я был вынужден инстинктивно выработать элементарный способ самозащиты. Я научился твердить себе во сне, что если станет уж нестерпимо страшно, то я могу ведь и проснуться, и, бывало, просыпался! Позднее чувство ужаса, со сжатием-зажимом сердца от вида безобразного чудища, стало вызываться видом пропасти, краем крыши высокого дома, по которой мне приходилось зачем-то ползти и цепляться в ожидании неизбежного падения. Только лет через десять, обучаясь в техникуме, я узнал от учителя химии, что средневековые предания о замках и постояльных дворах с привидениями объяснялись легким отравлением жильцов гостей парами мышьяка от обоев, красящими мышьяковыми красками, вызывавшими эффект удушья от якобы сидящего на груди душителя-уродца. Кроме таких подозрений на отраву, в мамашиной спальне было, наверно, попросту душно.

Реже случались радостные сны большой легкости, когда я, бывало, парил после прыжка в длину над какой-нибудь лужей или толпой. Поэтому наяву я тоже старался тренироваться в

Наш дом — усадьба Пертовка на р. Шексне. 1910 г. Мои сестры и пес — спаниель Ровер

ке довольно мерзкие рожи, самых разнообразных очертаний и выражений. Откуда они брались в сознании и на какой основе возникали, не скажет наверное и Бехтерева Наташа. Ведь в 4—5 лет я никак не мог видеть, скажем, ритуальных масок из тибетских монастырей, или святилищ племени Майя, или древнего Лаоса, чтобы как-то дублировать их в своем сознании?! Затем по ночам мне неуклонно снились кошмары. Они заключались в том, что я якобы должен пройти в какую-то

прыжках через канавы, речки, заборы, и это очень пригодилось в молодые годы. Однако парить в воздухе наяву так и не удалось ни разу. Много позже я узнал, что такое свойство «подлетывать» называется у экстрапонсов левитацией.

В шесть лет я весил около двух пудов и с большой натугой мог отрывать от пола двухпудовую гирю. Помню, что мне пришла в голову блестящая идея — на основе простого арифметического расчета поднять самого себя

и полетать! Я выбрал прочную неширокую доску, зашел в затишок за угол дома и, уцепившись за концы доски, попытался поднять себя в воздух. Был страшно разочарован, когда ничего не получилось, левитация не удалась! А главное — я не совершил гениального открытия. Попытка привязать доску веревкой тоже не дала успеха.

Четвертый сон, который я видел повторяющимся три или четыре раза, заключался в следующем. Каким-то образом я оказывался в уютном ущелье или распадке с травяными склонами. На них местами высовывались как бы из ниш или из лотков-ячеек рыжеватые головки симпатичных зверушек, похожие на оленей, косуль или серн. Сон был приятен, и я живо вспомнил о нем в августе 1958 г., т. е. через 41 (!) год. Дело было в Южных Карпатах, в Румынии. Будучи в научной командировке, я задался тогда целью добыть серну для нашей коллекции, и румынские коллеги предложили мне съездить в окрестности городка Брешов в уголье Хацек. Помню, что, наняв у одной старушки вычную лошадку, я поднялся в горы примерно на 2000 м, пересекая последовательно пояса широколиственных буковых лесов, европейского кедра и, наконец, труднопроходимого кедрового стланика. У верхней границы леса оказалась турбаза — «кабона» по-румынски — с десятками туристов-школьников и деревянными нарами. В «кабоне» мы переночевали, а утром следующего дня, оставив на базе парнишку с бабушкиной лошадкой, в сопровождении местного егеря поднялись в альпийский пояс, продравшись через полосу кедрового стланика. Как-то неожиданно мы оказались в уютном ущелье с задернованными склонами. На них тут и там виднелись головки и фигурки серн, как на лубочных картинках. Я сразу же узнал этот уголок из моего детского сна! По совету егера я заполевал из его 6-мм маузера одного крупного самца и в разделенном виде вывез его в Ленинград, угостив «сернштексами» при проезде через Киев своих украинских друзей.

Насколько я понял позднее из тяжеловесных немецких толкований природы сновидений Карлом Юнгом, Зигмундом Фрейдом и прочими философами и психологами XX века — ничего странного в таких парадоксальных сонно-явных совпадениях нет. Ведь в детских снах отражаются якобы эволюция и части-элементы истории психики — «переживаний» наших предков, очевидно, возникает предвидение-прогноз (!) предстоящих событий наших собственных. По-видимому, именно поэтому слепые от рождения люди видят в своих снах чудесные цветные явления.

В 8–10 лет я уже самостоятельно бродил по ближайшему к нашей деревне лесу за грибами и ягодами, знал по-тайные тропинки, гривы и моховые

болота со странными финно-угорскими названиями: Къелмакса, Рыдоголь, Амбал и др. У меня было тогда много таких заветных местечек с растущими там превосходными белыми грибами, рыжиками. Сочетание таких групп деревьев, их подроста, мхов и ягеля, оплетенных ползучими плаунами, создавало приятные условия для роста благородных грибов. Теперь такие местечки называются биотопами. Их я старался всемерно охранять и бывал страшно расстроен, если тетка Аксинья или дошлы деревенские ребята, мужики оставляли мне пустые дырки во мху да свежие очистки корней. Сам я никогда в лесу не чистил грибов, а ямки от корней аккуратно прикрывал, уминяя мох.

И вот во время таких походов, преимущественно при возвращении домой, меня обычно посещала неясная тревога, полностью не осознанное чувство опасности или загадочного недоброго предчувствия. Казалось, что кто-то (или что-то) — бандит (зимогор), волк, медведь, ведьма, леший — должен вот-вот напасть сзади, догнать, задушить. В реальности ведьм, леших, домовых я убеждался по рассказам деревенских старииков: дедки Дмитрия, теток Аксиньи и Прасковьи. Теперь культурные журналисты и даже «профессора» называют леших снежными людьми, достигающими якобы гигантского роста в 2,5–3 м, и всячески доказывают их реальность. Тогда же я, бывало, оглядывался временами, ускорял шаг, готовился отразить нападение при помощи всегда носимых перочинного ножа или можжевеловой дубинки. Однако все было спокойно в наших краях, хотя существование бешеного волка, озорного медведя, бешеной собаки отнюдь не исключалось.

В 12–13 лет, т. е. в 20–21-е годы, я ходил осенями за грибами уже с ружьем — с дядиной двадцаткой Зауэра и чувствовал себя гораздо увереннее. Чувство опасности как-то отступало, исчезало. Особенно нравились мне экскурсии в конце августа, сентября, когда листья черемухи, рябины начинали сохнуть, золотиться, а взматеревшие тетерева, белые куропатки, рябчики взрывными взлетами из куртин ольшаника бередили душу и сердце. Бывало, задремавший на прилеске глухарь старался свечой прорваться сквозь сплетение ветвей, ломая мощными крыльями встретившиеся на пути сухие еловые сучья. Такие походы я старался осуществлять комплексно со многими задачами. Вместительную корзинку для грибов я подвешивал на сурое домотканное полотенце через левое плечо, чтобы иметь возможность стрелять с правого. В корзинке лежал обыкновенно бязевый мешочек для лягушек. Амфибии были необходимы для наживки крючков-переметов, бережников, забрасываемых на щук, судаков, налимов, язей в реке Шексне.

В результате таких походов я приносил корзинку белых, подбересовиков, подсиновиков, волнушек, серушек, двух-трех рябчиков, трех-четырех лягушек, естественно вызывая восторги и похвалы семейства и наших гостей.

Как правило, далее 8–10 км от дома и Шексны в глубь леса я не заходил. Знал, однако, что пространства моховых болот чередуются там с песчаными лесистыми гривами, обычно параллельными течению Шексны. Лес на них был вторичный — смешанный, после гигантских вырубок, начавшихся еще в Петровские времена. Об этом свидетельствовали обычные угольные ямы и очень старые, засмоленные сосновые пни. Уголь был нужен железноделательным заводам и ценился. На заросших новым лесом валах ям гнездились и кормились черникой, брусничной глухари, тетерева, рябчики, выводились гадюки и откладывали яйца огромные ужи. В августе 1945 г. на одной из грив — Селище я обнаружил коллективную кладку под брошенной толстой дверью, примерно 50 ужих в 1500 яиц!, причем ужата стали выползать из яиц только 28 августа.

По рассказам дедки Дмитрия Оборина, который в 20-х годах уже редко слезал с печи, на дальних боровых гривах в половине прошлого XIX века еще водились северные олени, было много лосей, а на близкий глухариной ток слеталось до сотни птиц. Теперь это окраина Дарвиновского заповедника — полуострова между Мологой и Шексной — их заливами.

Итак, ко времени освоения «огневого боя» страхи детских снов отступили, исчезли. Новые страхи стали возникать наяву во время ночных охотничьих походов. В ночном лесу, вероятно, таились вполне реальные опасности, против которых и взрослый человек, не то что мальчишка, был практически беззащитен и трусил закономерно. Во всяком случае, полновозрелые парни и пожилые мужики — охотники нашей деревни никогда не ходили по ночам на тетеревинные тока в одиночку. В крайнем случае забирались в шалаши засветло, с вечера. А отец начал почему-то отпускать меня в ночной лес уже с десяти лет. Скажу честно — иди ночью в одиночку на тетеревиний или глухариной ток было не только жутковато, а попросту страшно. Ведь каждый темный пень, куст можжевельника казался тогда медведем, чертом, ведьмой, которые готовы были каждый миг взорваться яростным выпадом, и ружье, даже заряженное, могло оказаться бесполезным. Помню, отец, бывало, настойчиво советовал при встрече с агрессивным медведем «напускать» его возможно ближе, чтобы дробовой заряд дал наибольший эффект. А глубокая холодная вода у края болота, а вязкий мох и хилые, быстро протекающие сапожонки... Бrr. Ведь резиновых сапог тогда не было.

Вспоминается яркий эпизод 1921 г. Мне уже одиннадцать лет, и я, разбуженный отцом, с трудом оторвавшись от бесконечно дорогое сна, стою и топчуясь на околице деревни у овинов. Темно, подувает легкий, но пронзительный ветерок. Впереди белеет поле, за ним — черная полоска леса, дальше — знаю, будет моховое болото с сосняковыми ределями и старая просека, по которой ходят летом за клюквой. В ее конце — через две версты — глухариний ток. Идти — не идти? Жутковато. Под валенками скрипит снег. Днем было жаркое солнце, и наверняка будет хороший наст. Сегодня 30 марта, сейчас три часа ночи. Впереди неделя пасхальных каникул. Идти домой — совестно, скажут — струсили. Внезапно с дальнего конца деревни доносится звонкое: «Кукареку!» Ба! Так ведь можно и опоздать! И я бодро двигаю вперед. Вот уже край болота, белая лента просеки и скрипучего наст-

та. Он держит отлично. В воздухе взвесь инея, в его кристалликах тускло светит ущербная луна. Сосновые ределя без пугающих пятен не особенно страшны, но на просеке вдали что-то темнеет. Несколько быстрых шажков вперед, и я останавливаюсь. Меховая шапочка чуть приподнимается над встающими дыбом волосами. Первый и единственный раз в жизни! Пальцы автоматически взводят курки двадцатки. Поперек моей тропы, всего шагах в пятнадцати, стоит совсем белый тигр! И смотрит на меня! Я отчетливо различаю круглую голову, темные пятна глаз, уши, линию спины, передние лапы и совершенно прямой хвост с поперечными кольцами. Коленки слегка дрожат, потом, чертыхнувшись, я тихо спускаю курки. Это ведь всего-то тонкая болотная сосенка, когда-то прижатая снегопадом, вытянута и расправилась слегка, а ее редкие веточки и мое воображение

создали на фоне снега облик страшного зверя...

Живого белого тигра я увидел только через 73 года, в марте 1994 г., в небольшом зверинце при большом Луна-парке, в городе Осака, в Японии. Огромная, совсем белая кошка, с черными полосами на голове и боках, стояла вполоборота, всего в 10 шагах за железным барьера. Неподвижный (как и тогда темной пертовской ночью) зверь смотрел на меня, вернее, сквозь меня своими желтыми, немигающими глазами, вспоминая, быть может, непролазные джунгли Камбоджи и таких вкусных тамошних оленей и поросят...

Еще четверть часа быстрого хода, и до меня донеслось отчетливое шипение первого в том году глухаря. Пел он еще вяло, и подойти к нему не удалось.

(Продолжение следует)

снегоходы РОССИИ

В ГАРМОНИИ С ПРИРОДОЙ

ОТЛИЧНАЯ
ПРОХОДИМОСТЬ
УСТОЙЧИВОСТЬ
НАДЕЖНОСТЬ И
ПРОСТОТА В
ЭКСПЛУАТАЦИИ
ЛЕГКОСТЬ В
УПРАВЛЕНИИ И
МАНЕВРЕННОСТЬ
ВЫСОКИЕ
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ

РЫБИНСК т.(0855)243-190 ф.214-503 МОСКВА т.(095)155-8255 ф.155-8256 ЯРОСЛАВЛЬ т.(0852)321-547 ф.230-373

ФОТОКОНКУРС «Охота и природа, 1998»

Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство» объявляет очередной фотоконкурс под девизом «Охота и природа, 1998».

На конкурс принимаются цветные и черно-белые фотографии форматом 15x21 см, а также слайды (любого размера). Фотоочерки могут состоять из любого количества фотографий.

На оборотной стороне каждого снимка (или в сопровождающем письме) мягким простым карандашом укажите, пожалуйста, фамилию, имя, отчество (полностью) автора, его паспортные данные, адрес, название снимка (или серии), место съемки.

— Год дороже выходит за пределы

— земли. Мы думали, что он не пойдет

На конверте напишите: на фотоконкурс «Охота и природа, 1998». Журнал интересует любая тема, связанная с охотой и охотничьим хозяйством: все виды и способы охоты, охотничьи звери и птицы, работа обществ охотников и охотничих хозяйств, биотехния, мероприятия по спасению животных, борьба с браконьерством, пейзажные и жанровые фотографии и т. д.

За лучшие фото и очерки установлены премии:

2 первые — по 1 млн (1000) рублей
3 вторые — по 500 тыс. (500) рублей
4 третьи — по 300 тыс. (300) рублей

Присланные работы не возвращаются и могут быть использованы для иллюстрирования журнала.

Просим высылать фотографии в адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская ул., 18. Журналу «Охота и охотничье хозяйство» (не позднее 10 декабря 1998 г.).

Итоги конкурса будут подведены в первой декаде января 1999 г. и опубликованы в журнале.

такой Красивый зал в отеле «Лесной путь»
и вспомнил о том, что в прошлом году
я снял здесь фотографии для конкурса «Охота и природа».

Дятлята

Фото Ю. АНДРЕЕВА

Фотоконкурс «Охота и природа, 1996»

Рябчик

Фото В. ЕРОХИНА

Фотоконкурс «Охота и природа, 1997»

Молодые волки

Фото В. БОЛОГОВА

Фотоконкурс «Охота и природа, 1997»

Лисица

Фото В. ЩИБНЕВА

Фотоконкурс «Охота и природа, 1996»

На току

Фото А. САВЧЕНКО

Фотоконкурс «Охота и природа, 1997»

Одна из лучших карело-финских лаек

РЕЙМА— КАРЕЛО-ФИНСКАЯ ЛАЙКА

Л. ГИБЕТ, эксперт-кинолог
Всесоюзной категории

Они родились в декабре 1958-го. Четыре щенка карело-финской лайки, совсем маленькие, какие-то бурые и совсем непохожие на ярко-рыжую мать. Здоровенькие щеночки, любовно ухоженные своей мамашей, быстро росли и к месяцу превратились в четыре пушистых кубика. Шерсть была пухлявой, очень плотной, цвета не очень темной куницы. Пока никакой рыжины у них не наблюдалось. Двух кобельков очень скоро забрали охотники, а двух сучек я решила подержать подольше. Одну из них, лучшую, надо было оставить себе, так как их маме Койре уже стукнуло восемь лет.

Щеночки росли, развивались, и у них стали обозначаться особенности характера. К двум месяцам одна из сбачек уже полностью напоминала маленькую лаечку. Она была темненькая и обещала стать красно-рыжей, у нее торчали остренькие ушки, хвостик был лихо закручен, и глядела она умненькими черными глазами. На прогулках, когда ее мама могла побродить без привязи, эта собачка неотступно следовала за матерью. Поэтому всегда было спокойно, никуда она не денется, позовешь Койру — явится обе.

Совсем непохожей на сестру была

вторая. Светленькая, она могла стать только рыжей, к двум месяцам кончики ушей у нее еще висели, но кругой хвостик еле доставал до спинки, а самое ужасное — глаза оставались пощечинчатыми мутно-голубыми. На прогулках с нее нельзя было спускать глаз. Самостоятельный щенок активно исследовал все, что встречалось, залезал в любые дырки, пропадал в кустах и почти полностью игнорировал приказания и мольбы подойти. За нее все время приходилось следить, бежать, ловить. Эта собачка и дома проявляла удивительную любознательность и предпримчивость. Никогда нельзя было предугадать, что еще она такое совершил. И вот этот независимый характер, активность и любознательность очень привлекали меня в щенке. Но экстерьер! Единственное положительное было в ее внешнем виде — это изящная, точеная мордочка, в то время как у сестры явно намечалась некоторая грубоватость.

И вот настал момент, когда надо было выбрать щенка для себя. Мнения в семье разделились. Мне нравился характер светленькой, и я интуитивно чувствовала, что оставлять надо ее. Муж и сын настаивали взять себе «красотку». Я стала советоваться со спе-

циалистами — все стояли за «красотку». У меня же душа к ней не лежала (надо учсть, что в те годы я была совершенно неопытным собаководом, да и вообще собаководом меня назвать было нельзя). Я решила прибегнуть к последнему средству и попросила известнейшего кинолога Э. И. Шеришевского зайти к нам домой и посоветовать, какого щенка из двух оставить себе. Много лет до этого Эдмунд Иосифович был старшим научным сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского института охотничьего промысла (ВНИО) и руководил племенной работой с лайками в опытном питомнике этого института. Он был высшей инстанцией, к которой можно было обратиться.

Эдмунд Иосифович долго наблюдал за щенками, брал на руки и рассматривал то одного, то другого. Перевернулся на спинку светленьку, чтобы посмотреть, какими будут ушки, когда встанут, и, несмотря на ее мутные глазки, твердо изрек, что оставить надо именно эту. Радости моей не было предела, он подтвердил мое внутреннее стремление. Моим домашним пришлося подчиниться, авторитет Эдмуんだ Иосифовича был слишком велик. В дальнейшем его правота полностью подтвердилась — «красотка» действительно стала красной, но она выросла слишком крупной и грубоватой (в кобелиных ладах). Надо учсть, что в те годы еще шло становление породы и щенки в одном помете могли быть очень разнотипными.

Настал день расставания с одним из щенков. Сучку хотел взять один из моих студентов. Он долго ждал собачку, торопил меня, горя желанием заполучить щенка. И вот в один прекрасный день я, взяв обоих щенков на руки, предложила ему выбрать по вкусу. Он был потрясен: как это выбрать? На большее, чем получить оставшуюся, он не рассчитывал. А я была твердо уверена, что он обязательно схватит «красотку». Так и произошло. Он взял красненькую и назвал ее Линту, то есть птица. Мне осталась выбранная Э. И. Шеришевским — светленькая, которую за ее характер я назвала Рейма, то есть бедовая. Вот эта Рейма и стала впоследствии отличницей и первым чемпионом породы карело-финской лайки в нашей стране — ч. Рейма 1002/лкф.

При выращивании и воспитании Реймы я перенесла много забот, в том числе и неприятностей, и потратила много труда на ее обучение охотничим премудростям. Результат превзошел все ожидания. Но пока она росла, бывало всяко.

В мае 59-го с пятимесячной моей «бедовой» мы выехали в экспедицию в Калининскую область. Ежедневные походы по лесам расширяли ее кругозор. Она знакомилась с населением зверей и птиц. Белку показать было некому, а вот за случайно встретившейся куニцей она умчалась далеко и надолго. Азарт и охотничий инстинкт

заставляли ее мчаться за любой «ди-чью». Камнем преткновения стали мыши и жаворонки.

Как обычно в лесной полосе деревня бывает окружена полями. И вот по весне Рейма пристрастилась, проходя полем, гонять жаворонков. Это было просто ужасно — она мчалась за улетающей птицей и пропадала из поля зрения. Набегавшись за жаворонками, находила в поле огрех и начинала старательно раскапывать колонию полевок. В это время она полностью глухла и не реагировала ни на крик, ни на свисток. При попытке подойти к ней она быстро убегала и, найдя следующий огрех, опять начинала раскапывать полевочью колонию. А огрохов на Калининских полях было множество — в основном опахивали огромные валуны. Я поняла, что собаку надо ловить на поводок еще в лесу и по полевой дороге вести на поводке. Но и Рейма это поняла и старалась уже из леса мчаться на поле. В таком случае мне ничего не оставалось, какозвращаться до деревни одной и ждать щенка у входа в деревню. Задачу помимо облегчала небольшая речушка перед деревней, через которую был проложен мост. Я сидилась на бортик мостика и ждала. В это время остальные члены экспедиции уже завтракали (мы выходили на маршрут в три часа утра, а может быть, ночи), отдыхали или шли в лабораторию, а я была вынуждена ждать. Когда же Рейма наконец прибегала, я с ловкостью вратаря ловила ее и брала на поводок. Ведь пропустить ее в деревню было нельзя: там куры, утки, овечки, и все являлось завидной добычей для рыжей хищницы.

По своему неуемному характеру она действительно была хищницей. Она стремилась схватить все живое, поэтому при походах в лесу зачастую оказывалась далеко от меня, причем, увлеченная запахом или погоней, совершенно не следила за хозяйствкой и не знала, где нахожусь я. И тогда она изобрела свой способ: как только оказывалась вдали, она начинала громко лаять с подывыванием. Причем так увлекалась своим музенированием, что не слышала моего призывающего свиста (или не хотела слышать). Я сама прибегала на ее лай.

В августе мы с ней хорошо охотились на тетеревов, позднее она неоднократно пыталась поймать зайца, и один раз ей это удалось. В общем, за пять месяцев экспедиции она получила отличную лесную подготовку. И уже в октябре — ноябре под Москвой мы целенаправленно натаскали ее на работу по белке. Только тут она поняла для чего живет на свете. Бросила размениваться на мышей и зайцев, стала совершенно спокойно относиться к домашней живности. В общем, превратилась в настоящую охотничью лягушку. Охота в Калининских лесах сделала ее разносторонне образованной.

Мне захотелось рассказать о становлении этой собаки, чтобы было

понятнее все остальное, что у нас с ней происходило в жизни. Жила же она долго и умерла всего за три месяца до своих восемнадцати лет, тихо отошла в мир иной.

Историй было много, но думаю, что надо в первую очередь рассказать об одной, в которой эта собака сыграла в моей жизни основополагающую роль, когда она буквально спасла мою жизнь и честь. В 1960 году мы в составе «энцефалитной» экспедиции выехали в Удерейский район Красноярского края — так называемое Северное Зангарье.

В этой большой экспедиции мне пришлось быть начальником зоологического отряда, который состоял из трех сотрудников института и семи студентов. Мы искали гнезда птиц, чтобы потом собрать из них гамазовых клещей; добывали самих птиц и мелких зверьков для сбора с них всех эктопаразитов, и в первую очередь иксодовых клещей; проводили учет птиц и млекопитающих (особенно промысловых видов), чтобы определить возможности развития охоты.

Рейме уже исполнилось полтора года, и она поехала со мной. В лесу она очень помогала при розыске гнезд наземно гнездящихся птиц. Опыт с жаворонками на Калининских полях ей очень пригодился. Вспугнув с земли птицу, она уже не мчалась за ней, а подбегала к месту взлета и находила гнездо. Конечно, в тайге она с азартом облавила белок и бурундуков, которые нам были нужны для сбора материала. Бурундуков мы частенько ловили с помощью петель живьем. Облавление глухаря для Реймы было лучшей наградой.

Характер Реймы полностью установился. К хорошим людям она относила доброжелательно, но держалась независимо, четко определяла и не-навидела плохих (были и такие, к счастью, не в нашем отряде), отмечала трусливых, ее боящихся. Тех и других держала в страхе, то есть не позволяла приближаться к моим вещам или вообще не пускала в дом. Могла и укусить, поэтому я следила за ней и всегда в доме привязывала собаку в отданном углу на поводок.

Нас расположили в местной начальной школе. Школа эта типична для сельских мест: деревянная, с большими «итальянскими» окнами и, как обычно, расположенная метрах в 300—500 от окраинных домов. В центре здания вход с широким деревянным крыльцом. Входная дверь ведет в темный тамбур (видимо, тамбур для сохранения тепла), затем вторая дверь, за которой начинается широкий коридор, в который справа и слева открываются по две двери классов.

Однажды все наши ушли в тайгу: кто — на маршрут, кто — проверять ловушки. Остались только я и студентка Люда. Мне не повезло, дня за три до этого на маршруте я повредила колено и самостоятельно не могла вернуться в поселок. Пришлось посыпать

за лошадью. Поэтому пока я не могла ходить, пришлось заниматься только лабораторной работой. Помогала мне Люда.

Отправив всех в тайгу, мы с ней занялись делом. И вдруг — стук в дверь. У меня была привычка, чтобы не было любопытствующих непрошеных гостей, особенно когда многих нет, держать дверь на запоре. Я вышла на крыльцо. За мной Люда. На крыльце стояли два здоровенных заросших щетиной геолога в кирзовых сапогах. Стали разговаривать. Они захотели с нами познакомиться поближе... Один из них назвал другого начальником отряда и сказал, что с него была написана книга «Я шагаю по Саянам»... Заметив, что они оба, хотя и держатся на ногах крепко, но находятся в явном подпитии, я сказала, что мы очень заняты, поэтому знакомство придется отложить.

Но геологи не отступали, а, наоборот, начали надвигаться на нас. Нам пришлось потихоньку отступить за дверь, затем за вторую, надо отдать должное Люде, она стояла со мной плечом к плечу. Геологи наступали... Моя Рейма конечно же все слышала и, привязанная к дальней парте в нашем классе, неистовствовала.

Я стала лихорадочно соображать, что нам надо отступить до нашего класса, быстро юркнуть в него и накинуть дверной крючок. Косянувшись спиной двери, мы с Людой, не сговариваясь, так и сделали. Но крючок накинуть не успели. Товарищ начальника партии быстро просунул сапог в дверь, которую мы не смогли закрыть. Началась борьба. С той стороны здоровенный мужик, с этой — мы с Людой. Силы были явно неравными. Мои силы уже иссякли, я задыхалась, дверь начала поддаваться под давлением геолога.

В этот критический момент рыжий молнией мелькнула Рейма. Она в первый и последний раз в жизни перегрызла поводок, бросилась и вцепилась в коленку ноги, сдерживающей дверь. Нога дрогнула, инстинктивно отдернулась, и мы захлопнули дверь и накинули крючок. Геологи некоторое время держали дверь, стучали, но ушли. На следующий день они не приходили. Больше мы их не видели.

Не будь со мной маленькой рыжей лягушкой, вся моя жизнь могла пойти по другому руслу.

Сообразительность Реймы была поразительной. Она проявлялась и в ряде других случаев, к счастью не таких напряженных, как описанный выше. Мне даже иногда казалось, что это не просто собака, а какое-то мистическое существо. И взгляд ее был всегда особенный, заставлявший людей отводить глаза.

В 1961 г. мы не уехали в экспедицию, все лето провели в городе, а Рейма — на даче. Все очень соскучились по природе и с нетерпением ожидали открытия летне-осенней охоты «по перу». И вот она наступила.

Айна Г. Смирнова — отличная охотница

Накануне дня открытия мы поехали к другу, жившему в пригородном поселке у г. Калинина, у которого был отличный рабочий английский сеттер. Прихватили с собой и Рейму — немножко размять и потренировать по белке. Приехав, к радости своей встретили нашего общего друга из Кирова, тоже с превосходным английским сеттером. Значит, все в порядке, охота по дупелю нам обеспечена.

На следующее утро все вместе с двумя английскими сеттерами отправились в луга. Потные, мелкокочковатые выгоны начинались сразу за поселком, дальше они переходили в низину с зарастающими осокой карьерами. Хорошо походив и постреляв, усталые вернулись домой. Идти в лес с Реймой не было ни сил, ни особого желания. Так было и на второй день, а бедная рыжая собака все время томилась в сарае.

На третий день я восстала и потребовала идти с Реймой в лес, хотя и жаль было терять самую прекрасную охоту. Но договорились полюбовно: утром возьмем «легавое поле», а затем уходим в лес с Реймой. И вот пошли. Впереди то парой, то каждый сам по себе членчат и работают два великолепных «англичанина». За ними следуют и стреляют три страстных охотника, а сзади (я, конечно, без ружья), — чтобы, не дай господь, не помешать, — я с Реймой на поводке. Рейма внимательно следит за работой собак, рвется на поводке то вправо,

то влево, замирает при выстрелах и бросается вновь. Так проходили мы часа три или четыре, я взмолилась, так как Рейма отмотала все руки. Нам показали, куда идти к лесу, и мой спутник с тоской покинул луг с прекрасной дупелиной охотой.

С луга мы выбрались на сухую дорогу. Справа еще тянулся луг, а слева вдоль придорожной канавы — кусты, за которыми местами просвещивала зарастающая вырубка. Не прошли мы еще и с полкилометра, как Рейма прыжками рванула в кусты и оттуда вверх поднялся, видимо пристроившийся на обеденный отдых, выводок тетеревов. Дуплет свалил одного, а второй по косой книзу полетел через вырубку в лесок и скрылся там. Рейма бросилась к упавшему, прикусила, здесь подоспела я и забрала птицу, но собака уже умчалась в сторону улетевшего подбитого. За ней поспешили и мы. Рейма нагнала птицу на землю и прикусила ее. Нам оставалось только положить птицу в рюкзак.

Вскоре мы достигли невысокого соплячка. Там Рейма весьма быстро нашла одну белку, затем вторую, третью. Мы их немного погоняли, решили, что для тренировки вполне достаточно, и пошли к дому. Но, не зная точно дороги, попали в торфянную низину. Еще не успели дойти до ближайшего карьера, как Рейма бросилась в прибрежную осоку и подняла четыре кряквы. После дуплета упала одна утка. Рейма же бросилась не за ней, а

влево. Я не была уверена, что туда падала вторая, и вернула собаку к упавшей на воду и велела подать. Рейма поплыла, взяла утку и вынесла на берег. Тут я решила, что не зря же она уходила влево, и направила ее туда. Она пошарила в осоке и вернулась со второй кряквой.

Из низины мы вышли на ту потную луговину, где охотились с сеттерами утром. И тут Рейма показала на что она еще способна. Она пошла по лугу членком, правда не таким широким, как сеттер, но вполне осмысленным, потом вдруг причуяла, сделала пару высоких прыжков и подняла дупелья. Тут же дупель был отстрелян. Рейма спокойно подбежала, взяла птицу, принесла и бросила к сапогам хозяина. Мы пошли дальше, удивленные поведением собаки. Но она все повторила еще раз и еще. В результате сработала в манере спаниеля, но спокойнее трех дупелей. И вдруг после членочения, причував, встала. Спокойно подошли, она броском подняла бекаса. Бекас был взят. Удивленные, но очень довольные, мы пришли домой.

В это время на террасе мы застали типичную охотничью картину: на большом столе в рядок расположена добыча с легавыми — 14 дичин, больше дупелей, три-четыре бекаса, коростелек. Здесь же, размахивая хвостами, ходили довольные два английских сеттера, а их хозяева чистили ружья. Когда мы вошли, кировчанин с некоторой подковыркой спросил: «И какие ваши успехи?» Тут мой спутник открыл рюкзак и тоже в рядок выложил на стол двух тетеревов, двух крякв, трех дупелей и бекаса. Воцарилось молчание. Кировчанин подошел к столу, внимательно осмотрел дичь, потом нагнулся, приподнял край свешивающейся клеенки, посмотрел на скромно сидящую под столом рыжую лялечку и спросил: «И все это с ней?»

Через некоторое время в опытном питомнике лаек в г. Кирове появилась карело-финская лайка из Ленинграда, а затем начали и разводить этих собак.

Куплю хвосты белки, колонка и прочего пушного зверя в любом количестве.

**Форма оплаты любая
610000 Киров, а/я 84
Тел. (833) 238-50-61**

СОВЕТЫ КИНОЛОГА И ВЕТЕРИНАРА

Можно ли давать собаке кости?

Вареные кости — мертвый продукт. Пользы никакой, а кишечник забивается. Собака, которая получает много вареных костей, часто страдает желудочно-кишечными заболеваниями. На переваривание вареных костей уходит большое количество желудочного сока и других ферментов, «перерасход» которых приводит к нарушению желудочной секреции. Часто после передания вареных костей собака страдает вначале запором, а затем может начаться понос, часто появляется рвота непереваренной пищей.

Можно дать собаке раз в неделю сырую кость и следить, чтобы она ее лишь обгладала. Нельзя давать трубчатые птичьи кости. Они дробятся и острыми концами могут ранить стенки кишечника, а это приводит к серьезным последствиям.

Можно ли вылечить болезнь Ауэски?

Это так называемое кожное бешенство, которое вызывается вирусом. Болеют чаще всего грызуны, свиньи, но заболеванию подвержены и все сельскохозяйственные животные. Погадая грызунов, сырую свинину, павших или вынужденно забитых животных, заражаются собаки, лисы, песцы, енотовидные собаки, норки, кошки.

Некоторые владельцы собак берут со свиноферм павших поросят и скормливают их своим питомцам, которые вскоре гибнут. Заражение происходит и через подстилку, корма, воду.

Проявляется болезнь чрезвычайно сильным зудом, чаще вокруг губ и ушей. Собака визжит и лает, постоянно меняется тембр голоса. Погибает через 1–3 суток при полном параличе. Лечению болезнь не поддается.

Г. Зотова

ВНИМАНИЕ! ЦЕНЫ СНИЖЕНЫ!

Комплект альманаха «Охотничьи просторы» за 1997 год

Четыре книги по 256 страниц, в красочной обложке, большого формата, богато иллюстрированы рисунками, гравюрами и фотографиями.

**Цена 4-х книг, включая расходы по пересылке (кроме пересылки АВИАпочтой),
80.000 руб. (80 руб. в новом масштабе цен).**

Высылаем также отдельные номера альманаха:

2-94; 1,2-95 - цена 9.000 руб. (9 руб.) + расходы по пересылке.

1,2,3,4-1996 - цена 15.000 руб. (15 руб.) + расходы по пересылке.

1,2,3,4-1997 - цена 18.000 руб. (18 руб.) + расходы по пересылке.

Практическое приложение к альманаху «Охотничья библиотечка». Комплект 1997 г.

Двенадцать книг по 128 страниц, в красочной обложке, небольшого формата, иллюстрированы рисунками. Книги представляют собой сборник практической информации по способам охоты на многих зверей и птиц, содержат большое количество полезных советов по снаряжению, оружию, выживанию и т.д.

**Цена 12-ти книг, включая расходы по пересылке (кроме пересылки АВИАпочтой),
80.000 руб. (80 руб. в новом масштабе цен).**

ПОЛУГОДОВЫЕ КОМПЛЕКТЫ ЗА 1997 ГОД:

за первое полугодие 1997 г. № 1-6 цена 50.000 руб. (50 руб.) включая расходы по пересылке.
за второе полугодие 1997 г. № 7-12 цена 50.000 руб. (50 руб.) включая расходы по пересылке.

а также отдельные номера за 1996-97 гг. по 6.000 руб. (6 руб.) + расходы по пересылке.

Заявки направлять по адресу:

143900, Московская обл., г.Балашиха-9, а/я 96

ПОЧТОВАЯ ОТПРАВКА ТОЛЬКО В ПРЕДЕЛАХ РОССИИ

В ЗАЩИТУ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

От редакции

Уважаемые читатели, имеющие на руках современное охотничье оружие отечественного производства всех заводов

России, присылайте нам как положительные, так и отрицательные отзывы, касающиеся его эксплуатации. Это будет способствовать улучшению качества производящегося оружия, а ремонт и перен

возка недоброкачественных образцов должны осуществляться за счет заводов. Заводы так же должны платить за моральный ущерб в соответствии с Законом о защите прав потребителей.

Здравствуйте, уважаемый Михаил Михайлович!

Пишу вам впервые. Журнал наш выписываю с 1968 г. В охотобществе со-стою с 1971 г. При вступлении прибавил себе один год, получил билет в 17 лет. Сейчас мне 43 года. Восемь лет я проработал егерем в Пермской охот-инспекции, сейчас пятый год работаю егерем в арендном охотхозяйстве Час-тинского гослесхоза. Пишу вам по по-воду статьи в 6 номере за 1997 г. «Пусть нас рассудят охотники». Куда же смот-рит Задорнов? Это для него такой материал по поводу переписки ору-жейников Ижевска и Тулы с нашим журналом. Взять хотя бы такое высказывание: «Изготавливать ружья с пря-мыми стволами — значит удовлетворять эстетические требования охот-ников». Поставить бы автора этого высказывания против раненого секача, как бывало у меня, с ружьем с кривыми стволами, интересно, что бы он тогда сказал?

Есть у меня ружье ИЖ-27М выпуска 1994 г. № 9402861 со смещеными пат-ронниками относительно стволов, да так сильно, что с одной стороны стенка патронника и стенка ствola обра-зуют прямую линию. Ну это я сам ви-новат — проморгал при покупке. Есть ружье ИЖ-27М № 9455069 в экспортном исполнении. Верхний ствол на-столько загнут вверх, что при стрельбе по железному щиту с расстояния 15 м в точку прицеливания не попала ни одна дробина. Выбирал я из 15 ружей, остальные были еще хуже. Я изо всех зол выбрал меньшее. Пусть уж лучше кверху бьет, чем в стороны. При движении ершика по каналам стволов он идет как по наждачной бумаге. При осмотре стволов при помощи фона-рика на снарядных входах ясно про-сматриваются заусенцы по всей ок-ружности. При вставлении патрона в нижний ствол он свободно проходит в патронник, не задевая эжектор. Не-понятно, зачем убавили длину ложи у ИЖ-27М против ИЖ-27. Ружья стали совершенно неприкладистыми.

С уважением,

МУХИН Н. В.
Пермская обл., с. Пихтовка

22 декабря 1993 г. я купил ружье в магазине «Тигр» г. Красноярска. Дан-ные о ружье. Двухствольное, 12-го ка-либра, ИЖ-43, вес 3250 грамм. Диа-метр ствola при выходе: правого —

18 мм, левого — 17,5. Толщина стенок стволов при выходе: правого — 1,8 мм, левого — 2 мм. В казенной части право-го и левого — по 4,2 мм (ИЖ-43 № 9323086 выпуск 29.10.93).

Мои беды:

Дома, рассмотрев под лупу, обна-ружил: цевье имеет трещину вдоль 3,5 см; имеются участки без сплошного припоя стволов к планке. Когда про-верил в лесу бойки, то в обоих ствалах 100 % осечки, хотя капсюля из желто-го металла и центробой. Понес это ружье в магазин «Тигр» на обмен. Его не обменяли, но взяли на гарантий-ный ремонт. Дней через 30—40 я его забрал. Ничего в нем не изменилось, даже не убрали «осечки». Я написал в г. Ижевск 426063, Промышленная, 8, С. П. Иванову. Вскоре ружье не стало закрываться и открываться, если не нажмешь на спусковые крючки. Снова я понес это ружье в магазин «Тигр» с просьбой убрать «осечки» и сделать, чтобы оно открывалось, как ему полу-жено, без спуска бойков. Дней через 30—40 я сумел его забрать из ремонта. Теперь вроде открывается, но в правом ствole «заедает» папковую гильзу и ружье не закроишь. Нужно крутить гильзу в ствole, пока не под-берешь нужный угол вхождения. Уже было несколько случаев, когда стре-ляная гильза в правом ствole не вы-таскивалась, а оказывалась между стволом и выбрасывателем.

С этим ружьем за 2 года гарантий-ного ремонта я был в магазине «Тигр» 5 раз. Написал в г. Ижевск начальнику б/р ружейного производства С. П. Ива-нову 4 письма.

Мои требования:

Завод выпустил брак, и завод дол-жен мне заменить или отремонтиро-вать это ружье. Магазин «Тигр» обме-нять ружье или цевье отказался и ад-ресовал меня на завод-изготовитель. С. П. Иванов дал мне следующие от-веты: «Для пересылки цевье следует укупорить в жесткую тару», «Если Вам выявлен непропал соединитель-ных планок, ружье без приклада в жесткой таре можете выслать на зав-од для технического осмотра». Он обвиняет Муромский завод за плохие капсюля и говорит, что усилия боевых пружин ИЖ-43 рассчитаны на воспла-менение латунных капсюлей. «Согласно Закону о защите прав потребителя, ружье можете возвратить по месту приобретения, или по Вашему желанию магазин обязан заменить на другое ружье». Письмо-ответ № 83/р

от 17.01.94 г. и № 1650/Р от 16.01.96 г. (Два письма затерялись при повтор-ной переписке с Ивановым.) В мага-зине «Тигр» к рекомендации С. П. Ива-нова о замене мне ружья отнеслись без понимания: это письмо для мага-зина не указ. И так прошло 2 года и ушло время гарантийного ремонта. А я имею то, что имею: брак завода, а не ружье.

После того как прошел срок гарант-ийного ремонта, я написал С. П. Ива-нову просьбу выслать на мой адрес наложенным платежом следующие де-тали к ИЖ-43:

бойки необходимого качества
цевье (дерево)
выбрасыватель.

И получил отказ. Иванов сослался на запрет о пересылке ружья по почте. Я тоже в свое время ходил на почту по совету Иванова и хотел почтой отправить Иванову цевье и стволы, но почта меня «отфутболила». Тогда я написал С. П. Иванову еще одно пись-мо и сообщил ему: «... Моя жена родом из Ижевска. У нее в Ижевске живет сестра. Я высыпаю нашу перепис-ку с Вами сестре моей жены, она едет на завод и получит детали к моему ружью ИЖ-43». Дал телефон С. П. Ива-нова. Когда сестра моей жены позво-нила Иванову, то ей сказали, что де-тали завод продает на общих основа-ниях по ценам торгующих магазинов. Теперь я купил цевье в г. Краснояр-ске, но выбрасывателя и бойков у меня нет. Нет и доверия лично к С. П. Ива-нову и заводу-изготовителю. Разве Иванов не знал, что на почте у меня ружье не возьмут, разве он не мог через фирменный магазин «Тигр» за-брать на ремонт мое ружье или заме-нить его? Магазин «Тигр» — фирм-менный магазин от завода-изготовителя. Они просто протянули время гарант-ийного ремонта и всучили мне брак на вечное пользование.

Охотник из Красноярска
Н. И. ВАСИЛЬЕВ

Прочитав в журнале «Охота и охотов-ничье хозяйство» № 6 за 1997 г. статью «Пусть охотники нас рассудят», решил написать Вам, т. к. в вашем лице вижу своего защитника.

О своем ружье я скажу не совсем техническим языком и не так, как того хотелось бы товарищу Иванову С. П., начальнику бюро рекламаций ружей-

В ЗАЩИТУ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

нного производства Ижевского механического завода.

Ружейной охотой занимаюсь 24 года. За это время у меня было много ружей как отечественного, так и иностранного производства. Мне очень нравились ижевские ружья. С ними я много охотился в дальневосточной тайге, на БАМе, в Амурской области. Это были ружья отменного качества, обладавшие великолепным боем и безотказно работавшие в тяжелых климатических условиях.

Зимой 1995 года в Москве, в магазине на улице Баррикадной купил ружье ИЖ-81 № 9533715. Ружье мне очень понравилось надежностью работы механизмов, простотой изготовления, боем и техническими решениями. Но, сделав из него не более 200 выстрелов, заметил кольцеобразные вздутия ствола в районе припайки крюка, которым ствол крепится к трубчатому магазину. С каждым выстрелом их количество увеличивалось, и после весенних охоты вздутия уже имелись на расстоянии 10 см от места припайки к казенной части ствола и 10 см к дульному срезу. Скажу сразу, что применял обычные заряды: полиэтиленовую гильзу, жевело, 2,2 г порох «Сокол» и 32 г дробь № 4 (т. к. охотился по пернатой дичи в Приморском крае), войлоковые пыжи. Выстрелы абсолютно все были ровными и постоянными. И еще, после нескольких десятков выстрелов открылся трубчатый магазин, а также ослабился ствол в месте резьбового соединения ствола с муфтой. При вывертывании ствола из муфты было видно, что резьба на стволе не очень четкая и не имеет острых граней, как будто бы по ней прошли резцом на токарном станке. Что делать со стволом, я не знаю. Если можно, чтобы завод-изготовитель заменил ствол, напишите, пожалуйста, куда обращаться с данной просьбой.

С уважением.

П. Г. ДОБРИДЕНЬ

В журнале «Охота и охотничье хозяйство» № 6 за 1997 г. опубликовано письмо начальника бюро рекламаций ружейного производства Ижевского механического завода г-на Иванова. Хочу поделиться с читателями своим скромным опытом эксплуатации ижевских ружей.

В сентябре 1996 г. я получил лицензию на покупку нарезного оружия и, находясь под впечатлением статьи в МОГ № 25 за 1996 г., приобрел ружье ИЖ-94 № 96M2789 с нарезным стволом под патрон 7,62x53. Следует сказать, что этот шаг по покупке ружья Ижевского механического завода дался мне с трудом. Три года назад я купил штуч-

ное ИЖ-43 № 62461, в котором после 50 выстрелов началось отслоение хрома кольцами. Пролежав на заводе по гарантии полгода, оно вернулось неотремонтированным, с основным дефектом без каких-либо комментариев. Телефонный разговор с г-ном Ивановым ничего не дал, свое обещание — отремонтировать ружье — г-н Иванов не выполнил.

Внешне ружье ИЖ-94 выглядело неплохо, за исключением небольшого скола на правой щеке приклада. Попытка пристрелки показала следующее: первый и второй выстрелы дали осечку, и далее, в лучшем случае, стрелял каждый второй патрон. Замена патронов ничего не дала. Кроме того, стреляная гильза выталкивалась из патронника со скрипом, поскольку патронник, как потом выяснилось, имел бочкообразную форму. Остаточная деформация на гильзе составляла 0,2 мм. Ружье по гарантии через магазин было отправлено на завод. Учитывая печальный опыт общения с г-ном Ивановым, я по телефону связался с заводскими технологами. От них я получил следующую информацию: причина осечки — в слабой боевой пружине и задевании курка за внутренние части дерева. Точность изготовления патронника не контролируется по всей его длине, а посему он соответствует нормативно-технической документации. Официальный ответ г-на Иванова гласит: «Ружье подвергнуто неквалифицированной разборке-сборке при эксплуатации, боек нарезного ствола имеет наклеп вследствие применения патронов с капсюлями повышенной жесткости, размеры патронника соответствуют требованиям конструкторской документации, претензия заводом не принимается». Увы, обычная отписка. Колибо ответа я прилагаю к письму. От этого ружья я отказался, в магазине мне предложили взять любое из трех имеющихся ружей, но под патрон 7,62x39. Внешний их осмотр показал: в первом ружье — выхваты металла в гладком стволе, во втором ружье — расходящаяся щель между цевьем и ствольной коробкой, у третьего — отвалилась мушка при осмотре. Естественно, ни одно из этих ружей я не взял.

Читатель может подумать, что я излишне придираюсь к ижевским ружьям. Хочу сказать, что это не так. Намучившись со штучным ИЖ-43, я купил комиссионное, рядовое ИЖ-54 № Е-1835 1957 года выпуска (сверловка — 18,5 мм). Предыдущий хозяин ружье не сильно жаловал, в стволах нагар, ложа поцарапана. После косметического ремонта ложи и чистки стволов ружье стало выглядеть как новое. Сверловка стволов и хромирование не имели никаких изъянов.

Скромная гравировка рядового ИЖ-54 смотрится значительно лучше штамповки штучного ИЖ-43. Красивая пистолетная ложа не идет ни в какое сравнение с «лопатообразным» стилем современного ИЖ-43. Следует также добавить, что мощные пластинчатые боевые пружины ИЖ-54 после 40 лет эксплуатации легко разбивают все типы капсюлей, включая биметаллические муромские. Точность подгонки всех частей и чистота обработки наружной поверхности стволов рядового ружья делаются честь современным ружьям в подарочном исполнении. Ружье имеет ровную ость и резкий бой. Другими словами, поставив рядом ИЖ-54 и современное ИЖ-43, можно с гордостью констатировать, какой значительный путь деградации прошел Ижевский механический завод с 1957 по 1997 год.

Эту аналогию я хочу продолжить еще на двух ружьях, имевшихся у меня, — ИЖ-49 № Г16430 1952 года выпуска и ИЖ-27 № 01837 (сверловка 18,2 мм). Ружье ИЖ-49 попало ко мне в плохом состоянии, с большими раковинами в стволах, а ИЖ-27 — новое, штучное, внешне неплохо изготовленное. Самым существенным отличием у них был бой. После выстрела из ИЖ-49 дичь падала тряпочкой и без кровинки. Из ИЖ-27 — что ни выстрел, то подранок, крови много, а толку мало. Чего я только ни делал, какие только варианты снаряжения патронов ни пробовал, но так и не добился приемлемых результатов.

Одной из причин ухудшения качества продукции, на мой взгляд, является политика бюро рекламаций — любыми способами уйти от ответственности за качество продукции вместо детального анализа и устранения недостатков и брака. Начальником бюро рекламаций рассылаются письма в торгующие организации, поясняющие, почему ИЖ-27 дает осечки, с той целью, чтобы магазины помогли заводу остановить вал претензий от негодующих охотников. При такой порочной практике выживать заводу будет все труднее и труднее. Ну а на счет нормальных, цивилизованных отношений с потребителями, про которые пишет г-н Иванов, могу сказать только одно: побойтесь Бога, господин Иванов! Ружье ИЖ-94 № 96M2789, которое вы пытаетесь всучить потребителю, может принести ему на охоте по зверю крупные неприятности.

С. Д. ЛОСЕВ,
г. Новгород

ОХОТНИЧЬИ ПАТРОНЫ С АЛТАЯ

А. КУЗНЕЦОВ

В настоящее время на Алтае в г. Барнауле станкостроительный завод стал изготавливать патроны с учетом тех разнообразных требований, которые предъявляются к охотникам, добывающим различных по величине животных на разных расстояниях.

Для стрельбы из гладкоствольного оружия завод выпускает охотничий патроны 12, 20 и 410 калибров со стальными оцинкованными или лакированными гильзами. Длина гильз 12 и 410 калибров равна 70 мм, патроны 20 калибра имеют гильзы длиной 70 и 76 мм. Дробовые патроны снаряжаются дробью от № 6 до 4/0, то есть пригодны для отстрела всех видов животных, по которым рекомендуется стрелять дробью. Дробь удерживается в гильзе специальным пластмассовым пыжом. Скорость дроби в патронах 12 калибра равна 315 м/с, а в патронах 20 калибра — 300 м/с.

Патроны 410 калибра развивают скорость дроби, равную 270 м/с, и имеют давления (среднее максимальное давление пороховых газов), не превышающие 918 кгс/см². Такие же давления развивают патроны 20 калибра с гильзой длиной 76 мм. Патроны 20 калибра с гильзой длиной 70 мм имеют давления не более 734 кгс/см², а патроны 12 калибра — 663 кгс/см². То есть давления всех патронов находятся в пределах допустимых норм.

ОХОТНИЧЬИ ПАТРОНЫ ДЛЯ НАРЕЗНОГО ОРУЖИЯ КАЛИБРА 7,62 ММ

Наименование патрона	Калибр, мм	Длина патрона, мм	Тип пули	Вес пули, г	Скорость пули, м/с	Максимальное среднее давление, кгс/см ² (не более)	Рассеивание пуль (см) на дальностях (м) (не более)		Примечание
							100	200	
Охотничий 7,62x39-8-0	7,62	56	оболочечная	8,0	710	2800	10	-	1. Гильза стальная, лакированная у всех патронов 2. Патроны 7,62x51 предназначены для стрельбы из магазинного карабина «Лось-7»
Охотничий 7,62x39-8,1	7,62	56	полуоболочечная	8,1	710	2800	10	-	
Охотничий модернизированный 7,62x51-9,4М-0	7,62	71,12	оболочечная	9,4	820	3100	8	-	
Охотничий модернизированный 7,62x51-9,1М	7,62	68	полуоболочечная	9,1	820	3100	8	-	
Спортивно-охотничий модернизированный 7,62x51М «Супер»	7,62	71,12	пустотелая головная часть	10	820	3100	-	4,5	
Охотничий 7,62x54R	7,62	77,16	оболочечная	12	735	2900	10	-	
Охотничий 7,62x54R	7,62	76	полуоболочечная	13,2	690	2900	10		
Спортивно-охотничий 7,62x54R «Супер»	7,62	77,16	с пустотелой головной частью	11,9	735	2900	-	4,5	

При стрельбе на дальность 35 м в круг диаметром 75 см патроны 12 калибра с весом дроби 30—34 г укладываются не менее 50 % дробинок, имеющихся в снаряде. Такая же кучность и у патронов 20 калибра (вес дроби 23—25 г) с гильзами длиной 70 и 76 мм. Патроны 410 калибра (вес дроби 16—19 г) при стрельбе на 35 м имеют кучность боя, равную 30 %, что очень неплохо. За рубежом эти патроны испытывают в основном на 25 м. Этот патрон призван восполнить дефицит, который необходимо устранить, так как на отечественном рынке появились разнообразные модели оружия под этот патрон как отечественного, так и зарубежного производства. Особенно разнообразен ассортимент пулевых патронов 410 калибра. Завод изготавливает патроны с пулями весом 6,3 г (скорость 470 м/с), 7,5 г (скорость 450 м/с) и 10 г (скорость 400 м/с). Поперечник рассеивания пуль при стрельбе на 35 м равен 20 см у пуль весом 7,5 и 10 г, а более легкие пули дают разброс, равный 30 см.

Патроны 20 калибра снаряжаются пулями весом 12 г. У патронов с гиль-

зой длиной 76 мм скорость пули равна 420 м/с, а в патронах с 70-мм гильзой скорость равна 400 м/с. Поперечник рассеивания пуль при стрельбе на 35 м не превышает 20 см.

Необычен пулевой патрон 12 калибра, который имеет пулю весом всего в 15 г при скорости 400 м/с и поперечнике рассеивания 30 см, при стрельбе на дистанцию 35 м. Этот патрон предполагается использовать по таким животным, как косуля или волк, при стрельбе не далее 35 м.

Все патроны капсулируются «центробоями», которые разбиваются даже с очень слабой боевой пружиной и поэтому не дают осечек даже в очень старых образцах оружия.

Для нарезного охотничьего оружия будет начат выпуск трех типов патронов под малокалиберное оружие. Это патроны 5,45x39 с оболочечной пулей весом 3,85 г и начальной скоростью 840 м/с (предназначен только для экспорта); 5,56x45 (аналог американского патрона .223 Ремингтон) с оболочечной и полуоболочечной пулями весом 3,7 г и начальной скоростью 900 м/с. При стрельбе этими патронами на дальность 100 м поперечник рассеивания не превышает 8 см. Эти патроны будут применяться в карабине СОК-97.

Для нарезных карабинов калибра 7,62 мм будет изготавливаться довольно большая номенклатура охотничьих патронов с оболочечными и полуоболочечными пулями. Характеристики этих патронов представлены в таблице.

Самый мощный в России патрон 9,3x64 для нарезного оружия наш завод начнет изготавливать в апреле 1998 г. Этот патрон будет иметь оболочечную пулю весом 17,4 г с начальной скоростью 710 м/с и максимальным средним давлением пороховых газов 3875 кгс/см².

Таким образом, номенклатура выпускающихся на Алтае патронов сможет, видимо, удовлетворить потребности российских охотников.

142097, Московская обл.,
Подольский р-н,
дер. Кресты, п/о Рогово,
70 км Калужского шоссе.
Тел./факс: (095) 747-80-96

Фуртекс
ПРОДАЕМ
ПЛЕМЕННОЙ
МОЛОДНЯК
НУТРИИ

- ПУШНО-МЕХОВОЕ СЫРЬЕ И ПОЛУФАБРИКАТ,
МЕХОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ (НОРКА, ПЕСЕЦ, НУТРИЯ)
■ ВИТАМИННЫЙ ПРЕМИКС "Фуртекс"

Охотники, заготовители, предприниматели!

610004, г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23
Факс: (8332) 62-29-57 Телетайп: 172339 «Карат»
Контактные телефоны: (8332) 62-94-27 или 69-03-22

НА БОЛЬШАКЕ ОХОТНИЧЬЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ХХ ВЕК

Вадим ЧЕРНЫШЕВ

Близится конец ХХ века — самого бурного и самого трагичного в истории человечества. Его по праву можно назвать веком России, веком Советского Союза. Происходившие в течение всего столетия события в нашей стране вызывали широчайший резонанс во всем мире и в значительной степени определяли политику большинства государств, а во многих из них — и социально-общественное их устройство. Быстрый рост российской промышленности в начале века, удививший мир процентами ее ежегодного прироста, поражение в русско-японской войне, победы и неудачи в первой мировой войне, три революции, потрясшие Россию в течение 12 лет, падение монархии и гражданская война, хозяйственная разруха, повергшая страну «во тьму», недолгого времени «новая экономическая политика», внутрипартийная фракционная борьба и массовые репрессии, коллективизация сельского хозяйства, стремительная индустриализация Советского Союза — это и многое другое постоянно привлекало внимание зарубежных политиков, служило предметом их тщательного анализа, заставлявшего сверять свои действия с процессами, происходившими в нашей стране.

Менее чем через 24 года после революции в октябре 1917 года Советский Союз был втянут во вторую мировую войну, Отечественную для населявших его народов, самую кровопролитную и разрушительную из всех войн, пережитых людьми на Земле.

Социалистическая экономика, социалистический способ производства проявили свои поистине неисчерпаемые возможности, позволившие срочно эвакуировать с захваченной немцами территории более полутора тысяч предприятий и в считанные месяцы добиться выпуска вооружения лучшего качества и в большем количестве, чем в Германии и в оккупированных ею странах Европы, работавших на гитлеровскую армию.

Жесткий режим централизованной власти в Советском Союзе, способный собрать волю народов в единый кулак и направить ее на борьбу, сделал то, что было не под силу ни одной из стран Европы: при содействии союзников, открывших второй фронт меньше чем за год до Победы, он сокрушил железную гитлеровскую военную машину. Это стоило народам Советского Союза, в первую очередь русскому народу, великих

жертв, но их могло быть неизмеримо больше, если бы к власти пришли фашисты, уничтожавшие людей миллионами по одному лишь национальному признаку, намечавшие сровнять с землей такие культурные центры, как Москва и Ленинград.

Восстановив в кратчайшие сроки разрушенное войной народное хозяйство, выйдя на второе место в мире по объему производства, Советский Союз через шестнадцать лет после окончания войны вновь поразил мир, впервые в истории осуществив полет в космос русского лётчика Юрия Гагарина...

Краткая статья об охотничьей литературе, конечно же, не претендует на какой-то анализ исторических процессов уходящего столетия — этому, несомненно, на рубеже веков будет посвящено неисчислимое множество публикаций специалистов-обозревателей, политиков, общественных деятелей, которые скроют свои перья в спорах о значении того, что произошло в ХХ веке, о роли личностей, влиявших на ход истории и судьбы миллионов людей. Но поскольку речь заходит о пути этой литературы длиной в сто лет — как не вспомнить хотя бы некоторые из тех важнейших событий, которые не могли не сказаться на ее характере и на судьбах ее авторов? Можно ли умолчать, к примеру, что именно в ХХ веке было создано и варварски опробовано Соединенными Штатами на безвинном населении Хиросимы и Нагасаки атомное оружие, что это, как и страшная катастрофа в Чернобыле, отразилось на мировоззрении всего живущего на Земле человечества, ощущившего хрупкость своего существования перед нависшей над ним ядерной угрозой?

В ХХ веке наша Отчизна заслужила всемирную славу великих побед в жесточайшей из войн, в освоении космоса, но ей же довелось пережить и великую трагедию неправданного распада могучей державы, осуществленного вопреки воле ее народов, позор превращения в полуколониальную криминальную страну, удивляющую мир баснословно склонившим обогащением кучки прохвостов за счет узаконенного ограбления государства и обнищания народа. И это все тоже не могло не отразиться на укладе жизни, на морали и взглядах людей, вовлеченных в ход происходящих в стране пертурбаций или хотя бы ставших их свидетелями.

Но наряду с происходившими в стране политическими и общественными потрясениями, а чаще всего независимо от них, вершилось в России извечное: менялись времена года, вскрывались по весне ото льда воды, прилетали с юга птицы, жили на своей земле люди, обрабатывали ее и растили хлеб, рождали детей, воспитывали в них полученные в наследство от предков понятия о нравственности и чести, мечтали о лучшей доле...

Неискоренима в русском человеке вера в справедливость, в возможность построения общества по «правде и совести». В истории России этим не раз пользовались и пользуются политические авантюристы и проходимцы, увлекавшие народ призывами следовать за ними по пути к «светлому будущему». Только — приносило ли это людям счастье?

Счастье — понятие духовное, категория философская. В основе его лежит любовь. И если обнаружится обман — достигнутое, как, казалось бы, счастье оборачивается в конце концов разочарованием...

Самая прочная и надежная, самая естественная и непрятательная любовь — к родной земле, ее природе, к своей стране. Может ли быть по-настоящему счастлив тот, кто лишен этого чувства? Никакой достаток в доме, никакая короткая радость от приобретения дорогой вещи не заменят этой любви. Она скромна, целомудрена, стесняется заявить о себе вслух, и, может быть, эта ее застенчивость и кажущаяся незащищенность позволяют тем, кто считает себя «гражданами земного шара», во всеуслышание объявлять чувство патриотизма «атавистическим», «кошачьим инстинктом».

Что ж, им можно лишь посоветовать — ведь блажен не тот, кого любят, а тот, кто наделен этим чувством. Без близости и верности непреходящим ценностям, без любви к родной земле едва ли возможна благополучная во всех отношениях, тем более — счастливая жизнь. Если деятельность человека не одухотворена такими чувствами — вряд ли она будет плодоносна и полезна соотечественникам, чем бы он ни занимался.

Смею утверждать, что к людям, наделенным истинной любовью к природе, к своей Отчизне, относится многочисленная семья русских охотников. Еще Петр Михайлович Мачеварианов, автор «За-

писок псового охотника Симбирской губернии», писал в 1876 году:

«Привязанность охотника к родине беэграницна. С какой любовью смотрит он на свои поля, луга, рощи и вообще на окружающую местность...»

К сожалению, такую «привязанность» испытывают не все. Те, что стали членами охотничьего общества единственно для того, чтобы отвлечься от изнурительных служебных обязанностей, от домашней рутины, чтобы получить спортивную нагрузку и провести за городом время в приятной обстановке и симпатичной им компании, на пикнике со стрельбой, лишены этого чувства.

Русская охота — не спорт, не развлечение. Это — образ жизни, форма состояния духа. Её духовное наполнение — любовь к природе, к родине, поэтическое восприятие красоты своей земли. Только такая охота способна принести истинное счастье. Оно может рождаться на охоте лишь в родных краях. Этим русская охота разительно отличается от зарубежной, европейской, где охотники, не имея возможности утолить свою охотничью страсть в перенаселенной урбанизированной стране, уезжают стрелять животных в Африку, Южную Америку, в Индию... А теперь — и в Россию, распредающую за доллары свои национальные охотничьи богатства.

В жизни и повадках зверей и птиц ничего не изменилось. Всё так же токуют глухари и тетерева, мышуют лисы, путают свои следы, делают «двойки» и сметки зайцы, в те же сроки залегают на зиму в берлоги медведи. Не должна меняться по существу своёму и охота. Все изменения в ней могут идти лишь в одном направлении: она должна становиться все более дисциплинированной и беэржливой, все более «образованной», опирающейся на рекомендации науки, все более этичной и интеллигентной, все более духовной. В этом её моральное право на дальнейшее существование в мире людей, все более тесно насыляю-

щих Землю и обретающих поистине безграничные технические возможности. Совершенные технические средства могут быть использованы нравственными ублюдками и хапугами для невиданных, изощренных форм браконьерства — главной опасности для существования охоты.

Несмотря на свою относительную консервативность, русская охота, как и все в нашем обществе, все-таки менялась. К концу прошлого века псовая охота уступила в основном место ружейной с гончими и легавыми. Шумные отъезжие поля с их колоритным антуражем и вечерними песенными застольями сменились уединенным полеванием с ружьем и собакой, молодецкая удача бешеною травли — более тихим поэтическим созерцанием природы и самой охоты.

Менялся и характер охотничьей литературы. Описательная, представленная в основном беллетристованными документальными очерками и разного рода «записками» с методическим уклоном, она в XX столетии значительно пополнилась чисто художественными жанрами, рассказами и повестями с профессионально выстроенным — в литературном отношении — сюжетными линиями и портретами героев; к охотничьей тематике обратились многие маститые авторы, которых никак не назовешь только охотничими писателями: Куприн, Пришвин, Соколов-Микитов, Пермитин, Новиков-Прибой, Пантелеимон Романов, Низовой, Чапыгин, Перегудов, Бианки, Олег Волков, Юрий Казаков, Георгий Семёнов...

Лучшая русская охотничья беллетристика отличается непогрешимой достоверностью. В этом она смыкается с художественно-популярными очерками специалистов-натуралистов, написанными на высоком литературном уровне: А. Н. Формозова, С. И. Огнева, Е. П. Спангенберга, С. М. Успенского... С одинаковым успехом может быть отнесена как к беллетристике, так и к жанру делового очерка превосходная проза зна-

тока многих видов русской охоты Н. А. Зворыкина.

Любовь к природе, выраженная словом, охотничья литература неотделима от науки об охоте, охотоведения — от любви к природе, к охотничьей фауне, выраженной делом. Уделяя все большее внимание экологии, вопросам природопользования, литература не могла не отметить успехи биологов-охотников, добившихся в XX веке резкого увеличения числа заповедников и заказников, многократного умножения поголовья лосей и пятнистых оленей, зубров, кабанов и сайгаков, соболей и бобров, широкого расселения по Советскому Союзу ондатры... Все эти достижения лежат в русле нравственных устремлений художественной охотничьей литературы, считающей бережное отношение к природе главнейшим проявлением подлинной культуры нации.

Русская охотничья литература XX века — духовный наставник не только тех, кто так или иначе связан с охотой, с организацией охотничьего хозяйства и охраной природы. Сфера ее влияния значительно шире. Она дорога всем, кто интересуется живой природой России, русской охотой как национальной чертой нашего общества, кому дороги утверждаемые ею ценности: любовь к родной земле, к её природе, любовь к Отечеству. Именно это является сущностью литературы, главным её направлением, которому отдали свой талант многие писатели-охотники, работавшие в XX веке. По-разному отразились на их судьбах события века, различны их литературные дарования, но всех их объединила охота. Их творческие пути сошлись на большаке охотничьей художественной литературы.

Наш журнал предполагает начать подводить отдельные итоги уходящего века. Представляется интересным и полезным опубликовать в ряде номеров краткие очерки жизни и творчества некоторых писателей-охотников, а также характерные для их пера произведения.

Михаил Михайлович ПРИШВИН

Всякое чудо, всякое волшебство хочется увидеть своими глазами.

Помню, когда подростком я начинал охотиться, мне очень хотелось повидать Михаила Михайловича Пришвина. Не поговорить и уж никак не навязываться в знакомство — лишь поглядеть со стороны, как на чудо, — а он представлялся мне именно таким с его замечательными рассказами о природе, собаках, об охоте, которой я отдавался тогда особенно горячо и страстно.

Теперь я понимаю, что ничего бы сверхординарного не произошло, если бы действительно представ перед известным писателем. Можно допустить мысль, что он, возможно, испытал бы даже кое-какое удовлетворение от

МИХАИЛ ПРИШВИН

признаний поклонника, деревенского мальчишки-охотника, но тогда сама мысль поглядеть на него казалась мне бес tactной и несбыточной. Собственно, так оно и вышло: мне не удалось повидать Михаила Михайловича.

Но писатель Пришвин сыграл в моей охотничьей судьбе — как, должно быть, в жизни тысяч других охотников — очень большую роль. Под его влиянием я довольно рано задумался над философской стороной такого увлечения, как охота, вызывающего неприятие, а то и осуждение многих далёких от природы людей, старался разобраться в странном единении противоречий, всегда живших в моей душе: почему я, ссымальства жалевший животных, стараясь выходить выпавших из гнезда птенцов, глубоко страдавший, когда это не удавалось, был так счастлив от удачного выстрела на охоте? Почему мои друзья-охотники, вовсе не жестокие люди, многие

из которых не могли бы зарубить на лапшу петушка, так радуются, добыв утку или зайца? Проохотившись более полувека, я, признаюсь, до сих пор не могу этого объяснить. К этому вопросу часто возвращался в своем творчестве Пришвин, но, думается, до конца не разрешил его тоже. Он считал, что охотники «бывают только из особенных людей», которыми «надо родиться и непременно быть посвященными этому занятию с детства».

Однако сам Пришвин начал охотиться поздно. Родившись в 1873 году в имении Хрущево Елецкого уезда Орловской губернии, он лишь в 1906 году, отправившись на русский север «для собирания этнографического материала», испытал настоящее охотничье счастье: «В глазах у меня осталась вспышка зеленого света лесов при этом первом выстреле в поднявшегося из лесной заросли глухаря. Я убил его и навсегда стал свободным человеком, что-то вдруг понял». Так писал он позднее в «рассказе из своей жизни» «Охота за счастьем». До этого были елецкая гимназия и реальное училище в Тюмени, химико-агрономическое отделение в Рижском политехническом, приобщение к революционной политике, перевод с немецкого книг «Анти-Дюринг» Энгельса и «Женщина и социализм» Бебеля, Митавская тюрьма и ссылка под надзор полиции в Елец, агрономическое отделение Лейпцигского университета, работа агрономом, брошюра о картофеле, журналистская работа в петербургских газетах «Русские ведомости», «Речь», «Утро России» и других... Выстрел по глухарю от всего этого освободил. Для Пришвина началась новая жизнь. Ему было уже за тридцать, но он сохранил в себе ребенка и оказался «посвященным» охоте в детстве этой новой жизни.

Северный фольклор, образная речь свободных людей выгозерцев, никогда не знавших крепостного права и барщины, укрепили в нем интерес и любовь к родному слову, тоску по которому он испытывал в Германии. Из путешествия по северу он привез рукопись «очерков Выговского края». Ему посоветовали показать ее Девриену, швейцарцу по происхождению, оставившему впоследствии в России добрый след своей издательско-просветительской деятельностью. Издатель очерки понравились. Пришвин вспоминал, как Девриен, собрав за чайным столом домочадцев, слушал чтение автором рукописи и особенно удивился местах аплодировал, заставляя делать то же домашних. Очень скоро, в 1907 году вышла первая книжка Пришвина «В краю непуганых птиц». Так Пришвин стал писателем. Успех первой книги окрылил его. В этом же году он опять уехал на Север. Результатом поездки стала новая книжка «За волшебным колобком», богато изданная в 1908 году тем же Девриеном.

Пришвину открылась та скрытая,

Портрет М. Пришвина работы О. Верейского

неявная, но несомненно существующая корневая связь любви к природе и любви к слову — недаром язык большинства русских писателей, близких природе и знавших ее, отличается особым «ладом» и чувством меры. Ключом к познанию этой глубинной связи, к определению своего места в окружающем мире и своего к нему отношения стала для Пришвина охота. В охотничьих путешествиях утвердился характерный пришвинский творческий принцип — «родственное внимание» к изображаемому: к природе, людям, к явлениям жизни. Он старался изображать действительность, ничего не «выдумывая из себя». «По природе я не литератор, а живописец,— признавался Михаил Михайлович,— я работаю по натуре, и если дерево стоит направо, а я напишу налево, то рисунок мне обыкновенно не удастся». Пришвинское «поразительное уменье создавать словами лицо его земли, живой образ его страны» отмечал Горький, восторженно приветствовавший появление в России нового самобытного писателя.

Такой характер дарования нуждался в движении, в свежих впечатлениях. И Пришвин много путешествовал. Как корреспондент газеты «Русские ведомости» он в 1909 году искалесил заильтышиевые степи, откуда привез великолепный очерк-поэму «Черный араб», в 1913 году побывал в Крыму. В первой мировой войне он участвовал как сапер и военный корреспондент.

Встретив в Петрограде Октябрь, в начале 1918 года уехал на родину в Хрущево, получил на общих основаниях надел земли, крестьянствовал, но летом 1920 года как бывший владелец имения получил «выдворительную» и был вынужден уехать на родину жены в Дорогобужский уезд Смоленской губернии. Там он учительствовал, принимал участие в организации музея в Дорогобуже, охотился, вел дневники и продолжал литературную работу. Он уже получил признание как писатель — в 1912 году издательство

«Знание» выпустило его собрание сочинений в 3-х томах.

Начиная с 1922 года Пришвина живут в Подмосковье: в Талдомском районе, в Переславле-Залесском, Загорске, под Бронницами, в деревне Усолье Переславского района — позднее, во время Отечественной войны, они провели в ней годы эвакуации. Пришвин много работал, целиком отдаваясь литературному труду. Его жена Евросинья Павловна, смоленская крестьянка, на которой он женился еще в 1903 году, все хозяйственные заботы по дому брала на себя; подрастали два сына, Лев и Петр, оба страстные охотники, не лишенные к тому же способности держать в руках перо — оба они оставили интересные воспоминания об отце, о семье. Болевший энцефалитом Лев Михайлович сравнительно рано умер, а Петр Михайлович долгое время был директором Заболотского военно-охотничье-го хозяйства, его знали очень многие московские охотники...

По командировкам редакций Пришвин в 30-е годы совершил ряд поездок на Урал, на Дальний Восток, в Архангельскую и Вологодскую области, в Кабардую, в края «деда Мазая» под Кострому, но основной его творческой лабораторией оставались леса Подмосковья. С рассветом поднявшись, вооружившись двусторонней, фотоаппаратом и блокнотом, он уходил в лес и возвращался к завтраку, когда все уже были на ногах. До обеда работал за столом, отдыхал и снова работал до вечернего чая. Обостренное «родственное внимание» позволило ему создать свою «микрогеографию», составленную из множества лирических миниатюр и дневниковых записей. Накопившиеся в течение десятилетий, они вошли в объемистые циклы «Лесная капель», «Фацелия», «Глаза земли», «Дорога к другу», «Незабудки»... Пришвин вел дневники более полувека до последних дней жизни. То, что не успел подготовить к печати сам писатель, сделала Валерия Дмитриевна, работавшая у него с 1940 года литературным секретарем и вскоре ставшая его женой.

Последние годы, начиная с 1946-го, Пришвина жили в деревне Дунино на Москве-реке, неподалеку от Звенигорода. Сейчас в этом доме музей писателя.

Михаил Михайлович Пришвин скончался в Москве в январе 1954 г.

Прозу Пришвина непременно надо время от времени перечитывать. Она возвращает к истокам чистого русского языка, обнажает уродливость нашей нынешней речи с налипшими на нее иноязычными словечками. Она напоминает о том главном, что лучше всего высказал сам Михаил Михайлович:

«Охранять природу — значит охранять Родину»;

«Быть русским, любить Россию — это духовное состояние».

Моим молодым друзьям

М. М. ПРИШВИН

Мы все немного поэты в душе, особенно охотники. Бывало, входим мы в лес вдвоем с собакой. На одной полянке собака причуяла след, поглядела на меня, и я понял ее: тут почевали вблизи и вышли в поле через эту полянку тетерева. Но как раз когда собака причуяла след и повела, вдруг сквозь густую крону дерева пробился солнечный луч и полетел вниз. И так вышло случайно, что солнечный луч попал как раз на тот листик заячьей капусты, от которой запахло собаке перышком тетеревенка. Обласканный солнечным лучом, листик заячьей капусты сейчас же сложился, как складывается зонтик, когда дождь перестал. Собака приостановилась, и, пока она стояла, человек видел, как солнечный луч обласкал всю полянку и вся тесная заячья капуста на всей полянке сложилась зонтиками.

Так в первый раз в своей жизни я увидел, как от солнечного луча заячья капуста складывается зонтиком, и самое главное, что после того и все стало в лесу мне показываться такое, чего раньше я не видал. И оттого вокруг все стало волшебным: мы все немного поэты в душе, и особенно охотники.

Конечно, это в каждой ботанической книге можно найти, что тенелюбивое растение прячется от солнца и что заячья капуста, как тенелюбивая, должна была тоже свернуться. Но ведь в ботанической книге сказано вообще о тенелюбивых растениях, и если даже о заячье капусте, то, конечно, тоже вообще, а не о том самом листике, от которого собаке пахло тетеревенком, и в тот самый момент, когда сквозь ветви густых елок вышел на него солнечный луч.

Довольно бывает какого-то листика капусты, чтобы повязка спала с глаз, и охотник с легавой собакой вошел внутрь самой природы, и где-то в подмосковном лесу открылся ему волшебный лес, как открылся Тургеневу Бежин луг с чудесными мальчиками.

Такое «открытие мира» сопровождается, как и у путешественников в новые страны, неутолимым желанием поведать об этом другим людям и,

наконец, когда собака подвела к выводку, превращается прямо в душевный пожар. Вот тогда, закончив охотничью операцию благополучно, Тургенев, усталый и счастливый, вгнездится в какую-нибудь мягкую моховую кочку, отдохнет, вынет свою записную книжку и начнет в ней давать сигналы другому человеку об открытии им нового мира. И тот человек в этом слове поэта получит сигнал и повернет свои глаза в ту сторону, куда раньше он не смотрел.

Так я понимаю поэзию как силу души человеческой и знаю, что наши русские охотники почти все такие поэты в душе. Но редко, очень редко такой поэт в душе может заключить свою поэзию в словесные шлюзы и по этой реке направить, как настоящий поэт, к желанной цели свои корабли.

Такова тургеневская охота с легавой, и я начал с нее потому, что такая охота воспитала во мне живого человека, способного видеть природу своим собственным глазом. Но есть другая, любительская охота, имеющая значение народного праздника, требующая покровительства и поощрения со стороны государственных органов охраны народного здоровья и военной подготовки.

Любимая у нас по всей стране народная охота — это охота с гончим

мастером. Во времена дорогих барских охот у нас процветала охота с борзыми и, как подсобная ей, была выгонка зверя из лесных и болотных угодий в поле гончими стаями. Малопомалу из этой сложной охоты с борзыми и гончими выделилась в самостоятельную стайная охота с гончими, и на место борзой стал охотник с ружьем. Но эта стайная охота с гончими еще была дорога: при двух-трех мастерах в этих стаях было много собак-приживалок, и дело их было лишь в том, чтобы создавать любимый охотниками хор собачьих голосов. Малопомалу из такой стайной охоты стала откалываться охота с мастером, доступная всем, потому что одну собаку каждый может держать.

Теперь в каждом значительном селении есть охотник с гончей, но, конечно, не везде, и даже не знаю, есть ли где-нибудь на свете такой мастер, каким был у меня Соловей, способный гонять, самостоятельно выправляясь на сколе, и зайца и лисицу зимой от последней утренней звезды и до первой вечерней. Не буду, однако, упираться в свое лучшее, допускаю, что и в наше время есть достойные мастера, и наверно знаю, что дальше будет все лучше и лучше.

Эта охота с мастером тем хороша, что с одной собакой может охотиться

целая стая дружных охотников и цеплый день, сливаясь душой в праздничной радости, перебегать поляны, перелезать снежные овраги, прыгать через плетни и незамерзающие ручьи, затаиваться намертво в просеках в ожидании зверя и после удачного выстрела победным криком созывать товарищев на общую радость. И если тургеневская охота есть школа поэтических открытий, то народная охота с гончей, как она у нас существует повсюду, есть школа воинов с простой, открытой душой.

Интересна строгостью своего коллектива охота волчьих команд. В этих коллективах воспитывается разумный охотник, умеющий сдерживать свою личную страсть ввиду серьезной задачи избавить край от «серых помешанных».

Есть вид охоты, еще дальше отстоящий от спорта, чем даже охота на хищников: охота, подсобная во время путешествий как в целях добывания пищи, так и шкурок редких зверей и птиц. Самым редким представителем такого рода охотников был у нас знаменитый путешественник Пржевальский. Он является примером для всех нас, в какое полезное для науки дело может превратиться свойственная многим мальчикам охотничья страсть. И путешествия и открытия у Пржевальского выросли из его детской страсти к охоте в смоленских лесах.

И, наконец, есть целая огромная область охоты промысловой, которой занимаются не только люди с праздником в душе, но и самые простые, принужденные пользоваться охотой как средством своего существования. Конечно, и среди них тоже, как и всегда, есть поэты в душе, и люди, склонные к знанию, и художники своего дела.

Все виды охоты в своей жизни извел, и в одно трудное время пришлось мне даже заниматься добыванием шкурок лисиц, зайцев и белок и даже присматривался к ловле кротов капканами. Для своего словесного дела, мне кажется, я выбрал все, что может дать охота, и теперь мне даже не очень и нужно ружье, чтобы в лесу быть всегда, как на охоте. Мало того. Мне, пожалуй, и леса не нужно: не описать за жизнь и того, что набрано от леса в себя. Но меня очень волнует одна мысль: как бы удержать и развить в нашей новой, советской культуре те особенности русской народной охоты, которые так замечательно повлияли на творчество наших ученых, путешественников, писателей, художников, композиторов и уж, конечно, самой собой, на мастеров военного дела.

Особенность нашей охоты сравнительно с немецкой баронской, американской индивидуалистической и всякой эгоистической охотой богатых людей за границей — что она насквозь пропитана духом товарищества, демократической мыслью о желанном единстве души всего вообще человека. Как характерно для нашей охоты,

что великий писатель Толстой, сам барин и граф, восхищенно описывает нам такое чисто охотничье состояние душ, когда простейший егерь, артистически владеющий своим ремеслом, получает от автора нравственное право изругать и осрамить своего барина графа Ростова.

Вторая особенность нашей охоты — это что она содержит в себе священное чувство охраны природы как нашей родины. Конечно, в человеке всякой страны таится это славное сыновнее чувство, как мы понимаем его, например в книгах канадского писателя-индееца Серой Соби, и особенно понимаем, когда сопоставляем это чувство с тем страшным разрушением жизни, которое приносит с собой варварское истребление лесов канадскими предпринимателями.

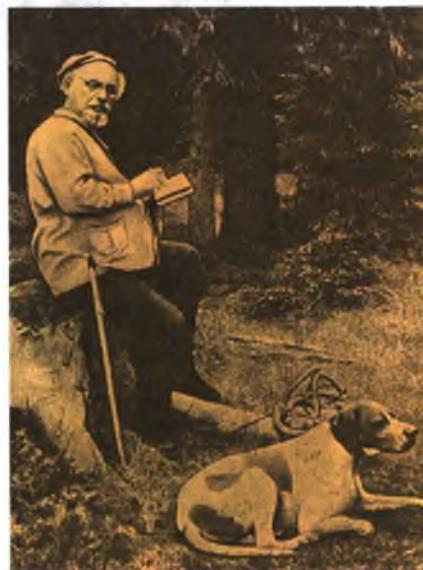
Наши идеалы охраны природы совсем не такие: наш идеал — это дедушка Мазай, который с Некрасовым со всей охотничьей страстью осенью бьет дупелей, а весной во время наvodнения спасает зайцев.

И если бы я не знал в себе как охотнике такого же Мазая, хорошо понимающего, когда можно убить зайца и когда, может быть, и самому убиться, чтобы этого зайца спасти, я бы с отвращением бросил охоту и восстал бы против охотников.

Но как сделать, чтобы наша молодежь могла идти в охоте по этому трудному пути образования себя самого от простого охотника до охотника — охранителя природы и защитника своей родины?

Об этом невозможно сказать в двух словах и, вероятно, даже нельзя сказать вообще одному. Мое дело только в том, чтобы поставить вопрос об охоте как нравственном пути для молодого охотника.

1948 г.

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Марков Б. И. *Москва охотничьи*. — М.: Центрополиграф, 1997. — 10 000 экз. 488 с.

В книгу известного эксперта-кинолога и библиофилы Б. И. Маркова вошли очерки о старинных русских охотах и писателях-охотниках, охотничьи воспоминания автора и рассказы.

Томас А. Нотт и Долорес Оден Купер. *Домашний настольный справочник по дрессировке собак*. — Пер. с англ. — «Библиотека американского клуба собаководства». — М.: Центрополиграф, 1997. — 6000 экз. 246 с.

Авторы предлагают свою программу дрессировки собак от простого к сложному, включая вспомогательные методы, облегчающие усвоение и закрепление навыков; описывают трудности, встающие перед дрессировщиком в процессе тренировок. Философский принцип взаимопонимания дрессировщика и собаки как единой команды, понимание и устранение ошибок, допускаемых с обеих сторон, получение удовольствия от занятий, стремление постоянно учиться самому и совершенствовать навыки, усвоенные собакой, — цель этого справочника.

Заповедные острова. Газета для особо охраняемых природных территорий. Июль 1997 г. № 1. М. — 999 экз. 8 с.

Это новая газета, задуманная в первую очередь для профессионалов и созданная профессионалами-специалистами по особо охраняемым природным территориям и журналистами, пишущими на эту тему.

«Заповедные острова» — это заповедники, национальные парки и другие охраняемые островки дикой природы.

В № 1 выступают начальник Управления заповедного дела Госкомэкологии России В. Степаницкий («Что любим — сохраним. Но пусть помогут профессиоанлы»), охотовед-эколог С. Устинов («Наши заповедники родились на Байкале»). К 80-летию заповедной системы России, ведущий научный сотрудник Саяно-Шушенского заповедника В. Стажеев с очерком о трагической гибели осенью 1994 г. четырех инспекторов патрульной службы и пограничного заповедного кордона. Директор государственного природного заповедника «Брянский лес» И. Шпиленок рассказывает о первом в мире и самом известном американском национальном парке «Иеллоустон». Большой материал посвящен национальному парку России «Лосиный остров»

НЕВЕРОЯТНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

ТАХАВАР АЛИ ХАН

Ни один из тех, кто охотится на опасную дичь, не сможет выжить в джунглях, если будет полагаться только на рассудок. «Хитрости джунглей» составляют важную часть ментальности удачливого шикари*, но по меньшей мере раз в жизни он окажется поставлен лицом к лицу с тем, что в обиходе называют невероятным положением, когда ничего не значат физические возможности человека, а натренированные умственные его покинули.

Если такое случается, то Удача, которая всегда незаметно следует по пятам шикари, как верный сторожевой пес, вступается и вырывает его из пасти смерти; наутро он может охотиться вновь. Поэтому все охотники-спортсмены суеверны: они слишком сильно верят в Удачу и часто полагаются на нее, надеясь, что она не подведет. При разном вероисповедании есть у них своя церемония, чтобы умилостивить Удачу тем или иным путем, и потому спортсмен выполняет ее по-своему, на свой собственный манер.

К примеру, некоторые шикари отказываются стрелять в определенный день недели. Другие носят амулеты на руках или затыкают веточки и птичий пух за ленту шляпы перед тем, как вступить в лес. Один исключительно храбрый и интеллигентный шикари — мой добрый друг — плевал в стволы ружей перед тем, как отправиться на охоту.

* Шикари — охотник (чаще профессионал) в Индостане.

Все эти ритуалы не являются более варварскими или смешными, чем, например, обычай скрещивать пальцы перед важным делом. Для людей, которые рискуют в джунглях своими жизнями, эти маленькие фетиши становятся важными и значительными.

Удаче, наверное, была особенно приятна молитва из пяти слов, которую я произнес, вскинув винтовку в февральским утром 1957 года, раз уж остался жить, чтобы рассказать о невероятном положении, в котором оказался в Сундарбане.

Я плыл с лесным обездичником на правительственною катере в местечко под названием Сейджхали. Катер пересек реку Маланха в двух с половиной километрах к северу от вытянутого мыса острова Патни и вошел в пролив Селенхали. В шести километрах справа серебрилась береговая полоса Бенгальского залива.

Катер бросил якорь у входа в пролив: лесной обездичник хотел показать, как работают люди в Сундарбане с тем жалким запасом питьевой воды, которую они завозят с севера. Высадились на берег, пересекли нетронутый пляж, пятнадцать метров или стихий наносов, за которыми шла широкая полоса крупного песка, поросшего густой травой в метр-два высотой; в двухстах метрах за нею был лес. Как и всюду в этих краях, полосу песка обрамляли дюны, нанесенные океанскими ветрами.

Лесной обездичник подвел к 30—40 ямкам глубиной более метра, вырытым в песке у края опушки. На дне некоторых поблескивали лужицы чистой воды. Я залез в импровизированный колодец и попробовал воду — она была солоноватой.

Тем временем обездичник заметил рядом следы тигра и принял их разглядывать. Он пояснил, что водоносные ямки стали смертельной западней для нескольких человек: людоеду удобно, затаившись в траве, хватать жертву, когда та набирает воду.

Большое стадо пятнистых оленей, видимо, зачумило людей: животные поднялись с поляны, расположенной в ста пятидесяти метрах в направлении пролива, и пронеслись мимо, к краю леса. Над высокой травой виднелись только рога самцов, и я бросился к джунглям, оленям наперевес — надо сдержать обещание, свежее мясо должно быть у кока на катере. Я был в тридцати-сорока метрах от леса, когда головные олени уже растаяли в чаще. Для поспешного выстрела время еще оставалось — стадо замыкал великолепный рогач, и его удалось свалить.

Вороны носились над голой песчаной плешью, окруженной высокой травой, и двумя большими дюнами в трех метрах от нее. В еле заметной впадине между дюнами я увидел темный предмет, который кто-то яростно тряс, и, когда предмет резко взметнулся в воздух, а потом, описав дугу, упал на землю, я узнал в нем ногу человека. Тут же я увидел крупного тигра, перетаскивающего добычу; зверь уставился на дерево, где я сидел. Неизвестно, заметил он меня или нет, но явно заподозрил что-то неладное и скрылся за дюной, оставив добычу.

Я всегда считал неразумным стрелять в тигра с расстояния в 60—70 метров, предпочитаю дистанцию метров в 25: надо быть уверенными, что уложишь зверя первым выстрелом, а не ранишь его, создав опасный прецедент — его дальнейшее преследование. Поскольку здесь дистанция была в шесть раз больше, я решил не тратить время попусту на дереве, а подкрасться к тигру по пляжу. Я быстро слез и обрисовал положение обездичнику.

Люди, собравшись, двинулись к пляжу, старательно обходя колодцы. Все были вооружены дробовиками, и, когда они пришли на пляж, им было велено оставаться там с обездичником — я отправился навстречу тигру в одиночку.

Я хорошо знал, что выслеживать людоеда одному куда менее риско-

ванно, чем заниматься тем же в случайной компании. Когда полагаешься только на себя, ты, естественно, более собран и внимателен, ты не убаюкан ложным чувством безопасности, на смену которому быстро приходит несчастье. К тому же ты рискуешь быть случайно подстрелянным своими компаниями, возбужденными внезапным появлением людоеда.

Решив двинуться в одиночку, я так и не смог отделаться от моего слуги-пуштуна: изъявляя чрезмерную преванность, Гюль Хан настаивал, что будет сопровождать хозяина с фотокамерой, дабы запечатлеть его подвиг. Времени на споры не было, и я неохотно согласился, наказав ему дер-

мы со слугой поднялись и подошли к жертве людоеда, которая была, судя по всему, убита день тому назад.

Тело зверь унес, и только полуусыпленная нога, внутренности, несколько костей и кусочков плоти были разбросаны меж двух дюн. Здесь же лежали ключа ткани, пропитанной кровью, и тяжелый запах привлекал тучи назойливых мух.

Я поглядел в сторону деревьев, с которых вспорхнули встревоженные вороны, и увидел след — затененную траву; его оставил людоед. След вел прямиком в джунгли. Когда крупное животное проходит по высокой траве, оно смешает отдельные травинки на тропе, и они, оказываясь в тени, вы-

Лес состоял большей частью из деревьев горан с тонкими и стройными стволами, диаметром до десяти сантиметров. Кустарник по грудь высотой цвел крошечными белыми и желтыми цветочками, им густо поросла влажная почва, усаженная пневматофарами — дыхательными корнями. Подлесок ограничивал обзор, но почва хорошо просматривалась от основания кустов, на которых листвы на полметра от земли не было — следствие приливов и отливов.

Прокладывая путь через кусты со своей добычей, тигр оставил отпечатки лап на влажной глине, а кроме них след из крохотных лепестков, опавших с цветущего кустарника. Я дви-

Рисунок Б. Игнатьева

жаться и действовать только по моим сигналам так тихо, как это возможно.

Подобрались к колодцам, держась в травянистом поясе, а когда трава стала ниже, легли на землю. Поползли вперед по направлению к тигру, который находился, по оценке с дерева, примерно в двадцати пяти метрах за колодцами и на столько же в глубине плеши. Проползли десять метров, как вдруг раздалось тревожное карканье ворон: птицы взлетели с двух деревьев на краю леса. Ясно было, что тигр покинул место, где его заметили, и ушел в джунгли.

глядят чуть темнее, чем нетронутые. Такой мимолетный контраст теней создает неясное впечатление следа и позволяет шикири установить направление, в котором ушел зверь.

Двигаясь по этому следу, я проследил отпечатки лап тигра до опушки. Здесь я строго-настрого приказал слуге оставаться, втолковав, что ему будет весьма удобно на ветвях высокого дерева кеора, откуда он не должен слезать, пока хозяин его не заберет. Я взял камеру, повесил на грудь и осторожно вступил в джунгли, воздав про себя молитву Творцу.

гался с крайней осторожностью, согнувшись и взглядываясь вперед, обследуя открытую землю. Было нелегко идти бесшумно по тридцатисантиметровым пневматофарам, приходилось осторожно ступать, чтобы не пораниться.

Углубившись на сто метров в лес, я инстинктивно ощущал близкое присутствие людоеда, хотя ни один лист не зашуршал, ни одна веточка не хрестнула. Мертвое молчание давило осаждаемой тяжестью и вызывало ощущение физического удушья.

Страшно хотелось слышать человеческую речь или хотя бы жужжение насекомых; все чувства были до крайности обострены. Горло пересохло, все время приходилось сглатывать слюну.

Звук хрустнувшей кости нельзя ни с чем спутать: он прозвучал как пистолетный выстрел, а за ним последовали звуки, которые, казалось, доносились спереди и чуть правее. Я сверху не видел ничего, кроме переплетения кустов, а потому нагнулся и посмотрел

рел сквозь них. В пятнадцати метрах виднелась часть трупа, а рядом голова и плечо пожирающего его тигра. Зверь расположился наискосок. Стремлять через кусты, когда пуля могла отклониться, было бессмысленно, поэтому я медленно поднялся, чтобы выбрать более удобную позицию. Очень осторожно я двинулся вправо, пока не нашел что-то вроде тропки между кустами. Корпус тигра и его жертва были теперь мне хорошо видны, и зверь, казалось, не подозревал о моем присутствии. Отсюда я легко мог застрелить тигра, но вздумал блеснуть как фотограф — это была первая возможность сделать снимок людоеда с жертвой. Видимо, сказалась основная профессия — журналист, и невозможно было упустить такой шанс. Камера висела на груди, я попросту навел ее в направлении, которое казалось верным, и, не отводя глаз от зверя, нажал кнопку.

Последовал отчетливый щелчок затвора. Тигр, коротко рявкнув, развернулся. Мгновение он смотрел прямо мне в глаза с явным изумлением, а потом подхватил полуусыпленное тело, как кошка хватает мышь, и, повернувшись на месте, бросился через кустарник. Я мгновенно нагнулся и, глядя сквозь основание кустарника, успел заметить быстро мелькавшие лапы и мотавшийся темный предмет — тело, которое нес тигр.

Казалось, что встреча с тигром потеряна. Я встал и в силу привычки перевел рычаг перемотки пленки на пол-оборота, чтобы подготовить ее для следующего кадра. У «Роллейфлекса» это резкое жужжание, и оно едва не стоило мне жизни.

Невидимый тигр оставил свою добычу и вернулся разведать в чем дело. Звук механизма перемотки пленки оповестил его о моем местоположении, а может, напугал и разозлил: зверь атаковал в считанные секунды...

Кусты в тридцати метрах слева разделились от внезапного и мощного удара — будто бы разорвался артиллерийский снаряд. Мозг тут же среагировал на опасность, все тело автоматически ответило на сигналы тревоги.

Я развернулся на левой ноге, указательный палец на спуске, приклад уже уперся в плечо, а предохранитель сдвинут большим пальцем. Правую ногу я отставил, и тут же нога зацепилась за целую гроздь пневматофолов — я споткнулся!

Я раскинул руки, как инстинктивно поступает каждый оступившийся, держа в правой винтовку. Левая, на счастье, задела за ветку соседнего дерева и так же инстинктивно вцепилась в нее, чтобы предотвратить падение. И пока я остался в этом весьма неустойчивом положении, тигр вылетел из кустарника в пятнадцати метрах от меня.

Он не рычал, не ревел, и кусты сомкнулись позади него с сосущим шепотом, от которого сердце противно забилось в горле. Мне казалось, что голова моя плывет в воздухе, оторвав-

шись от плеч, и вся кровь ушла. В ушах звенело, а глаза, казалось, смотрели сквозь пелену на оживший бред. Мне мнилось, что все это происходит не со мной, а с совсем другим человеком. Неуместные мысли и смутные полузаstryые слухи из жизни почти мгновенно промелькнули в сознании с графической четкостью рисунка.

Тигра я видел, как видят бесформенную тень, выплывающую из ночного кошмара, а потом зверь мгновенно материализовался как бы одним щелчком, и обостренное восприятие увеличило его пропорции. Он воплотился в чудовищный сгусток ненависти с оскаленными зубами и мордой в жуткой гримасе. Его безумные, налитые кровью глаза уперлись в мои глаза с выражением такой сконцентрированной ярости, что ко мне вернулся рассудок. Так истеричку возвращает в норму неожиданная пощечина или ушат ходяной воды.

Я понял, что все безнадежно, все против меня. Тигр всего лишь в нескольких метрах, хвост напряжен, зверь устремился ко мне, а я все еще пребывал в неловком положении человека, застывшего в середине падения... Удивительно, но меня охватила неожиданная ярость, рожденная отчаянием, — возможно из-за взгляда тигра, — и тонкий налет цивилизации мгновенно слетел с меня. Я тоже превратился в дикого зверя, отстаивающего право на жизнь в битве с другим зверем в первобытных джунглях.

Навряд ли подобный вопль исторгала когда-либо моя глотка. Казалось, он зародился в стопах ног и вырвался из разинутого рта с такой свирепостью, что я сам остался на нем. Это был адский, убийственный вопль, его нельзя описать, он был ошеломляюще звириним.

Тигр застыл в броске в трех-четырех метрах, но инерция влекла его вперед по влажной земле.

Все, что так долго описывал, на самом деле случилось в несколько секунд с того момента, как я споткнулся. Левой рукой я все еще держался за ветку, а в правой сжимал винтовку, прижатую к правому плечу. Тигр еще смотрел вперед; я резко взмахнул правой рукой, как человек, бьющий копьем вниз, и приклад винтовки прошил менее чем в метре от головы людоеда. Тигр взрыл глубоко землю передними лапами и отдернул голову. За этим последовало совершенно невероятное. Зверь в полном смысле слова выполнил обратное сальто, выгнувшись в воздухе, и приземлился на лапы метрах в четырех позади. Он сразу понял, что маневр оказался ошибочным, и развернулся на месте, сердито рыча. Хвост зверя взметнулся — он собрался для другого броска.

Я уже выпрямился и опустил ветку, правая рука застыла. Ею я все еще сжимал винтовку, ствол которой смотрел в направлении прижавшегося к земле тигра. Времени целиться не было. Почти бессознательно я нажал

на спусковой крючок, и винтовка, загремев, подпрыгнула в руках, как живая.

Тигр прыгнул почти одновременно. Пуля, видно, прошла очень близко — выстрел заставил его отклониться в прыжке. Он пронесся стороной и скрылся в кустарнике. Слышно было, как он без устали мечется и испускает низкое рычание, а может, и наблюдает, не приблизится ли человек снова к его добыче. Если я это сделаю, он наверняка нападет снова.

До тех пор пока слышно, как людед движется, можно чувствовать себя в относительной безопасности — неожиданная атака исключена. По мере того как исчезла непосредственная угроза, восстановливается нормальная реакция. Я чувствовал, что я не в форме для нового поединка с тигром, и начал медленно и осторожно выбираться из леса.

Сидя на дереве, слуга слышал вопль, за ним выстрел, а затем рык тигра — само собой, он заключил, что хозяин его убит или жестоко искалечен. Слышно было, как он кричал: «Сахиб, джава-аб до! Ап тхик хайн? (Господин, ответьте! С вами все в порядке?)» Надо бы закричать и подбодрить его, но я лишился дара речи и не мог произнести ни звука. Ноги тряслись, а тело свело судорогой. Я еле поднес руку ко лбу: он был холоден как лед. Потом ноги стали наливаться свинцом, а ружье, казалось, весило целую тонну.

Тошило, но даже на рвоту не было сил. Хотелось положить винтовку на землю, но мышцы не повиновались. Хотелось сесть, но и это простое движение оказалось невыполнимым. Чувствовалась полная опустошенность, как если бы нервы, мышцы и кости покинули тело, оставив пустую оболочку, населенную бессильными желаниями.

Шок джунглей...

Агония была невыносимой, и хотелось, чтобы вернулся людоед и положил конец жалкому состоянию.

Потом раздались крики множества людей и выстрелы в воздух. Дрожь прошла по моему телу, ноги подкосились. Я упал и почувствовал, что плечи и голова опираются о древесный ствол. Я испустил глубокий вздох, слезы без всякого повода заструились по лицу, а беззвучные рыдания сотрясли все тело.

Подбежали, крича, обездвиженные люди, а слуга-пуштун в тревоге упал на колени, чтобы ощупать тело — нет ли ран. С великим трудом я затряс головой и прошептал, что со мною все в порядке. Я пошевелился, чтобы подняться на ноги. Тут последовало торопливое совещание, меня подняли, как ребенка, посадили на переплетенные руки двух мужчин и таким позорным образом доставили на катер.

Перевод с английского
А. ЧЕГОДАЕВА

ОХОТА В ХОРВАТИИ

СЛЕПОЙ СЕЛЕЗЕНЬ

ЗА ДВУМЯ ГАЛКАМИ

Просим отозваться!

Дорогие коллеги-однокашники! Те, кто пришел на охотоведческий факультет Московского пушно-мехового института 50 лет назад, в 1948 году. Давайте организуем встречу, хотя бы заочную. Напишите в редакцию, как прошли эти полвека, что было в них наиболее интересного, памятного. Нужна страничка машинописного текста и фотография, лучше — цветная. Об ушедших пусть напишут их друзья, родственники. Ждем встречи!

Уважаемые читатели журнала «Охота и охотниче хозяйство»! В настоящий момент организуется клуб в Ленинградской области Подпорожского района. Мы приглашаем на работу и сотрудничество всех увлеченных и знающих людей в области соколиной охоты и дичареведения, создания лосеферм и т. п.

Мы можем предоставить вам возможность реализации ваших идей, жилье, питание и зарплату. У нас есть небольшая база по разведению птиц. Мы сотрудничаем с Лесотехнической академией, С.-Петербургским университетом и Аграрным университетом.

Пишите по адресу: С.-Петербург, 189620, Пушкин, Железнодорожная улица, д. 68, кв. 100. Тел. (812) 476-08-30. Алексею Быстрову.

Здравствуйте, дорогая редакция! Это письмо меня заставила написать статья Р. Дормидонова «О борзых, с любовью», опубликованная в № 7 за 1997 г. Автор рассказывает о Галине Викторовне Зотовой. Я хорошо помню этого человека и всегда вспоминаю с огромной благодарностью. Но написать ей не мог, не имея адреса.

В 1987 году в г. Волгограде под ее руководством я окончил курсы экспертов-кинологов. В

августе 1989 года мне было присвоено звание эксперта второй категории по экспертизе на выводках и выставках охотничьих собак пород спаниелей. Этой породой я занимался с 1972 года. В декабре 1989 г. мы переехали в г. Рязань, где я сразу же вступил в секцию собаководства при областном рязанском обществе.

Передайте, пожалуйста, Галине Викторовне мои наилучшие пожелания, здоровья, успехов в работе и во всем, во всем.

Б. БОРТНИКОВ
г. Рязань

Уважаемые работники редакции! К вам обращается Медянник Евгений Иванович. В июле 1997 г. моему отцу исполнилось 85 лет. Всю жизнь я его знаю как активнейшего охотника. Думаю, на охоту он ходит не менее 70 лет и до настоящего времени. Он и меня старался приобщить, но из-за близорукости я осталась вне рядов охотников.

В 1928 г. мой отец, Медянник Иван Никифорович, как говорили в ту пору, по зову правительства и комсомола уехал в Среднюю Азию на строительство Туркестанской железной дороги (Турксиба). Из его рассказов и по сохранившимся пожелтевшим фотографиям можно хорошо представить, какая богатая там была охота. В горах Алтая Семиреченской равнины ходили многотысячные стада джейранов, в осенне-зимний период вокруг озера Балхаш, в его камышах-разливах собирались тысячи уток, гусей, дроф, целые тучи стрепетов, других перелетных птиц.

В течение трех лет отец возглавлял бригаду охотников, организованную из числа строителей, которая кормила весь отряд из 90 человек: осенью и зимой свежемороженое мясо, а на лето заготавливали солонину.

В 1931 г. он переехал на Кавказ. В голодные 1932–33 гг. кормил семью из шести человек, добывая диких кабанов, сайгаков, зайцев, перелетную дичь, фактически спасая от голодной смерти. Да и в другие годы охотничьи добычи всегда украшала семейный стол.

Во время Великой Отечественной войны отец был командиром батальона. Голодных, поначалу отступающих солдат, спасала охота, которую он сам организовал и возглавил.

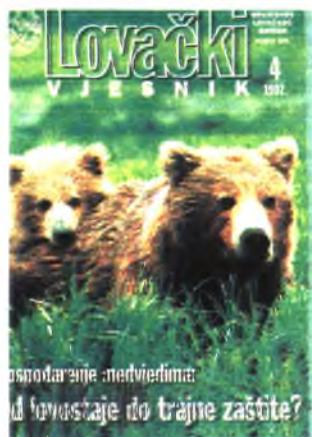
В 1947 г. наша семья переехала на Урал, так как отец был мобилизован на работу в почтовом ящике. Насколько я помню, работал он там от зари до зари. Но если только появлялось свободное время, он уезжал на охоту. Возвращался всегда с многочисленными и разнообразными трофеями. Следует отметить,

что Урал в 40–50-х годах был очень богат зверем и птицей. Помню, на нашей холодной веранде лежали десятками гуси, утки, рябчики и куропатки, тетерева, глухари. Неоднократно привозил отец мясо диких кабанов, косуль, лосей. И все это при его огромной занятости на работе. К тому же он читал лекции об охоте в коллективах трудящихся, организовывал охотничий творищество, пропагандируя одновременно и бережное отношение к природе. Поэтому параллельно с добычей мяса для потребления велся отстрел волков, лис и даже медведей, которых было слишком много в то время на Урале.

А в 1954 г. отец снова был переведен — в г. Лермонтов возле Пятигорска. С тех пор и по сегодняшний день он живет и охотится на Кавказе. В последнее время, естественно, не так активно, но об охоте постоянно думает, держит «порох сухим». В прошлом году мы с женой наставили его, и наш ветеран-охотник угощал нас дичью (перепелами, вальдшнепами), добытой лично им.

Журнал ваш он регулярно выписывает со дня его основания и читает с карандашом в руках, хранит многочисленные, переплетенные по годам подшивки и периодически к ним обращается.

Е. И. МЕДЯНИК
г. Северо-Двинск
Архангельской обл.

увеличению, и на 1997/98 г. намечено добыть уже вдвое больше.

В том же краю охотятся и на россы. Она распространена не только в Хорватии, но и в горах Боснии и Герцеговины, в Словении.

В четвертом номере «Ловачки виеснике» помещена подборка материалов о фазанье охоте, интересная статья о кабане, который для хорватского охотника такая же желанная добыча, как и для нашего. Немало его в соседней с Хорватией Словении. А вот на Австрийской стороне кабан — не частый гость. Причина в отсутствии кормовой базы. Леса на австрийской стороне в основном хвойные, и после уборки урожая кабаны предпочитают возвращаться на зиму в Словению, где могут легко найти себе пропитание.

В журнале в изобилии материалы об охотничьих собаках. В мартовском номере обязательно повествуют о бигле, в апрельском — о породах, работающих по пернатой дичи. Не обходят вниманием и охотничьи оружие, включая антикварное. Ну а кто удержится от соблазна погордиться охотничим трофеем? Этому посвящена львиная доля журнальной площади. Находит место и для филателии, и для живописи.

И, что самое замечательное, русский охотник сможет не только насладиться прекрасными, без лести, иллюстрациями, но и вполне разобрать основной смысл статей — язык-то близок русскому.

РОЗЕНТАЛЬ
г. Москва

Здравствуйте, уважаемая редакция! В 1996 г. у меня был очень интересный случай, о котором мне хотелось бы рассказать. Охотясь я уже более 20 лет, Сибирь стала моей второй родиной.

Ни для кого из охотников не секрет, сколько волнующих мо-

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ментов доставляет охота на водоплавающую дичь. Я охочусь на нее в болотистых водоемах Омской области. Западная Сибирь имеет множество заболоченных мест, где в изобилии водятся кряквы, чирки, лысухи и прочие представители пернатых, имеющих отношение к водной среде.

Ранним осенним утром я стоял в камышах на протоке, соединяющей два болота, в надежде добывть уток. Утро было ясное, безветренное, и лёта дичи не было. Вдруг слева от меня в камышах что-то зашуршало и двинулось по направлению ко мне. Я прицелился, но стрелять не стал, так как заметил селезня кряквы, плывущего по протоке ко мне. Вот он все ближе и ближе. Я присел, наблюдая за ним. Он поравнялся со мной, и я, изловчившись, схватил его за шею. Осмотрев птицу, увидел, что глаз у нее не было — вместо них два бельма. Мне стало жаль его, и я отпустил. Подкинув селезня вверх, он пролетел метров 15 и как-то неестественно плюхнулся в воду, затем исчез в зарослях.

В тот день мне не везло, и я уехал домой без трофея. Через неделю решил приехать туда же. Стал на то же место, и, к моей радости, на меня налетела стайка крякаша. Я выстрелил, и одна кряква плюхнулась недалеко от меня. Я быстро подбежал и без труда нашел добычу. Забрал утку, и вдруг мое внимание привлекла куча перьев на берегу. Я подошел к ней и увидел обглоданный скелет, пух и следы хищной птицы на глиняном берегу. Голова была целая, и я узнал слепого селезня. Вот так закончилась жизнь несчастной птицы.

В. БЕЗУГЛОВ
г. Омск

Здравствуйте, уважаемая редакция! На нашем журнале «Охота и охотничье хозяйство» я, можно сказать, воспитывался. Достаточно назвать имена Григория Федосеева, Андрея Скальона, Сергея Кучеренко... Меня прямо трясло всего после чтения: «Злой дух Ямбул», «Живые деньги», «Петля».

Вернувшись как-то из тайги, обнаружил дома журнал № 2 1997 г., а в нем в разделе «Письма читателей» мой небольшой рассказ про первого добывшего лося. Оказывается, жена потихоньку от меня послала в редакцию.

Рассказов-то много написано, а отправлять страшновато. Друзьям они нравятся, но это, наверное, потому, что события в них реальные. Когда я сам их перечитываю, ощущение такое, будто все это наяву: тайга осенняя, соболя, костерок или дым от печки в избушке... А вернешься в реальность — квартира городская, трамвай стучит, лайка по комнатам мается. Ничего,

брата, держись, немного уже остались... Хорошо хоть жена понимает нас и жалеет. Никуда мы без тайги!

Два года назад я закончил институт и устроился работать охотником. Работа, конечно, не денежная, но против самого себя идиti не хочется. В конце концов, «не в деньгах счастье». Привет всем охотникам, для которых «зов тайги» — не просто красивые слова.

А. ДРУЧИНИН
Усть-Каменогорск

Здравствуйте, уважаемая редакция! Пишет ваш постоянный подписчик и читатель. Всегда с интересом читаю рубрику «Письма читателей», где каждый может поделиться своими мыслями, рассказать какой-нибудь интересный случай из охотничьей жизни. Вот и я решил написать.

В нашем городе есть большая заболоченная низина в пойме реки. Густо поросшую заросли ивы и ветлянку, покрытую луговинами и лужайками, вечно сырой и заболоченной, ее на московский манер прозвали Лужниками.

Через низину со всех направлений проходят тропинки и асфальтированные дорожки, которые сходятся в одной точке — у висячего моста через реку.

В одно морозное декабрьское утро яшел через низину по одной из тропинок. Рассвет едва наступил, и я тропил выпавший ночью небольшой пушистый снежок. В одном месте, где кончались ивовые заросли и начиналась большая, засыпанная снегом луговина, мое внимание привлекло истощенное воронье карканье. Вороны гуртом вились над одним местом, метров за сто, ругая на чем свет стоит кого-то невидимого в кустах. Некоторые птицы садились на кусты и снова взлетали. Их ярости не было предела. Я остановился.

Снег был не очень глубоким, и я двинулся по границе кустов к заинтересовавшему меня месту. Из кустов совсем рядом взлетел очень крупный ястреб-тетевятник необычно белого цвета. Пролетев сотню метров, он уселся на одиноко стоявшую старую ветку и с явно недовольным видом принял следить за мной. Вороны переместились за него и непрерывно атаковали. Он не обращал на них никакого внимания. Интересно, кого он слышал на завтрак, подумал я, и полез в гущу кустов. Вот и место на снегу — ухлопанная крыльями, со следами борьбы площадка величиной с квадратный метр. В центре лежала галка, немного со спиной оципированная и расклеванная. Но что это? От этого места шел по снегу след.

Метра за два, распластав крылья, лежала еще одна галка, совсем целая и нерасклеванная. Я был удивлен и несколько озадачен. Оставшиеся следы явно говорили о том, что ястреб этим утром поймал сразу двух галок одновременно.

Воображение нарисовало следующую картину. Вороны давно облюбовали низину для ночевок. Защищенная от студеных зимних ветров с одной стороны высоким монастырским крутояром, с других сторон — домами и высокими деревьями, низина была идеальным местом для птичей спальни. Даже в самые сильные ветра там всегда было тихо. Вороны и галки тучами слетались к вечеру в низину, живыми гирляндами облепляли все кусты и деревья, тесно прижавшись друг к другу, пережидали долгую зимнюю ночь. Сегодняшним утром, совсем еще затемно, как только вороны начали переговариваться и некоторые птицы стали перелетать, ястреб снялся со старой ветви и полетел добывать себе завтрак. В неверном свете городских фонарей птицы могли не распознать своего злакяного врага, и ястреб залетел в середину стаи. Схватил ли он умышленно двух галок сразу или это получилось у него случайно?

Отчаянный крик галок сработал как детонатор. Мгновенно воздух испортили тысячи крыльев. В воздухе поднялась невероятная кутерьма. А ястреб тем временем спокойно свалился на снег под кусты, держа в каждой когтистой лапе по галке. Сначала он заклевал одну из них, и когда та, оглушенная, перестала подавать признаки жизни, разжал когти, выпустил ее. И все же она из последних сил, хлопая крыльями по снегу, отползла около двух метров, да так и замерзла, раскинув крылья. А ястреб принял за вторую. Трапеза, видно, только начиналась, когда я бесцеремонно вмешался.

Какой ловкач, подумал я, за двумя зайцами логнайся и обоих поймал. Я побыстрее выбрал-

ся из кустов и своим следом вышел к тропе. Отряхнув ноги, оглянулся. Ястреб уже сидел на кустах с явным намерением продолжить завтрак, пока тот окончательно не замерз.

На следующий день, возвращаясь с работы, я не поленился и зашел на то место. Две кучки перьев напомнили мне об удачной охоте ловкого ястреба.

В. ЕРОФЕЕВ
г. Саров Нижегородской обл.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ИЗ ПРОШЛОГО НАШЕГО ЖУРНАЛА

«ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО»: ГОД 1958

(Тираж 163 000, цена 3 рубля)

О чем писал, чем жил журнал «Охота и охотничье хозяйство» 40 лет назад, в 1958 году? Конец пятидесятых — время интенсивного строительства организационных основ нашего охотничьего хозяйства. Создавалось много охотничьих хозяйств новых типов, началась подготовка к учреждению Росохотовыболовсоюза, расширялась сеть заказников, шло расселение охотничьих зверей и птиц, продолжался рост численности соболей, сайгаков, косули и других зверей. В журнале можно было прочитать о многих интересных открытиях и наблюдениях ученых — охотоведов и зоологов.

Мы знакомим вас с некоторыми выбранными местами из нескольких номеров журнала 1958 года издания.

Государственные охотничьи хозяйства

В конце 1957 года по решению Совета Министров Союза ССР Министерством сельского хозяйства СССР созданы двенадцать государственных охотничьих хозяйств. Согласно утвержденному Положению одной из основных задач новых хозяйств является охрана и широкое воспроизводство охотничьей фауны и рыбных запасов. Хозяйства должны представлять собой резерваты для расселения дичи в охотничьих угодьях страны. В них будет вестись селекционная работа для улучшения поголовья животных, будут проводиться биотехнические мероприятия для создания им лучших кормовых, защитных и гнездовых условий, будут разрабатываться методы учета дичи, определение оптимальной плотности заселения его угодий, нормы отстрела и отлова зверей и птиц...

Государственные охотничьи хозяйства — это новый этап в развитии охотничьего хозяйства нашей страны. Они должны стать образцовыми и служить эталоном для всех приписных охотничьих хозяйств, создаваемых обществами охотников.

Передовая, № 1

Первый русский охотничий журнал

Сто лет назад, в январе 1858 года, в Москве вышел первый номер «Журнала охоты». Это был первый русский специально охотничий печатный орган, если не считать выходившего в 40-х годах «Журнала охоты и коннозаводства», уделявшего основное вни-

мание рекламе кровных орловских и рязанских рысаков.

Определяя задачи «Журнала охоты», его редактор-издатель Георг Мин писал:

«Истинный охотник принадлежит к числу тех любимцев природы, которые вступают в ее области не как неистовая орда хищников и опустошителей, но как благонамеренная рать наблюдателей и исследователей, берущих от избыток ее на столько, на сколько нужно для удовлетворения радости созерцания и пытливой деятельности...»

«Журнал охоты» просуществовал всего четыре года — 1858, 1859, 1860, 1862 (в 1861 году журнал не выходил).

Н. СМИРНОВ

Маяки и птицы

Бекасы, перепела, лысухи и многие другие перелетные птицы летят по ночам. Для них маяки представляют большую опасность. Птиц привлекает и ослепляет сильный свет. Сотни птиц ударяются в цоколь маяка и погибают...

В период пролета вальдшнепов население некоторых районов полуострова Бретань (Франция) посыпает на рынки Парижа множество корзин с вальдшнепами и бекасами, собранными у подножья маяков...

Союз охотников ассигновал два миллиона франков на оборудование, предохраняющее птиц от ударов в цоколь маяка. Оказывается, что для этого достаточно осветить цоколь с помощью сильных ламп, расположенных сверху маяка. Летящие во мраке птицы не только облетают освещенный цоколь, но, устав, часто присаживаются отдохнуть у его подножья на освещенном кусочке земли.

И. ЧЕПЕЛЕВИЧ

Промысловое охотничье хозяйства

Огромные лесные пространства на севере и востоке нашей страны, богатые пушным зверем и дичью, не посещаются охотниками и остаются в этом отношении вне использования.

В конце прошлого года Советом Министров РСФСР было принято решение, четко определившее пути дальнейшего развития промыслового-охотничьего хозяйства.

На Роспотребсоюз возложена задача организовать в 1958—1960 гг. в тяжелых охотничьих угодьях 94 промысловых хозяйства (промхоза) с посто-

янным штатным контингентом промысловых охотников. С учетом ранее принятых решений всего будет создано 103 промхоза...

В. ДЕНИСОВ

Николай Павлович СМИРНОВ

13 марта 1958 года исполнилось 60 лет со дня рождения Николая Павловича Смирнова.

Кто из грамотных, следящих за развитием советской и особенно охотничьей литературы читателей не знает имени этого талантливого писателя?

За 40 с лишним лет им написано около десятка различных книг. Уместно вспомнить некоторые из них: «Изумруд севера» (Очерки и рассказы, 1929 г.), «Человек и жена» (Повесть, 1933 г.), «Своим следом» (Охотничьи рассказы, 1934 г.), «Охотничьи времена года» (1952), «М. Пришин» (Монография, 1953 г.), «Охота на зайцев и других грызунов» (1957 г.).

А сколько составлено и выпущено под его редакцией литературных сборников и альманахов! Нельзя не упомянуть о таких широко известных читателям-охотникам, как «Охота в русской художественной литературе» (1927 г.), «Охотничье сердце» (1929 г.), «Охотничьи костры» (1930 г.), «Наши охотничьи богатства» (1948 г.)...

Ефим ПЕРМИТИН

«Токовики»

Со времен Сабанеева в охотничьей литературе широко распространено мнение о наличии «токовиков», которые к тому же являются якобы вожаками зимних стай. Считается, что на каждом току имеется один токовик — самый старый косач, который первым начинает токовать весной и каждое утро «открывает ток» своим чуфыканьем; что достаточно погибнуть такому токовику, чтобы данный ток распался...

Выборочные отстрелы токующих птиц показывают, что в центре токовища располагаются взрослые особи, а на окраине — молодые. Поскольку первые обладают большей половой активностью, то они и начинают первыми токование. Проведенный мною отстрел «токовиков» не привел к разорению ни одного из токов; он даже ни на час не прервал токования... Таким образом, детальные наблюдения в лесостепной Барабе позволяют прийти к заключению об отсутствии каких-либо особых «токовиков» на току, по крайней мере у птиц указанной местности.

К. ЮРЛОВ,
кандидат биологических наук

П. А. МАНТЕЙФЕЛЬ

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 марта 1958 г. лауреату Сталинской премии профессору Петру Александровичу Мантелейфелю за большие заслуги в области биологических наук присвоено звание Заслуженного деятеля науки РСФСР. Редакция от имени читателей журнала «Охота и охотничье хозяйство» поздравляет П. А. Мантелейфеля с присвоением ему почетного звания.

Союз обществ охотников РСФСР

С чувством глубокого удовлетворения встретила охотничья общественность сообщение о создании Союза обществ охотников РСФСР.

Образование центрального органа охотничьих обществ в Российской Федерации обеспечит благоприятные условия для дальнейшего развития в республике как охотничьего спорта, так и охотничьего хозяйства в целом...

Для проведения организационных мероприятий, предшествующих образованию Союза обществ охотников РСФСР, создан Организационный комитет.

Организационному комитету поручено подготовить и создать в сентябре 1958 года в г. Москве Всероссийскую конференцию обществ охотников, а также разработать и внести на рассмотрение конференции Устав Союза обществ охотников РСФСР...

Передовая, № 7

Мстят ли волки?

Как ни странно, но до сих пор живо поверье, будто матерые волки мстят человеку, если он возьмет из логова волчат. Мне неоднократно и со всей серьезностью пытались доказать, что волчица идет по следу охотника, взявшего волчат, приходит к его дому и режет принадлежащий ему скот. Это нелепое поверье в некоторых деревнях укоренилось настолько твердо, что

местное население не только не принимает мер к поиску и разорению близких волчьих гнезд, но даже скрывает местонахождение логовов от приехавших к ним охотников...

Людям, которые не решаются разорять волчьи логова из-за боязни местных матерых, следует иметь в виду следующее. В случае, если логово не разрушено, волчата целы и нападений на скот вблизи логова летом не было, — то осенью, когда молодые повзрослеют и выводок перейдет к бродячему образу жизни, можно ожидать групповых разбойнических налетов уже всего волчьего семейства. И в первую очередь, конечно, пострадают пасущиеся поблизости стада, так тщательно оберегавшиеся матерями в течение всего лета. Тогда нередко начинают раздаваться жалобы местного населения — «у нас появилось много волков, которые режут массу скота, пришли скорее охотников» и т. п., а волков-то, оказывается, они сами вырастили...

В. КОЗЛОВ, зав. научной частью заповедника «Столбы»

Редкий случай приспособления

Рябчик, как все куриные, гнездо строит на земле... Сообщений о встречах рябчика на дереве в литературе нет.

В мае 1957 г. при прохождении учебной практики по лесной таксации студентами III курса лесохозяйственного факультета Ленинградской лесотехнической академии имени С. М. Кирова в 199 квартале Лисинского учебно-опытного лесхоза (Тосненский район Ленинградской области) было найдено гнездо рябчика на ели... Один из студентов по сосне, под пологом которой росла ель с найденным гнездом, влез выше гнезда и увидел в нем 10 яиц.

Когда о находке сообщили мне, у меня невольно возникло сомнение. 1 июня мы осмотрели гнездо. Оно находилось в 100 метрах от опушки, в сильно заболоченном участке спелого соснового леса. Гнездо помещалось в вершинной части одной из небольших елей, на высоте 3,70 м. Из гнезда торчал веерообразный, несколько приподнятый хвост самки рябчика... Даже когда я по сосне влез выше гнезда и оно находилось всего лишь в одном метре от меня, самка продолжала сидеть, плотно прижавшись к гнезду. После того, как рябчик слетел с гнезда, в нем оказалось 9 яиц. Сомнений не оставалось, виденная птица и яйца говорили сами за себя...

По-видимому, самка рябчика отложила свои яйца в чужое старое гнездо, скорее всего в гнездо сойки...

В. ДЕМЕНТЬЕВ,
канд. сельскохозяйственных наук

Интересные случаи на охоте

ВОТ ЭТО ЧУДО!

Несколько лет назад по весне получили мы с другом путевки на охоту с подсадной в Березайское охотничье хозяйство, расположенное на юге Новгородской области. В путь отправились в приподнятом настроении. Однако, когда прибыли на место, настроение сразу испортилось: на двоих нам досталась одна подсадная утка. Как оказалось, существенный урон поголовью подсадных нанес хорек, поплатившийся в конце концов за свою кровожадность жизнью.

Утку я уступил Анатолию Андреевичу как новичку в охоте на селезней, а сам решил просто посидеть в шалаше, наслаждаясь просыпающейся весной природой. Расстроенный начальник охотхозяйства неожиданно предложил: «Возьмите селезня, глядишь, подлетит какой-нибудь крутой дикарь к сопернику. Я и манок дам в придачу». Затеплилась кое-какая надежда на успех. Я вспомнил рассказ знакомого охотника с Волги. Они с сыном брали с собой в шалаш селезня. Тот «жвакал» и провоцировал утку на страстные призывы. Тут условия были другие, но кто знает, во что может обернуться наш эксперимент.

Егерь посадил селезня на воду возле шалаша, ободряюще улыбнулся, пожелал «ни пуха ни пера» и ушел. Хотя едва рассвело, я тщательно осмотрел сквозь бойницы сектор стрельбы. Вблизи — полеглая трава, далее — низкие кустики, редкие стебли камыша. Поблескивают многочисленные дорожки открытой воды. Для верного выстрела места предостаточно, помех не видно. Оставалось вынуть манок и постараться извлечь из него всю утиную страсть, на которую я был способен.

Увы, селезни не шли на мои призывы, зато пошел нудный мелкий дождик. Настроение с каждой минутой падало. Но тут меня взбодрил напарник: «жвакнул» раз, другой, третий... Я ответил жарким кряканьем, и над разливом лесной речки зазвучал, поплыл призывный дуэт. На какой-то миг я поверил в чудо. И судьба его послала. Смотрю в амбразуру и вижу, как из дальних кустов выплывают странные силуэты. Чуть приостанавливаются и прямехонько чешут к шалашу. Вот до них уже метров сорок. Разглядел наконец — утки, но какого пола, не разберу... Тридцать метров (глазам не верю) — и три изумрудоголовых красавца, как боевые корабли, кильватерным строем, всей мощью сплоченной эскадры надвигаются на соперника, моего перепугавшегося селезня. Поскольку близко подпускать «эскадру» нельзя (узкий сноп дроби не охватят цели), я взял на мушку среднего «атакующего» и выстрелил: два селезня, чисто битых, остались на месте. Третий поднялся на крыло и был таков. Видно, дробь не задела. Но мне и двух было достаточно. К тому же скажи кому, что весной одним выстрелом двух селезней положил, — обманщиком назовут.

Быстро, чтобы течение не унесло, вынес драгоценные трофеи на берег и тут услышал выстрел со стороны моего товарища. Обрадовался — значит, и друг с полем. Еще выстрел... Небось, подранка добивает. Норму я взял, поэтому в шалаш больше не полез, достал термос и занялся чаем. Дождик прекратился, и выглянуло солнышко. А я все посматривал на лежавших рядом на травке красавцев и представлял себе, как удивится товарищ моей небывалой удаче.

Вскоре Анатолий Андреевич сам пожаловал и присоединил к моим еще двух селезней. Слушая мой взволнованный рассказ, он попивал чай и как-то странно улыбался.

Я возмутился:

— Ты что, не веришь?

— Верю, верю, но такая же штука случилась и со мной. На призывы моей крякви тоже приплыли три селезня. Я всех уложил с первого выстрела. Но один очухался и стал удирать. Ударил вдогонку — промазал, а он в кусты и скрылся там.

Я на какое-то мгновение опешил. Чудо повторилось и в одном и том же месте. Не верить друг другу мы не могли. Поняв всю невероятность случившегося, мы дружно расхохотались и сомневаемся до сих пор, что нам поверьят другие охотники.

К. ОГЛОБЛИН

ЗАЯЧЕ СЧАСТЬЕ

Как-то зимой ехали мы на Шелоху под Оймяконом, в самую холодную точку планеты. Баранку крутил Сенька Рыжов, Рыжик. Я сидел сзади, рядом с Мих-Михом из Вторчермета. Он прихватил с собой пятимесячного щенка. «Пусть привыкает к охотничьей жизни», — сказал он, неся его к машине на руках.

На Колыме ночь длиннее самой Колымы. Еще длиннее трасса, по которой мы едем на охоту. Зимой она похожа на желоб бобслея: метровые борта и гладкая, как яйцо, дорога. Газик катится монотонно, словно санки, взвизгивая на ухабах. Одному быть в таком пути — китайская пытка, как-никак восемь часов езды. Но мы, шумная компания, травим анекдоты, рассказываем охотничьи байки.

Едем мы, значит, на Шелоху. Мих-Мих вспоминает анекдот:

«Приходит заяц в охотничий магазин, спрашивает продавца:

- Патроны есть?
- Нет.
- А порох?
- Нет.
- Но, может, хоть дробь есть?
- Нету, ничего нету.
- Чихал тогда я на ваших охотников».

Не успели мы отдохнуться, как на дорогу, словно из анекдота, высекает заяц-беляк. Ослепленный ярким светом фар, он несетя впереди нашей машины во все лопатки.

— Во чешет, — говорит Рыжик, — как по нотам.

— Когти «рвет», — уточняет Мих-Мих. А косой мчится по желобу, то бишь по дороге, во весь дух.

— Ослепили его, бедолагу, — вставляю я. — Куда ему теперь деться?

— Его сейчас можно брать голыми руками, — замечает Рыжик.

— А давайте поймаем, — предлагает Мих-Мих, — пусть мой Верный понюхает живого зайца.

Советуем водителю обогнать косого. Рыжик жмет на газушку, обходит его. Отъехав немного, тормозит. На дороге снег, местами нальдь. Газик юзит, останавливается не сразу. Пока тормозим, пока собираемся выскочить из машины, заяц обходит нас слева, не сбавляя хода, продолжает бежать. «Надо было подальше проехать. Эх ты, мазила, — в сердцах говорит Мих-Мих, — на охоте мажешь и тут обмишурился. Гони по новой, да подальше отъехай от него». По зайцу видим, прыть не та, начинает сдавать. Рыжик делает все так, как ему советует Мих-Мих. Обходим косого, тормозим. Первым высекает Мих-Мих с щенком, за ним я. Луна на небе окружена золотым кольцом. Значит, мороз под шестьдесят. В подтверждение этому с чистого неба падают мелкие-мелкие кристаллки снега.

Косой продолжает бежать в нашу сторону, хотя уже не так быстро, но приближается к нам. Мих-Мих принял вратарскую стойку: ноги расставил пошире, присел, руки

НА ПРИВАЛЕ

на груди, приготовился к прыжку на живой «мяч». Наверное, он накрыл бы его, но в момент толчка ноги Миха скользят, и он летит в другую сторону. Заяц слепу не поймет, в чем дело, он слышит только шум утюзов, ударившихся в борт-сугроб. Косой «включает» свои тормоза: всеми четырьмя лапами, как прямыми палками, упирается в поверхность дороги. Но лед и для зайца лед. Естественно, он юзит и подкатывает к Верному. Тот еще глуп и не соображает, в чем дело, начал обнюхивать и лизать косого. Сказать, что заяц стал дрожать, — значит ничего не сказать. Силы косой потратил на беготню и теперь весь ходил ходуном. Я стоял в метре от животных. Заяц собрал последние силы, прыгнул мне в ноги и стал прятаться от щенка. На свои ноги он, очевидно, уже не надеялся и искал защиты у человека.

Представьте теперь мое состояние. Мих-Мих кричит: «Лови, хватай!» А как хватать? Дикого живого зверя, даже и зайца, я в руках не держал. Взять, как я кота своего беру, и прижать к груди? Так ведь поцарапает. Я совершенно забыл, что у зайца есть уши. Они в полуимetre от моих рук, протяни их, возьми за уши — и он не трепыхнется. Короче, пока раздумывал, что делать, косой, передохнув и набравшись сил, а главное, наверное, вновь став зрячим, махнул через сугроб и поминал как звали. «Эх ты, Моцарт», — смеясь в моем прозвище (по профессии я музыкант) ударение на последний слог, Мих-Мих дал понять, что между мною и великим композитором нет ничего общего. И он прав!

В. НЕРОБЕЕВ
Московская область,
д. Софрино

АНЕКДОТЫ ОТ НИКУЛИНА

Медведь сел на ежа и сказал:
— За что я любил покойного, так это за острую критику снизу.

На Птичьем рынке в ряды, где продают птичек, рыбок и мелкую живность, врывается мужчина. Он тащит на цепи медведя, который скалит зубы и рычит. Народ пугается, шарахается по сторонам. Один кричит хозяину медведя:

— Ты что, идиот! С медведем на Птичий рынок!
— Молчи, друг. Мне бы только эту сволочь найти, которая в прошлом году продала мне его как хомячка.

* * *
Сидит обезьяна и стучит по ядерной боеголовке зубилом. Прохожий говорит:

— Дура! Она же сейчас взорвется!
— А у меня другая есть.

* * *

Царь зверей собрал всех на поляне и говорит:

— Все красивые налево, а умные — направо.
Все начинают выстраиваться в две шеренги, а обезьяна мечется то туда, то сюда. Царь ей:

— Ты что?
— Но не могу же я разорваться!

* * *

В зоопарк пришел человек.

— Возьмите меня на работу, а то отовсюду выгоняют.
— За что?
— У меня очень замедленная реакция.
— Хорошо, будете сторожить у нас черепах.
Утром приходят, он сидит, а клетка пустая.
— Слушай, а где черепахи?
— Да только клетку приоткрыл, а они как ломанули толвой!

* * *

Встречаются два приятеля.

— Ты чего такой грустный?
— Да вот мои клопы объявили войну соседским.
— Ну так радуйся — перебьют друг друга.
— Ага, радуйся... Они вчера полторы тысячи пленных привели.

* * *

Встречает медведь мужика в лесу:

— Ты кто?
— Я турист.
— Это я турист, а ты — завтрак туриста.

* * *

Охотник идет по лесу и проваливается в медвежью берлогу. Теряет ружье и в страхе ожидает, что будет. Потихоньку приглядывается и видит маленького медвежонка.

— Папа дома?
— Нет.
— А мама?
— Тоже нет.

Он пинает медвежонка ногой:
— Тогда чего развалился, гаденыш?
Медвежонок заплакал и закричал:
— Бабушкаааа..!

* * *

Звери выпили. Показалось мало. Решили послать за бутылкой черепаху. Сунули ей деньги в пасть и вытолкали за кусты:

— Чеши за угол.
Час ждут, другой, третий. Не выдержали, стали ругать.
Лиса:
— Вот кляча, сдохнешь — не дождешься.
Крокодил:
— Старая курва! Придет — руки, ноги поотрываю.
Тут из кустов показывается черепашья голова и произносит:
— А если вы будете ругаться — вообще никуда не пойду.

* * *

Охотник рассказывает в гостях:

— Самый опасный зверь — гризли. От этого медведя нет спасения. Если вы бежите, он побежит еще быстрее. Если вы броситесь в воду, он тоже поплынет.
— А если спрятаться? — спросил кто-то из гостей.
— Он тоже спрячется.

НА ПРИВАЛЕ

В НОМЕРЕ

ГУСЕВ О. Что год грядущий..?	1
БЛИСТАНОВ А., СЕВАСТЬЯНОВ А. Увлеченный человек (интервью)	2
ДЕЖКИН В. Ведомственная некомпетентность или корыстный умысел?	5
Спасти охоту	8
ПАЖЕТНОВ В., ПАЖЕТНОВ С., ПАЖЕТНОВА С. Бурый медведь — зверь охотничий	10
СЛЕПЫХ В. Охота на кабана в Ставрополье	14
ШИШКИН В. Добрые звери мудрого мастера	16
Работы художника Василия Ватагина	18
ВЕРЕЩАГИН Н. Моя биография	20
Фотоконкурс «Охота и природа, 1998»	24
ГИБЕТ Л. Рейма — карело-финская лайка	26
В защиту прав потребителей	30
КУЗНЕЦОВ А. Охотничьи патроны с Алтая	32
ЧЕРНЫШЕВ В. На большаке охотничьей литературы: XX век	34
Михаил Михайлович Пришвин	35
ПРИШВИН М. Моим молодым друзьям	37
ТАХАВАР АЛИ ХАН. Невероятное положение	39
Письма читателей	42
Из прошлого нашего журнала	44
На привале	46
Реклама	7, 23, 28, 29, 33
ШИШКИН В. Чайковые	48

На первой странице обложки:
Андрей Чурбанов — выжлятник при стае гончих коневодческого фермерского хозяйства «Станица» Тверской области. Пожелаем ему успешной охоты.

Фото А. Севастьянова

На четвертой странице обложки:
РАЗВЕ ЭТО НЕ ЧУДО?
В январе 1997 года в разгар зимы, в мороз, в стужу я нашел два гнезда клеста-оловника. В гнездах были слегка насиженные яйца. Птенцы покинули гнездо хорошо оперившись, уже умея неплохо летать.

В. Ерохин, фото автора

Фотоконкурс «Охота и природа, 1997»

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висячев,
Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет,
В. В. Дежкин, Р. В. Дормидонтов, А. М. Лаврова,
В. Г. Сафонов, К. П. Савельев, А. А. Севастьянов,
А. А. Улитин, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев, Ю. П. Язан.

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник В. Ю. Есаулов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Э. С. Корчагина

Сдано в набор 05.11.97 г. Подписано к печати 04.12.97 г.
Формат 84x1081/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Тир. 38770 экз. Заказ 2054.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78,
Садовая-Спасская ул., 18. Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат
Государственного комитета Российской Федерации по печати
142300, г. Чехов Московской области
Тел. (272) 71-336
Факс (272) 62-536

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452.

ЧАЙКОВЫЕ

Чайки широко известны как символ открытых водных пространств, свободного неутомимого полета. При упоминании чаек большинство отметит их рыбоядность. Но лишь немногие любители природы, рыбаки и охотники, смогут назвать и описать чайковых птиц нашей страны. Хотя чайковые у нас не принадлежат к числу охотничьих видов (в отличие от ряда европейских стран, например, Дании), их значение для водно-болотных угодий может быть весьма велико, а связи с водоплавающими птицами — объектами охоты — разнообразны и сложны. Ряд видов наших чаек: черноголовый хохотун, реликтовая, серокрылая, розовая, белая чайки, красногорная говорушка, а также алеутская крачка включены в Красную книгу России и охраняются законом. Любые сведения о встрече с ними, особенно в гнездовое время, представляют научный интерес.

Из почти сотни видов мировой фауны чайковых птиц на территории России и ближнего зарубежья встречается около 40 видов, большинство из которых гнездится.

Подотряд чайковых (входящий в отряд ржанкообразных вместе с куликами и чистиковыми) делится, в свою очередь, на три семейства: поморниковых, чайковых и водорезовых (последняя группа обитает в тропиках). Семейство чайковых включает два подсемейства, собственно чаек и крачек.

Среди чайковых немало крупных птиц, например больших морских чаек с размахом крыльев, превышающим 1,5 м, и весом до 2 кг и более. Но есть и миниатюрные виды, в том числе изящная малая крачка весом около 50 г. Вытянутая форма тела, длинные крылья, ряд других особенностей позволяют чайкам во время сезонных миграций совершать рекордные перелеты, преодолевая моря и океаны. Хвост средних размеров, иногда с удлиненными центральными (у поморников) или крайними рулевыми перьями (у крачек). Клюв вытянутый, сжатый с боков, либо конусообразный (у крачек), либо с характерным крючком на конце надклювья и продольным овальным выступом на конце подклювья (у ряда чаек, поморников). Передние пальцы на лапах соединены перепонкой. В оперении преобладают серые и белые тона (у поморников коричнево-бурые). Существуют несколько возрастных нарядов, сезонная смена окраски, географические вариации.

В гнездовое время чайки придерживаются берегов различных водоемов — от северных морей до небольших лиманов и озер степной и пустынной зон. В последние десятилетия чайки активно осваивают антропогенный ландшафт, гнездятся даже на крышах городских домов.

Как правило, чайки образуют гнездовые колонии. У большинства чаек пары сохраняются в течение ряда сезонов. Исключительно разнообразны формы видоспецифического демонстрационного поведения: ритуальные позы, движения, крики и т. д. В простое гнездо или гнездовую ямку (обычно на земле) откладывают от 1 до 4 крапчатых яиц (средняя кладка 2–3 яйца). Насиживают самец и самка. Развитие птенцов по выводковому типу, часто на колониях образуются «ясли» — птенцовые табунки.

Кроме рыбы и водных беспозвоночных, в рацион чайковых входят животные корма: крупные виды поедают грызунов, птиц, ящериц, падаль; мелкие — насекомых, в том числе вредителей сельского хозяйства. Охотно используют ягодные корма.

В ряде районов (в заповедниках, отдельных рыбхозах) крупные чайки могут наносить локальный ущерб объектам охраны. Численность чаек тут должна регулироваться. Но с другой стороны, колонии, например, озерной чайки благодаря их коллективной охране защищают гнездовья ценных охотничьих водоплавающих. В последующих повидовых очерках мы подробнее остановимся на этой проблеме. В целом у людей к чайкам отношение обычно покровительственное, заинтересованное, доброжелательное. По поведению чаек определяют погоду, скопления рыбы. «Прилетела бы чайка, а весна будет» — гласит народная пословица.

В. ШИШКИН

Рисунок В. Шишкина

Индексы 70673 — на полгода, 72376 — на год. Цена 7000 р. (7 р)

